

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д. ф. н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д. ф. н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д. ф. н., проф. (Москва), В. В. Красных, д. ф. н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д. ф. н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д. ф. н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д. ф. н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д. ф. н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д. ф. н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д. ф. н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д. ф. н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д. ф. н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к. ф. н., доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д. ф. н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), К. И. Бринев, М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

О. А. Ковалев, С. Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66; Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а. Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Т. Г. Рабенко, А. О. Терентьева. Модель распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве (на материале социальной сети «ВКонтакте»)	7
М. И. Абдыжапарова, Е. П. Каргаполов, Т. В. Федосова. Образ леса в метафорических моделях авторской картины мира Владимира Волковца	27
Лю Сыди, Н. Г. Нестерова. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой репрезентации (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия»)	40
С. В. Беликов. Эргонимы в городском ономастическом пространстве Харбина и перспективы их использования при обучении русскому языку как иностранному	55
Е. А. Чистюхина. Лингвокультурный типаж «ленивый человек» как составляющая ценностной картины мира российских немцев (на материале шванков)	72
Э. В. Маремукова. Этностереотипизация утверждения и отрицания в разноструктурных языках	90
Д. В. Сердюк. Интертекстуальность святочно-рождественских рассказов М. Горького	111
И. П. Черкасова. Феномен концептуализации образа Николая Чудотворца и понятия чуда в поэтическом дискурсе	123
В. Н. Карпухина, А. А. Мансков. Художественный метод Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова: к постановке проблемы	142

А.А. Иванова, О.Ю. Муштанова. Сюжетообразующие мотивы легенд острова Сицилия	155
--	-----

Научные сообщения

С.М. Пронченко. Имена собственные в охотничьей прозе А.К. Толстого.....	168
---	-----

Чжан Цзин. Слова новый и новенький в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: семантика и функции	179
--	-----

Д.Д. Старикова, Л.А. Селина. Психолингвистические особенности восприятия концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ абитуриентами поколения Z	188
---	-----

Чжан Хуэйчжэнь. Антон Чехов в творчестве Лу Синя	197
---	-----

Е.В. Тырышкина. Динамический герой в повести Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» (заметки к теме)	205
--	-----

Е.Е. Волкова. Художественные приемы в творчестве Николая Олейникова: метабола и деконструкция.....	215
--	-----

Люди. Факты. События

Н.В. Бубнова. «Огней так много золотых на улицах Саратова...»: обзор XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»	224
--	-----

Резюме	229
---------------------	-----

Наши авторы	245
--------------------------	-----

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов	247
--	-----

CONTENTS

Articles

- T. G. Rabenko, A. O. Terentyeva.** The Dissemination Model of Unauthorized Information in the Virtual Communication Space (Based on the Material of the VKontakte Social Network).....7
- Ye. P. Kargapolov, T. V. Fedosova, M. I. Abdylzhaparova.** The Image of the Forest in Metaphoric Models of the Author's Worldview of Vladimir Volkovets 27
- Liu Sidi, N. G. Nesterova.** Media Image of Siberia through the Prism of Scientific Achievements of Its Regions: Means of Linguistic Representation (Based on the Texts of the Website of the International Exhibition-Forum “Russia”) 40
- S. V. Belikov.** Ergonyms in the Urban Onomastic Space of Harbin and the Prospects for Their Use in Teaching Russian as a Foreign Language.....55
- E. A. Chistiukhina.** Linguocultural type “A Lazy Person” as a Part of the Axiological World Picture of Russian-Germans (Based on the Shvanks).....72
- E. V. Maremukova.** Ethnostereotyping of Affirmation and Negation in Languages with Different Structures.....90
- D. V. Serdyuk.** Intertextuality of M. Gorky's Christmas (Yuletide) Short Stories.....111
- I. P. Cherkasova.** The Phenomenon of Conceptualization of St. Nicholas Image and the Concept of Miracle in Poetic Discourse..... 123
- V. N. Karpukhina, A. A. Manskov.** The Artistic Method of Sigizmund Krzhizhanovsky and Mikhail Bulgakov: The Statement of a Problem..... 142

A. A. Ivanova, O. Yu. Mushtanova. Narrative Motifs of the Legends of the Island of Sicily.....	155
---	-----

Scientific reports

S. M. Pronchenko. Proper Names in the Prose of Hunting by A. K. Tolstoy	168
--	-----

Zhang Jing. Russian Words новый (novyj) and новенький (noven'kij) in the Cycle of Ivan Bunin's Stories "Dark Alleys": Semantics and Functions.....	179
---	-----

D. D. Starikova, L. A. Selina. Psycholinguistic Features of Perception of the IDEAL LECTURE Concept by University Applicants of Generation Z.....	188
--	-----

Zhang Huizhen. Reception of Anton Chekhov's Work in the Prose of Lu Xun	197
--	-----

E. V. Tyryshkina. The dynamic Character in the Y. N. Tynyanov's Story "The Wax Person" (Notes on the Topic)	205
--	-----

E. E. Volkova. Artistic Techniques in the Works of Nikolai Oleynikov: Metabola and Deconstruction.....	215
---	-----

People. Facts. Events

N. V. Bubnova. "There are so Many Golden Lights on the Streets of Saratov...": Review of the XXII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"	224
---	-----

Summary	229
----------------------	-----

Our authors	245
--------------------------	-----

МОДЕЛЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕАВТОРИЗОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на материале социальной сети «ВКонтакте»)

Т. Г. Рабенко, А. О. Терентьева

Ключевые слова: неавторизованная информация, виртуальное коммуникативное пространство, коммуникативный ход

Keywords: unauthorized information, virtual communication space, communication course

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1–01](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1–01)

Введение

Научная проблема настоящего исследования связана со спецификой распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве, рассматриваемом в формате общения в социальных сетях.

Экстраполируя на область интернет-коммуникации понятие коммуникативного пространства как «мысленно представляемой среды» [Гаспаров, 1996, с. 69], необходимой для создания и интерпретации сообщения, виртуальное коммуникативное пространство представляется как область, структурированная «вторичными коммуникативными процессами, которые связаны с обсуждением и распространением информации, впервые полученной из средств массовой информации или услышанной от знакомых, друзей и пр.» [Почепцов, 1998, с. 118]. Субъекты виртуального сообщества вычлениют во внешнем и/или внутреннем мире значимые, с их позиции, объекты отражения и высказывают личностное отношение к ним. В связи с этим вслед за Ш. Балли можно говорить о том, что действительность «не отражается, а предомляется в нас, то есть подвергается искажениям» [Балли, 1961, с. 23], выражающимся в субъективном восприятии событий, рефлексии интернет-пользователей относительно определенных тем. Субъективность

распространяемой информации, ее анонимность, широкий охват аудитории и возможность обратной связи делают социальные сети эффективным каналом для распространения различного рода информации, в том числе неавторизованной. Под неавторизованной информацией понимается такой вид информации, при котором «источник информации представляется адресату неопределенным или вообще неизвестным» [Осетрова, 2009, с. 40]. Понятие (не)авторизованной информации сопрягается с категорией авторизации. В понимании данной категории мы следуем за Г.А. Золотовой. Суть авторизации Г.А. Золотова видит в том, что «в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и характер восприятия» [Золотова, 1973, с. 263] (см. также [Шмелева, 1995]). В качестве основания авторизации выступает «стремление говорящего выразить свою точку зрения на сообщение посредством указания на источник информации, а иногда и на характер восприятия действительности» [Золотова, 1973, с. 265].

Целью настоящего исследования является воссоздание модели распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве, воплощенном в социальной сети «ВКонтакте».

Методы и фактологическая база исследования

В работе используются следующие методы:

- 1) коммуникативно-прагматический метод, основанный на описании виртуального коммуникативного пространства с учетом совокупности собственно лингвистических средств организации текста и внешних условий общения, присутствующих в сознании интернет-пользователя в начале осуществления речевого акта, определяемого формулой: кто — что — где — когда — кому — зачем — как (говорит/пишет) [Якобсон, 1975, с. 198];
- 2) метод лингвистического моделирования, предполагающий конструирование модели. Последняя предстает как «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное (в нашем случае — мысленное: Т. Р., А. Т.) устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение другого (“настоящего”) устройства (оригинала) в лингвистических целях» [Булыгина, Крылов, 1990, с. 304] (обзор работ, посвященных понятию моделирования и лингвистической модели, см. [Поветкина, 2012]).

Фактологическая база данного исследования включает:

- 1) пост, размещенный в группе социальной сети «ВКонтакте»¹; в качестве информационного повода выступает сообщение о смерти одной из бывших участниц популярного телевизионного проекта «ДОМ 2»;
- 2) комментарии интернет-пользователей, выражающих свое мнение относительно произошедшего события (всего 544 комментария).

Выбор социальной сети «ВКонтакте» объясняется особой активностью аудитории в сообществах, связанной с реакциями участников на контент в сообществе или на личных страницах, наличием удобных инструментов для отслеживания посещаемости, высокой кликабельностью аудитории [Текутьева, 2017, с. 270].

Результаты исследования

Явление неавторизованной информации активно привлекается в качестве объекта научного описания. В зону исследовательского внимания включается ряд вопросов.

1. Определение самого феномена неавторизованной информации. Обнаружение каналов распространения неавторизованной информации, определение специфики каждого из них. Среди работ, посвященных данному аспекту изучения вопроса, стоит отметить исследования (докторскую диссертацию, научные статьи) Е. В. Осетровой, в которых дано описание своеобразия распространения неавторизованной информации через устный канал, представленный в формате живого непринужденного диалога [Осетрова, 2009], текстов с неавторизованной информацией, размещенных в СМИ [Осетрова, 2010], художественных фрагментов романов [Осетрова, 2010].

Установлено, что в основе понятия неавторизованной информации лежит лингвофилософская категория неопределенности, которая отражает проблему эпистемической неопределенности и семантической неоднозначности. Эпистемическая неопределенность относится к недостаточной информированности и уверенности субъекта в истинности передаваемой информации. Семантическая неоднозначность сопряжена с возможными множественными интерпретациями неких сообщаемых сведений. С коммуникативных позиций «категория неопределенности служит: а) для выражения неосведомленности участников речевой ситуации об источнике информации, объекте речи, его действиях; б) для передачи незнания, сомнения, неуверенности говорящим / пишущим в ха-

---

¹ https://vk.com/dom_2_sluhi

рактистике предмета речи; в) для передачи значения „отсутствие сведений” о неких предметах, явлениях с позиции говорящего / пишущего» [Беглярова, 2008, с. 52; Маштакова, 2005, с. 11].

Речевые высказывания, содержащие неавторизованную информацию, характеризуются наличием лингвистических маркеров. Среди них глагольные словоформы «слышал/а», «видел/а», «болтают», «(как) говорят / пишут», частицы «якобы», «будто (бы)», грамматические конструкции «ходят слухи», «прошел слух» и др. [Осетрова, 2010, с. 112].

2. Изучение жанрового воплощения текстов с неавторизованной информацией (слухи, сплетни, молва и пр.) [Рабенко, 2013; Хакимова, 2021; Шейко, 2019 и др.].

3. Описание механизмов распространения информации (в том числе неавторизованной) в социальных сетях. В связи с обозначенным аспектом представляется значимой серия публикаций Н.Д. Голева и М.А. Сушкиной [Голев, Сушкина, 2022; 2023]. В своем исследовании авторы исходят из положения о саморазвитии диалога интернет-комментаторов, в основе которого лежит динамика исходного текста: участники интернет-сообщества «видят какие-то свои интересы и предпочтения, требующие обсуждения, и тем самым вольно или чаще невольно перетягивают других участников диалога на свою площадку, провоцируют оппонентов высказать свое мнение» относительно заявленной темы [Голев, Сушкина, 2022, с. 186]. В итоге текст с обсуждаемой новостью становится эпицентром центростремительной тенденции [Голев, Сушкина, 2022, с. 186]. Центробежная тенденция сопрягается с «субъективной природой языковой личности участника интернет-обсуждения» [Голев, Сушкина, 2022, с. 186] — различием общественных и индивидуальных интересов и типов личностей, участвующих в обсуждении темы.

В рамках настоящего исследования представляется принципиально новый аспект рассмотрения распространения неавторизованной информации: посредством построения модели распространения неавторизованной информации показать механизм трансляции неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» с учетом специфики электронного канала коммуникации, выявить и систематизировать структурирующие модель коммуникативные ходы, осуществляемые интернет-пользователями, исходя из их роли в развитии / блокировании темы неавторизованного высказывания.

В рамках настоящего исследования описание механизма распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве осуществляется с учетом интеракционной модели коммуникации [Schiffrin, 1994, p. 398; Дементьев, 2000, с. 8]. В основе данной

модели лежит положение о том, что суть общения сводится к «сложному коммуникативному взаимодействию двух субъектов с учетом социально-культурных условий ситуации» [Макаров, 2003, с. 38–43]. Обозначенная модель помещает в центр внимания аспекты коммуникации как поведения. Коммуникация рассматривается здесь в терминах поступков: какое действие совершается в данный момент коммуникации [Schegloff, 2007, р. 9]. Реплики участников диалога расцениваются как речевые действия. Совокупность речевых действий определяется как коммуникативный поступок, иначе коммуникативный ход. «Коммуникативный (интерактивный) ход представляет собой вербальное и/или невербальное действие участников коммуникации, минимальный значимый элемент, который развивает взаимодействие субъектов коммуникации и продвигает их общение к достижению общей коммуникативной цели» [Макаров, 2003, с. 182]. Коммуникативные ходы, избирательно сочетающиеся друг с другом, имеют в своей основе выраженную или скрытую речевую интенцию и составляют структуру определенного типа общения, то есть типа коммуникативного поведения [Карасик, Бейлинсон, 2010, с. 126]. Исходя из этого, коммуникация субъектов оценивается как речевая деятельность, состоящая из коммуникативных ходов, которые подчинены реализации интенции общения.

Для оценки механизма виртуального коммуникативного пространства как канала распространения информации важен ряд параметров. Е. В. Осетрова выделяет параметры, значимые для работы устного канала распространения информации [Осетрова, 2009, с. 82]. Экстраполируем наблюдения автора на область виртуальной коммуникации и скорректируем обозначенные исследователем параметры с учетом специфики виртуального коммуникативного пространства как средства распространения информации.

1. «Момент ввода неавторизованной информации» [Осетрова, 2009, с. 82]. Если на этапе ввода информации в ситуации устного общения возможен индивидуальный и групповой режим коммуникации, то для общения в социальных сетях используется групповой режим коммуникации, когда сообщение единовременно направляется множеству адресатов. В отличие от устного канала распространения информации, где «неавторизованная информация вводится в Канал через ситуацию спонтанного общения» [Осетрова, 2010, с. 17], в социальной сети «ВКонтакте» пост с неавторизованной информацией целенаправленно размещается в сообществе, именуемом как «группа» или «паблик».

2. Способ трансляции неавторизованной информации, когда информация от одного источника (автора поста с неавторизованной информа-

цией и иных интернет-пользователей) распространяется по социальной сети, при этом актуальная новость в комментариях интернет-пользователями обрастает все новыми подробностями (саморазвитие диалога).

3. Периодичность трансляции неавторизованной информации. Текст может находиться в состоянии непрерывной циркуляции или время от времени актуализироваться в интернет-сообществе. Подобное наблюдается и при устном распространении неавторизованной информации.

4. Пространственный и временной параметры распространения неавторизованной информации. Канал распространения неавторизованной информации работает в пределах определенной группы — интернет-сообщества (в нашем случае — интернет-сообщества, объединяющего поклонников телевизионного проекта «ДОМ 2»). Период существования сообщения зависит от устойчивости социального интереса к содержанию сообщаемого.

Виртуальное пространство как канал распространения информации обладает рядом характеристик, сопряженных с техническими характеристиками канала коммуникации [Щипицина, 2010, с. 63]. Обозначим их:

- 1) гипертекстуальность, связанная с разложением текста на отдельные, соединенные гиперссылками, блоки. В результате структура текстов в компьютерно-опосредованной коммуникации обнаруживает сочетание линейного и гипертекстового принципов;
- 2) мультимедийность, предполагающая реализацию текста одновременно на двух уровнях: вербальном и невербальном (средства метаграфемыки), что делает возможным переплетение разных кодов в составе текста, функционирующего в социальной сети;
- 3) синхронность / асинхронность создания сообщения и ответной реплики на него. Если в рамках устного канала распространения информации речь идет преимущественно о синхронном создании сообщения и (почти) одновременной ответной реплики на него, то в ситуации компьютерно-опосредованной коммуникации возможна и асинхронная форма общения, когда участник интернет-сообщества может прочитать сообщение в удобное для него время.

Распространение сообщения с неавторизованной информацией осуществляется путем размещения интернет-поста. Основная цель поста — направлять внимание пользователей на некие актуальные факты и оценивать их. Пользователи в ответ на сообщение размещают свои комментарии, где содержится реакция на высказывание с неавторизованной информацией, в которой возможно появление нового текстового материала с неавторизованной информацией.

Автор интернет-поста (инициатор сообщения), избегая указания на конкретный источник информации, может легко снять с себя ответственность за ее разглашение. Этому способствует анонимность процесса общения в социальных сетях. При этом зачастую значимым оказывается само содержание сообщаемого, а не его источник.

Разнообразие содержания текстового материала с неавторизованной информацией, свободный порядок его изложения обуславливают отсутствие четко обозначенного сценария введения и обсуждения высказываний с неавторизованной информацией. Поэтому в данном случае «стоит говорить ... о возможных коммуникативных ходах» [Осетрова, 2009, с. 41]. Обсуждение темы, заявленной в сообщении с неавторизованной информацией, включает ряд коммуникативных ходов. В своем исследовании мы опирались на классификацию коммуникативных ходов, предложенную Е. В. Осетровой [Осетрова, 2009, с. 41]. Обнаруживаемые в рамках виртуального диалога коммуникативные ходы приурочены к определенному этапу развития сюжета. Объединенные в пределах одного этапа коммуникативные ходы образуют коммуникативный блок. Выявляется четыре коммуникативных блока: введение сюжета, развитие сюжета, блокирование сюжета, выход из сюжета.

Коммуникативный блок¹ «Введение сюжета»

Первый коммуникативный ход — «Введение темы» — представляет суть некоего коммуникативного события, способного привлечь внимание интернет-сообщества (в данном случае смерть одной из участниц телевизионного проекта «ДОМ 2» Либерж Кпадону). «Введение темы» начинается с модерации текста, присылаемого автором. Модератор (иначе администратор группы) социальной сети «ВКонтакте» выбирает из присланных разными авторами материалов тот текст, который, по его мнению, вызовет интерес интернет-пользователей, и вводит тему в общее обсуждение участниками сообщества. Администратор сообщества имеет полномочия редактировать размещаемый им контент (исправлять орфографические, пунктуационные ошибки), цензурировать текст. Прикладываемые к постам фотографии, носящие неприемлемый контент, администратор группы имеет право не размещать либо затемнять их пикселями.

Согласно пункту 5.13.7 Правил «ВКонтакте»², пользователь несет полную ответственность за создание и управление сообществами в соответствии с законодательством Российской Федерации и международ-

---

² <https://m.vk.com/@adminsclub-pravila-soobschestv>

ными правовыми актами. Это означает, что создатель группы отвечает за любой запрещенный контент, размещенный в группе. В соответствии с пунктом 5.13.10 модераторы сообществ также ответственны за модерацию и блокировку контента, размещенного в их сообществах. Пункт 8.1 Правил устанавливает, что пользователи несут ответственность за размещение информации в разделах сайта в соответствии с законодательством Российской Федерации. Нарушение данных правил и норм законодательства может повлечь гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность интернет-пользователя. Помимо вопросов размещения контента в своем сообществе, администратор занимается модерацией контента, размещенного в комментариях участников. Весь неприемлемый материал администратором удаляется. Таким образом работают все группы в сети «ВКонтакте».

После получения модератором текста и оценки его на соответствие контенту сообщества администратор «вводит тему». Коммуникативный ход «Введение в тему» реализуется в виде реплики с грамматическим маркером авторизации: «Рассказывают люди ...»³.

Рассказывают люди, которые лежали (в больнице. — Прим. авт.) с Либерж ... Не знаем на сколько это правда, но судя по информации, у нее был туберкулёз, должна была быть операция, но она испугалась и отказалась. И, через 5 дней ее не стало 🤒 (КХ¹ «Введение темы»).

После введения темы следует изложение сути события, способного привлечь внимание пользователей, — разворачивается вовлечение участников сообщества в обсуждение темы через экспертизу. Автор поста прикладывает к сообщению видеоматериал и скриншот комментариев к журналу «StarHit» как источнику поступившей информации.

Адресаты (пользователи социальной сети «ВКонтакте») в большинстве случаев делают одновременный ход «Вовлечение в тему», выдавая со своей стороны эмоционально-оценочную реакцию на прочитанное. Представленные ниже реплики сигнализируют о вовлеченности пользователей в тему виртуального диалога (КХ² «Вовлечение в тему»).

Анна: Соболезнования родным. Очень жаль, мне она очень нравилась 🤒. *Светлая память* 🙏.

Светлана В.: Хорошая была, Справедливая. Очень жаль, молодая такая 🤒. *Родителям, держаться!*

Ольга С.: Как же мне ее жаль 🤒, *прямо до слез, такая яркая девочка была.*

---

³ Здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Данный и последующие коммуникативные ходы реализуются преимущественно в виде поликодового сообщения, состоящего из собственно вербальной части и средств метаграфемики (стикеры), что позволяет полнее и разнообразнее выразить эмоциональное состояние субъекта.

Коммуникативный блок² «Развитие сюжета»

Ряд пользователей пропускает данный коммуникативный ход, заменяя его на **коммуникативный ход «Запрос подробностей»** (КХ³ «Запрос подробностей»). Когда адресат хочет разобраться в деталях и причинно-следственных связях сюжета, подобный предметный интерес, даже без языкового выражения эмоций, свидетельствует о значительной степени его присоединения к субъекту, который солирует в виртуальном диалоге. Это увеличивает продолжительность общения еще на несколько реплик.

Ирина В.: *А чем она болела?*

Анна: *Тоже странная история, пропала 40 дней назад? Неужели ее никто не искал? Родители, друзья? Таже хозяйка (съемной квартиры. — Прим. авт.).*

Ольга П.: *Удивляет, почему мамы нет рядом, в такие моменты? И если умерла аж 40 дней назад, как по останкам определили точную дату? А где родители, друзья были? ...*

Подобные комментарии (представленные преимущественно в виде серии вопросительных предложений) содержат запрос на уточнение поступившей информации и прояснение дополнительных деталей сюжета, что является отличительным признаком обозначенного коммуникативного хода.

Ряд пользователей, которые согласны с принятием неавторизованной информации, оказываются знакомыми с актуальным сообщением. Поэтому такая информация, преподнесенная в форме новости, является для них вторичной. В данном случае коммуникативная структура общения включает первоначальное информирование о произошедшем, а затем обсуждение образовавшегося сюжета. Осуществляется ответный **коммуникативный ход «Обнаружение подробностей»** (КХ⁴ «Обнаружение подробностей»).

Елена: *Врачи уговорили Либерж на операцию, сегодня утром это писали.*

Катерина: *Не врачи уговорили на операцию. Она легла в больницу, было назначено число... После операции она не выходила на связь.*

Елена: *Выходила Рассказывала, что все прошло хорошо*

Катерина: Я читала только про это. Ей сделали операцию, у нее жидкость была в легких, и на связь она не выходила неделю. Я же не спорю. ...

Виктория: Она не обратилась за помощью. У нее была жидкость в легких.

Катерина: Как же она не обратилась за помощью. Это же за день не случается. Или она утонула?

Виктория: Нет жидкость у любого может появиться, она (Либерж. — Прим. авт.) пропала несколько дней назад, как оказалось не кому не нужна была что нашли спустя стольк времени. ...

На этапе коммуникативного хода «Обнаружение подробностей» происходит приращение диктумной части сообщаемого. Интернет-пользователи предлагают свои версии обстоятельств произошедшего.

Если несколько интернет-пользователей уверены в достоверности сообщаемой ими информации, эмоционально привержены своей новостной версии, обсуждение принимает характер дискуссии. Пользовательские комментарии приобретают структуру форума. Такие комментарии могут относиться не к самой опубликованной информации, а являться ответом на чей-то ранее написанный пост (саморазвитие диалога).

Альмира Г.: А чем она болела

Алёна К.: Альмира, опухоль

Анна: Алёна, какая опухоль? Туберкулёз у неё был, и сахарный диабет.

Елена М.: Анна, о чем ты?! Она видео последнее сняла, сказала что на операцию едет!!

Анна: Елена, не на операцию, а из больницы уже, когда её выписали.

Светлана: Да у её опухоль головного мозга была операцию делали это в интернете она сама говорила.

Елена М.: Какого головного мозга??? У неё нашли опухоль в лёгких...

Виктория М.: У неё проблема с лёгкими была, осложнение пошло и всё.

Виктория С.: стоп! У нее был распад лёгких, насколько я помню.

Марина: У неё вроде бы опухоль была не головного мозга, а что то с бронхами но это информация не точная.

Елена С.: Если это правда, то очень жаль 🥹. У неё был рак лёгкого.

Ольга: Елена, какой рак, нет! ...

Натали: Что за чушь раздули!

Виктория М.: Она бросила лечение после операции, месяц не выходила на связь.

Виктория С.: Не получится бросить это лечение. Ерунду же говорите.

На уровне семантики высказывания происходит определенное «столкновение модусов» [Осетрова, 2009, с. 42]. Очередная реплика может начинаться с авторизационных фрагментов (сама Либерж рассказы-

вала, соседка утверждает, писала девочка, которая с ней лежала в больнице и под.).

Интернет-пользователи, выражая сомнение в достоверности актуальной информации, заявляют о необходимости экспертного мнения. Диалог, разворачивающийся в рамках данного поста, обнаруживает еще один **коммуникативный ход**, называемый «Запрос экспертизы» (КХ⁵ «Запрос экспертизы»). Общий эффект коммуникативного хода «Запрос экспертизы» заключается в обмене информацией, дополнительном освещении обсуждаемой темы и наращивании деталей, что позволяет участникам полнее разобраться в происходящем. В диалогах, охарактеризованных как коммуникативный ход «Запрос экспертизы», участники обсуждают обстоятельства произошедшего, опровергая ошибочные утверждения и позиционируя свое мнение как единственно верное. Развернутый анализ событий, обоснование своей версии причин произошедшего создают сложный информативный контекст, в рамках которого неавторизованная информация получает свое развитие.

Следующий **коммуникативный ход**, обнаруживаемый в рамках виртуального диалога, — «Экспертиза» (КХ⁶ «Экспертиза»). Данный коммуникативный ход является эффективным инструментом наращивания информации, проведения анализа событий участниками интернет-сообщества и привлекаемых ими в качестве экспертов других лиц. Участники виртуального диалога доказывают авторитетность личного источника информации, защищая собственную версию случившегося. Субъективная сторона виртуального диалога «расширяется рядом реплик персуазивности» [Шмелева, 1995, с. 26–29]. С их помощью осуществляется запрос на достоверность прочитанной информации (*Не знаю правда или нет* ((; *Неужели это правда?*; НЕ УЖЕЛИ ПРАВДА, НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ и под.) и оценивается степень ее достоверности, в языковом плане активно подкрепляемые средствами метаграфимики (шрифтовое выделение текста, повторение восклицательного знака, эмодзи и др.). Мнения других интернет-пользователей, не совпадающие с мнением самого участника сообщества, «квалифицируются» посредством пейоративов *ЕРУНДА*; *БРЕХНЯ*; *НЕПРАВДА*; *ХРЕНЬ*, *Это не правда* и под., негативный заряд которых усиливается с помощью метаграфимики (использование прописных букв, эмодзи).

Ольга: *Ох, ты господи, неужели правда* 🤔 ??? (КХ⁵ «Запрос экспертизы»).

Viktoria: *К сожалению да* 😞 (КХ⁶ «Экспертиза»).

Общий эффект коммуникативного хода «Экспертиза» в этих комментариях проявляется в детальном анализе, аргументированных вы-

водах, обмене информацией и разъяснениях по поводу медицинских аспектов случившегося.

Наблюдение над эмпирическим материалом позволяет выделить еще один коммуникативный ход — «Запрос источника» (КХ⁷ «Запрос источника»). Обозначенный коммуникативный ход помогает интернет-пользователям оценить достоверность предоставленных данных за счет их соотнесения с неким источником информации. В качестве авторитетного источника информации видятся администратор группы, бывшие участники проекта и пр.

Людмила: НЕ УЖЕЛИ ПРАВДА, НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, АДМИНЫ НАПИШИТЕ ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСИМ 🙏 (КХ⁷ «Запрос источника»).

Как ответ на данный коммуникативный ход появляются комментарии, рассматриваемые нами как коммуникативный ход «Обнаружение источника» (КХ⁸ «Обнаружение источника»).

(1) Елена: А почему нет никакой информации по этому поводу? (КХ⁶ «Запрос источника»).

Надежда: Елена, везде пишут, дом два написал и друг вчера ездил к ней, соседи подтвердили, что ее нет (КХ⁷ «Обнаружение источника»).

На уровне коммуникативных ходов «Запрос источника» и «Обнаружение источника» происходит значительное наращение диктумного содержания сообщения. Данные коммуникативные ходы увеличивают виртуальный диалог на несколько реплик.

Совокупность коммуникативных ходов, реализуемых в рамках коммуникативного блока «Развитие сюжета» и связанных с наращением диктумного содержания диалога, можно представить в виде схемы (см. схему 1).

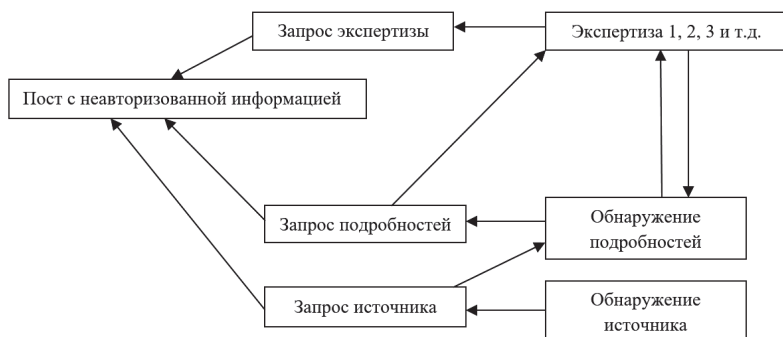

Схема 1. Модель наращивания неавторизованной информации

Коммуникативный блок³ «Блокировка сюжета»

Ряд коммуникативных ходов виртуального диалога направлен на блокирование сюжета. Реакция интернет-пользователя может демонстрировать откровенную незаинтересованность в произошедшем. Возникает **коммуникативный ход «Уклонение от темы»**. Комментарий такого пользователя к размещенному посту о смерти Либерж максимально редуцирован и представлен единичной короткой репликой.

Инна: *Не фанат ее.*

Роман: *Самая лучшая новость (КХ⁹ «Уклонение от темы»).*

С блокированием сюжета связывается неприятие предложенной для общения темы, принципиальное отрицание модуса слуха. В таком случае речь идет о **коммуникативном ходе «Отторжение темы»**.

Виктория: *Человека уже нет, зачем эта вся грязь* 🤔.

Людмила: *Это ещё не подтверждено. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел. Надеюсь это просто слухи.*

Клавдия: *И ЭТУ ПОХОРОНИЛИ. ХОРОНЯТ ВСЕХ АРТИСТОВ... А ОНИ ВСЕ ЖИВЫ... ВО НАРОД ДАЕТ... АДМИН ТЫ НЕ В СЕБЕ ЧТО ЛЬ?* (КХ¹⁰ «Отторжение темы»).

В последнем комментарии отрицание модуса слуха усиливается за счет метаграфемы (ширифтовое выделение текста).

Коммуникативный блок⁴ «Выход из сюжета»

Автор интернет-комментария может уклоняться от темы сообщения в связи с ее исчерпанностью. Реализуется **коммуникативный ход «Исчерпанность темы»**.

Светлана Г.: *Так может это и неправда что она умерла ...* 🤔🤔🤔

Лариса С.: *Светлана, у Либерж была опухоль в лёгких!*

Марина: *...вроде, на легком была опухоль! Или еще обнаружили дополнительно?*

Владушка О.: *Светлана, не головы а в легких.*

Светлана Г.: *Да всё понятно уже (последняя реплика иллюстрирует КХ¹¹ «Исчерпанность темы»).*

Сигнал об исчерпанности темы может быть замещен запретом на трансляцию как финальным ходом обсуждения неавторизованной информации. Автор комментария, не соглашаясь с принятием актуальной информации, совершает **коммуникативный ход «Запрет трансляции»** (КХ¹² «Запрет трансляции»). Распространение актуальной информации представляется данным пользователем аморальным.

Ольга: *... Хватит постить ерунду* 🤔

Катерина: *Брехню пишете? ... Хватит разносить неправду* (КХ¹² «Запрет трансляции»).

Данный коммуникативный ход осуществляется за счет грамматических конструкций, центрируемых глагольным императивом: «Хватит постить ерунду», «Хватит разносить неправду», «Не сочиняйте».

На блокирование актуальной информации работает **коммуникативный ход «Переключение темы»**, когда интернет-пользователь вычленяет в тексте субъективно значимую для него тему, косвенно относящуюся к сюжету поста, и дает комментарий относительно этой новой темы.

Юлия: *Господи, будь проклят этот рак 🙏🙏🙏 столько людей молодых умирают. Ну почему нет лекарства от него...* (КХ¹³ «Переключение темы»).

Ольга: *Вообще, как люди относятся друг к другу 😞. Ни от кого ни помощи ... Ни от родных и близких. Чужие люди дороже людей по крови ...* (КХ¹³ «Переключение темы»).

С учетом проведенного исследования модель распространения неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» может быть представлена в виде нижеследующей схемы (см. схему 2).

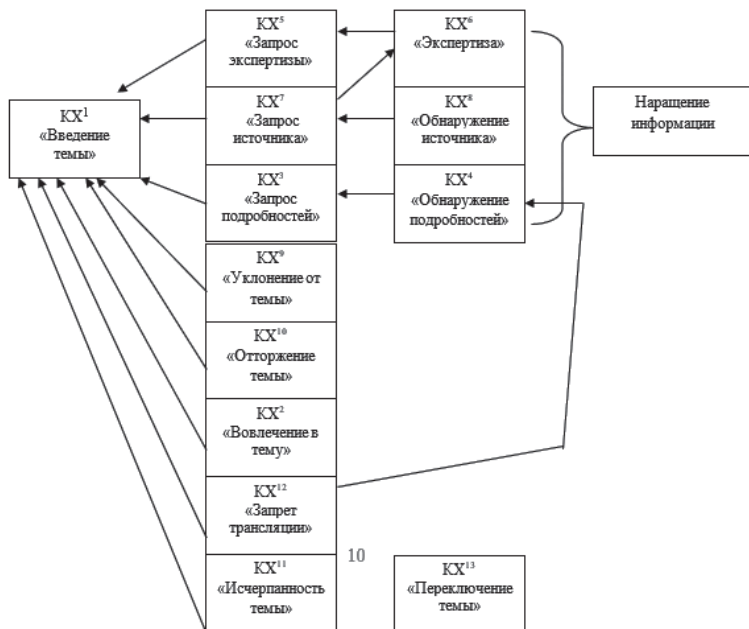

Схема 2. Модель распространения неавторизованной информации

Заключение

С учетом проведенного исследования можно сделать выводы, касающиеся, во-первых, прагматического потенциала коммуникативных ходов как средства распространения / блокирования неавторизованной информации и, во-вторых, собственно самой модели распространения неавторизованной информации.

1. Наиболее эффективным с позиции «продвижения» неавторизованной информации в виртуальное коммуникативное пространство является коммуникативный блок «Развитие сюжета». На уровне обозначенного коммуникативного блока происходит приращение диктумной части актуальной информации и формулирование ответа на вопрос «Что еще можно сказать об этом?»: событийная основа произошедшего дополняется сведениями об обстоятельствах произошедшего, главном участнике события и его второстепенных лицах, расставляются акценты в отношении причин произошедшего. Входящие в данный коммуникативный блок ходы («Запрос экспертизы» и «Обнаружение подробностей») содействуют активному распространению неавторизованной информации в социальной сети. В рамках коммуникативного хода «Запрос экспертизы» участник виртуального диалога запрашивает экспертное мнение о произошедшем у администратора группы, автора поста и иных интернет-пользователей. В контексте анализируемых комментариев этот коммуникативный ход проявляется в запросах интернет-пользователей о возможных причинах смерти ушедшей личности, точной дате ее смерти. Интернет-пользователи высказывают сомнения относительно мотивации действий медийной личности, запрашивают экспертное мнение или дополнительную информацию для лучшего понимания ситуации. Коммуникативный ход «Обнаружение подробностей» связан с желанием пользователей поделиться имеющимися у них дополнительными сведениями о произошедшем (обстоятельствах смерти, временных рамках исчезновения личности из соцсетей, мотивах поступков обсуждаемого лица).

Препятствию распространения неавторизованной информации способствуют коммуникативные блоки «Блокирование сюжета» и «Выход из сюжета». При блокировании темы в ответ на введение неавторизованной информации у пользователей возникает реакция уклонения от темы, ее отторжение или переключение на другую тему. В случае с коммуникативным блоком «Выход из сюжета» со стороны интернет-пользователей (размещающих комментарии относительно поста с неавторизованной информацией и других сообщений, авторы которых высказывают живой интерес к актуальной информации) осуществляются коммуни-

кативные ходы «Запрет трансляции», субъекты которых считают распространение подобного рода информации аморальным, и «Переключение темы» в связи с ее исчерпанностью.

2. Предлагаемая модель распространения неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» обнаруживает как определенное сходство с моделью распространения неавторизованной информации в ситуации живого диалога, представленной в работе Е. В. Осетровой [Осетрова, 2009], так и отличие от нее, обусловленное спецификой электронного канала коммуникации. Сконструированная нами модель представляется более сложно организованной. Обозначим, в чем проявляется сложность модели.

В основе обеих коммуникативных моделей лежит одинаковый набор коммуникативных ходов. Несмотря на обнаружение одних и тех же коммуникативных ходов в обеих моделях, развитие коммуникации в социальной сети обнаруживает несколько векторов трансляции темы, что обеспечивается электронным каналом коммуникации: процесс общения одновременно разворачивается посредством нескольких коммуникативных ходов, поскольку интернет-пользователи, с одной стороны, стремятся прокомментировать размещенный в сети пост с неавторизованной информацией, высказав свое мнение о прочитанном, с другой стороны, прокомментировать мнения других интернет-пользователей, в чем-то согласиться с ними, поспорить, запросить некоторые подробности произошедшего или поделиться некими известными сведениями, не всегда объективными, что способствует приращению неавторизованной информации и, возможно, появлению в одном из коммуникативных ходов еще высказываний с неавторизованной информацией, что подерживается анонимностью общения в социальных сетях. Обнаруживается то явление, характеризующее общение в социальных сетях, которое называется «саморазвитием диалога» [Голев, Сушкина, 2022]. Все интернет-комментарии к посту и сам пост образуют целостное системно-структурное образование, в рамках которого прослеживаются комментарии двух типов: а) комментарии, реализующие коммуникативные ходы распространения неавторизованной информации, которые стремятся удерживать диалог в рамках темы поста, реализуя тем самым центростремительную тенденцию, б) комментарии, эксплицирующие коммуникативные ходы распространения неавторизованной информации, которые «увлекают» диалог за пределы информационно-семантического пространства, центрируемого темой поста (центробежная тенденция).

Различие моделей обнаруживается на уровне текстового воплощения неавторизованной информации, реализуемой в коммуникативных

ходах построенной нами модели. Технические средства электронно-опосредованной коммуникации позволяют пользователям активно привлекать кроме вербальных средств элементы иных семиотических систем, сопровождая комментарии размещением супраграфических средств (эмодзи, шрифтовое выделение текста, повторение знаков препинания и пр.). Широко представлены комментарии-эмодзи.

По завершении построения модели распространения неавторизованной информации в социальной сети «ВКонтакте» возникает ряд вопросов: является эта модель универсальной или же она варьируется в зависимости от содержания распространяемой новости? Какие элементы модели будут инвариантными, а какие вариативными? Возможно ли выделение коммуникативных ходов, не обозначенных в исследовании Е. В. Осетровой? Авторы настоящей работы находятся в самом начале научного пути, связанного с постижением исследовательской проблематики, заявленной в статье. Ответы на данные вопросы мы получим после неоднократной проработки обозначенной проблемы на разнообразном эмпирическом материале.

Библиографический список

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.

Беглярова А. А. Понятие неопределенности в философии и лингвистике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 51–54.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 304–305.

Гаспаров М. А. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 245 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

Карасик В. И., Бейлинсон А. С. Речевой жанр и речевое действие // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 1 (77). С. 123–126.

Макаров М. А. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Маштакова М. В. Определенность-неопределенность в русском и французских языках: значения, функции и способы выражения: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2005. 16 с.

Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в обстоятельствах живого диалога // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 40–46.

Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: дис. ... докт. филол. н. Красноярск, 2010. 413 с.

Поветкина Ю. В. Моделирование как метод лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 132–136.

Почепцов Г. Г. Теория и практика коммуникации. М.: Центр, 1998. 352 с.

Рабенко Т. Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 45–50.

Текутьева И. А. Преимущества соцсети «ВКонтакте» для продвижения информационного сайта в России // Медиасреда. 2017. № 12. С. 270–275.

Хакимова Г. Ш. Лингвистические исследования речевого жанра слухов в современном медиадискурсе: систематический обзор отечественных работ // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 3. С. 804–812. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47

Шейко Д. В. Феномен сплетни в русской лингвокультуре: когниосемантический аспект: дис. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2019. 288 с.

Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... докт. филол. н. М., 1995. 35 с.

Щипицина Л. Ю. Влияет ли канал коммуникации на язык? К проблеме лингвистического статуса компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2010. № 2. С. 63–67.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

Edmonson J. A. Great expectation: an intensive self-analysis. *Linguistics and Philosophie*. 1978. No. 2. P. 373–413.

Schegloff E. A. *A Primer in Conversation Analysis*. Oxford University Press, 2007. 318 p.

Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford; Cambridge, MA, 1994. 470 p.

References

Balli Sh. French style, Moscow, 1961, 394 p. (In Russian).

Beglyarova A. L. The concept of uncertainty in philosophy and linguistics. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Adygea State University, 2008, no. 3, p. 51–54 (In Russian).

Bulygina T.V., Krylov S. The model. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* = Linguistic encyclopedic dictionary, Moscow, 1990, p. 304–305 (In Russian).

Gasparov M. L. Language, Memory, image: Linguistics of Linguistic Existence, Moscow, 1996, 352 p. (In Russian).

Dement'ev V.V. Indirect communication and its genres, Saratov, 2000, 245 p. (In Russian).

Zolotova G.A. An essay on the functional syntax of the Russian language, Moscow, 1973. 351 p. (In Russian).

Karasik V.I., Beylinson L.S. Speech genre and speech action. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* = Scientific notes of the Russian State Social University, 2010, no. 1 (77), p. 123–126 (In Russian).

Makarov M. L. Fundamentals of discourse theory, Moscow, 2003, 280 p. (In Russian).

Mashtakova M. V. Certainty-uncertainty in Russian and French: meanings, functions and ways of expression. Abstract of Philol. Cand. Diss, Moscow, 2005, 16 p. (In Russian).

Osetrova E. V. Unauthorized information in the circumstances of a live conversation. *Mir russkogo slova* = The world of the Russian word, 2009, no. 3, p. 40–46 (In Russian).

Osetrova E. V. Unauthorized information in the modern communicative environment: the speech aspect. Dokt. of Art Diss, Krasnoyarsk, 2010, 413 p. (In Russian).

Povetkina Yu. V. Modeling as a method of linguistic research. *Filologicheskie nauki. Vopros yteorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, 2012, no. 6 (17), p. 132–136 (In Russian).

Pocheptsov G.G. Theory and practice of communication, Moscow, 1998, 352 p. (In Russian).

Rabenko T.G. Gossip: a humorous profile of the genre (based on the material of A. Averchenko's short story «Gossip»). *Izvestiya Saratovskogo universiteta* = Proceedings of the Saratov University, 2013, vol. 13, vyp. 3, p. 45–50 (In Russian).

Tekut'eva I.A. Advantages of the VKontakte social network for the promotion of an information site in Russia. *Mediasreda* = Media environment, 2017, no. 12, p. 270–275 (In Russian).

Khakimova G. Sh. Linguistic studies of the speech genre of rumors in modern media discourse: a systematic review of domestic works. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* Bulletin of the Bashkir University, 2021, vol. 26, no. 3, p. 804–812. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47 (In Russian).

Sheyko D.V. The phenomenon of gossip in Russian linguoculture: a cogniosemantic aspect. Cand. of Art Diss, Stavropol', 2019, 288 p. (In Russian).

Shmeleva T.V. Subjective aspects of the Russian utterance. Dokt. of Art Diss, Moscow, 1995, 35 p. (In Russian).

Shchipitsina L. Yu. Does the communication channel affect the language? On the problem of the linguistic status of computer-mediated communication.. Izvestiya Volgogradskogo sudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2010, no. 2, p. 63–67 (In Russian).

Yakobson R.O. Structuralism: pros and cons, Moscow, 1975, p. 193–230 (In Russian).

Edmonson J.A. Great expectation: an intensive self-analysis. Linguistics and Philosophie, 1978, no. 2, p. 373–413

Schegloff E.A. A Primer in Conversation Analysis, Oxford University Press, 2007, 318 p.

Schiffrin D. Approaches to Discourse, Oxford; Cambridge, MA, 1994, 470 p.

ОБРАЗ ЛЕСА В МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА

Е. П. Каргаполов, Т. В. Федосова, М. И. Абдыжапарова

Ключевые слова: образ, метафорические модели, авторская картина мира

Keywords: image, metaphoric model, author's worldview

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-02)

Введение

Метафорические модели все чаще становятся объектом изучения когнитивных наук, поскольку они лежат в основе мыслительной деятельности индивида, представляя собой основные когнитивные операции. Идея метафорической модели как одной из разновидностей когнитивной модели была выдвинута Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Метафорические модели представляют собой определенные схемы, связывающие различные понятийные сферы. Ключевые мыслительные процессы построены на некоем гештальте (схема-образ), включающем главным образом репрезентацию базовых концептов и их ассоциативных связей, формирующем картину мира человека [Арутюнова, 1990; Баранов, Караулов, 1991; Демьянков, 1994; Чудинов, 2003; Лакофф, 2004]. Поскольку концепт метафорически структурирован, метафора, как видение одного объекта через другой, является инструментом познания, выраженного в языковой форме при помощи определенного образного сравнения. Дж. Лакофф отмечает: “...the essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another” [Lakoff, 1980, p. 5].

Когнитивисты понимают язык как код, некую «форму наследственной традиции познания». По их мнению, язык хранит в себе специфическое восприятие мира [Дубинец, Павлюк, 2024, с. 67]. А. П. Чудинов в монографии «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» дает следующее определение метафорической модели: «Метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой» [Чудинов, 2003, с. 70]. Следовательно, анализируя актуализацию значимых концептов и их метафоризацию в тексте, можно получить представление об ав-

торской картине мира и выявить глубинные смыслы творчества автора. Путем декодирования метафор возможно получить информацию о том, как автор оценивает события и явления, то есть проанализировать оценочную функцию определенной поэтической метафоры [Абдыжапарова, Федосова, Сомикова, 2024, с. 172].

Методы и материалы исследования

Поэтический текст характеризуется богатой образностью, поэтому анализ метафорической образности является ключом к пониманию авторского мировидения и глубинных смыслов, заложенных им в тексте. Более того, рассматривая поэтический текст, авторы идут в ногу с современными тенденциями, так как вместе с тем рассматривают язык и как культурный код нации, как средство сохранения культурной памяти [Сироткина, 2023, с. 182].

Исследователи выделяют следующие ключевые модели репрезентации метафорических образов: оппозиционная, кольцевая, ступенчатая, концентрическая, пересекающаяся и модель последовательной аналогии.

Оппозиционная модель репрезентации метафорических образов подразумевает противопоставление двух объектов или двух аспектов через метафорические образы одного объекта. Модель последовательной аналогии является антиподом оппозиционной модели, ее использование связано с отождествлением через метафорические образы двух или более объектов поэтической речи. Концентрическая модель репрезентации метафорических образов, заключающаяся в сужении объекта метафоризации, служит определителем лирического субъекта как основного действующего лица произведения.

Движение от личного опыта к философским обобщениям выражено путем использования ступенчатой модели в двух поэтических микросистемах цикла. В кольцевой модели репрезентации метафорических образов ключевую роль играют взаимосвязанные между собой начальный и конечный образы. Они содержат основную мысль текста, определяют его тему. Пересекающаяся модель репрезентации метафорических образов отождествляет два или более объекта поэтической речи, однако, в отличие от модели последовательной аналогии, в пересекающейся модели лишь единичные образы связывают метафорически выраженные в микросистеме объекты [Плотников, 2016, с. 172].

В данной работе проводится анализ метафорических моделей, функционирующих в поэтических текстах современного российского поэта Владимира Волковца, репрезентирующие образ «лес». Концепт ЛЕС исследовался лингвистами на материалах разных языков — английско-

го, якутского, удмуртского, русского, немецкого и в разных типах дискурса [Демешкина, Толстова, 2020, с. 60]. Данное исследование направлено на изучение образности поэтического дискурса Владимира Волковца, посвященного лесу, а также на исследование языковой репрезентации этого концепта на уровне микроструктуры следующих стихотворений: «Бескровное дерево вскрикнет...», «Ещё», «Снег, темнея, таял с хлопом...», «Бобыль»¹. Каждое стихотворение проанализировано с точки зрения концептуального содержания, определены метафорические модели, лежащие в основе концепта и репрезентирующие языковую картину мира автора.

Результаты исследования

Стихотворение «Бескровное дерево вскрикнет...» посвящено его величеству лесу. Поэт говорит о Лесе с большой буквы, одушевляя его и облекая в образ человека, который существует между огнем и природой: «Обломки к огню перетащим — / От мертвой погоды знобит» (Владимир Волковец. Одно-единственное. 2005). При мертвой погоде, казалось бы, все должно пребывать в тишине, где нет никаких звуков, где нет жизни, только пустота и чернота. От такой погоды лирического героя охватывает озноб, поэтому он ближе к костру приносит ветви сухих деревьев.

Однако во мраке просматривается прореха и стоит кто-то белесый: «...некто сквозяще белесый / На рваном ветру трепетал — / То вскидывался до созвездий, / То к самой земле припадал» (Бескровное дерево вскрикнет... 2005). Лирический герой всматривается в эту стоящую прореху до тех пор, пока веки не сомкнулись и его сознание не погрузилось в сон:

*Бескровное дерево вскрикнет,
Качнется — не сдвинуть стопу —
К соседнему пьяно приникнет
И ляжет длиною в судьбу.*

*Обломки к огню перетащим —
От мертвой погоды знобит.
Нет-нет да глаза потаращим
Туда, где прореха стоит.*

---

¹ Здесь и далее ссылки на стихотворения даны по изданиям: Волковец В. Одно-единственное... Советский: Советская типография, 2005. 133 с.; Волковец В. Весенний день осени: сб. стих. Тюмень; Ханты-Мансийск: КоЛеСо, 2008. 328 с.; Волковец В. Река моя, память-транзит... Советский: Советская типография, 2012. 139 с.

*Там некто сквозяще белесый
На рваном ветру трепетал —
То вскидывался до созвездий,
То к самой земле припадал.*

*Накрыло густым снегопадом,
И веки сомкнулись на миг...
Наутро проснулись, а рядом
Сидит седовласый старик.*

*И сыплет в огонь незабвенный
То шишки, то хвойную взвесь.
— Откуда и кто ты, почтенный?
Он стал подниматься: я — Лес...*

(Владимир Волковец, Бескровное дерево вскрикнет... 2005. С. 16)

В стихотворении прослеживается дихотомия «мертвой погоды» (где все замерло и где находится лирический герой) и трепета на рваном ветру кого-то неизвестного; бодрствование в условиях озноба от «мертвой погоды» и сна в условиях буйства природы (снегопада). Поэт пытается показать путь из мертвящей тишины и покоя к буйству природы и к жизни, ведь в условиях «мертвой погоды» и костер не согревает. Он думает, что согреет его буйство природы, к которой он тянется своим сознанием, пока не засыпает. Все попытки вырваться из «мертвой погоды» для лирического героя оканчиваются безрезультатно. Лес в данном произведении представлен в виде старика, который то пытается достичь неба, то падает на землю, возможно, кланяясь ей. Автор указывает на близость леса с небом и с землей, поскольку лес растет благодаря солнцу и земле.

Во время сна лес приходит к человеку в виде седовласого старика, сыплет в костер то шишки, то хвойные ветви и согревает его. «*Наутро проснулись, а рядом / Сидит седовласый старик*» (Там же). Кто такой, откуда? — задает вопрос лирический герой. Станный вопрос для того, кто находится внутри природы, внутри леса. «*Седовласый старик*» и есть лес, который видит лирического героя в прореху. Герой при этом находится во власти «мертвой погоды». Именно лес пришел на помощь человеку, согрел его, не дал замерзнуть. В данном контексте реализуются метафорические модели ЛЕС — ЭТО СПАСИТЕЛЬ, ЛЕС — ЭТО СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИК, ЛЕС — ЭТО ЧЕЛОВЕК и актуализируется концентрическая модель репрезентации метафорических образов, в которой объект более точно определен в конце, где он как бы сужается, появ-

ляется лес в виде старика, а все, что происходило на протяжении стихотворения, постепенно раскрывает то, что автор подразумевает под лесом.

Для того чтобы человеку выжить, нужно раствориться в лесе, принять его, впустить в себя, быть в гармонии с ним. Однако человек был не в состоянии вырваться из «мертвой погоды», она его не выпускала из своих объятий. Почему на помощь человеку пришел «седовласый старик» по имени Лес? На этот вопрос поэт не отвечает. Видимо, причина в том, что не только человек, войдя в лес, сливается с ним, но и лес, зная свою роль в этом мире, защищает человека от смерти.

Стихотворение «Ещё» раскрывает и дополняет представления автора (Владимир Волковец. Весенний день осени. 2008). Поэт много рассуждает о судьбе леса и отдельных деревьев.

Судьба — это слово, связанное с судом. В словаре В. Даля судьба — это «суд, судилище, судбище и расправа» [Даль, 1998, с. 356]. Судьба — это то, чему суждено сбыться или быть. Судьба — это «участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном». Это есть согласование судьбы со свободой человека, которое недоступно уму. То есть судьба есть для человека то, чего невозможно избежать.

Поэт пишет: «И в лес зовущая судьба / Всего лишь навсегда тропа» (2008, с. 145). Тропа есть путь человека в природу; она зовет его в лес, и вставший на нее человек уже не может свернуть с нее. Человек неизбежно туда пойдет, но он не может идти сразу по нескольким тропинкам. Он неизбежно пойдет только по одной тропе, на которую позвала его судьба и которая ведет в лес, в природу, в космос. Лес — это всего лишь частичка бескрайней Природы, Космоса. Шагнув в лес, человек уже выбрал путь в вечность, в бескрайние пространства Вселенной.

*Ещё бобы набиты ватой,
Ещё с оглядкой вороватой
Туманы пятаются к реке.
И след подушки на щеке.
Ещё наполовину с тухом
Они и пополам с испугом
Восторг —
    предвестье перемен.
И сам не ведаю, как нем.
Ещё горит в глазах веселых,
Заместо солнышка, подсолнух
И в ячеях его пока
Не семя — капли молока.*

*Ещё роса студеной градин.
Ещё самим собой не найден.
И в лес зовущая судьба
Всего лишь навсегда тропа.
Ещё хотят деревья сами
Моими зеленеть глазами,
А слово, на ноги упав,
Рассосано корнями трав.
И нету боли без причины.
И от былинки до быliny
Тысячелетний путь лежит.
И он ещё не пережит.
А день сияет пересвистом,
Неясным, но понятным смыслом.
И, не обдумав, сделать шаг.
И ветер засвистел в ушах.*

(Владимир Волковец, Весенний день осени. 2008. С. 145)

В лесу человек соединяется с природой: «*Ещё хотят деревья сами / Моими зеленеть глазами, / А слово, на ноги упав / Рассосано корнями трав*». Глаза — это окна во внешний мир, то есть мир, находящийся вне человека. Деревья сами хотят «зеленеть глазами» человека, то есть познавать внешний мир. Как отмечают исследователи, метафора, будучи основанной на сходстве понятий, является достаточно субъективной, так как создается на основе сравнения объектов, которые не имеют ничего общего на первый взгляд [Мурясов, Бакиев, 2024, с. 151]. Авторские ассоциации являются стимулом для создания подобных метафор, которые в данном контексте их порождают. Как считает сам Волковец, деревья хотят глазами разума посмотреть на внешний мир, в том числе и на человека, живущего относительно них во внешнем мире. Слова же человека, изреченные в природе, рассасываются «*корнями трав*». Ничто никуда не исчезает, все переходит во что-то, чем-то становится. В слиянии с природой человек обретает гармонию, а следовательно, и покой для своей души, ума и сердца.

В данном контексте актуализируется модель ЛЕС — ЭТО СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА. Он неизбежно к нему придет для того, чтобы получить новые эмоции, силы для жизни. Еще одна модель, встречающаяся в этом стихотворении, — ДЕРЕВО — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Автор указывает на то, что природа сама стремится к человеку через цветы, кусты и деревья. Стремление человека к природе и природы к человеку взаимно. Также можно обо-

значить метафорическую модель ЛЕС — ЭТО ГУБКА. По мнению автора, человек может оставить в лесу свои негативные эмоции, слова. Они растворяются в нем, и он забудет о плохих событиях, эмоциях, обновится.

Между человеком, его культурой и природой существуют невидимые связи. Человек и природа всегда обмениваются энергией и информацией, результат этого обмена запечатлен в истории развития культуры, «тысячелетнем пути». Поэт пишет: *«И нету боли без причины. / И от былинки до былины / Тысячелетний путь лежит. / И он ещё не пережит»* (Владимир Волковец. Река моя, память-транзит. 2012. С. 33). От былинки (Природы) до былины (культуры) тысячелетний путь; это путь традиционной культуры, связывающей невидимыми нитями человека, культуру и природу. Этот путь еще для человека не закончен, и неизвестно, когда это произойдет. Поэт верит, что тропа, перерастая в путь, есть историческая судьба человека, судьба русской культуры и России: *«А день сияет пересвистом, / Неясным, но понятным смыслом. / И, не обдумав, сделать шаг»*. То есть поэт, рассуждая о том, что *«тысячелетний путь»* русской культуры не закончен, зовет русский народ сделать шаг, не обдумывая его в деталях, так как этот *«тысячелетний путь»* уже показал истинные цели, миссию русского народа.

Русская душа жаждет перемен, от которых ее охватывает эмоциональный подъем. *«Восторг — / предвестие перемен. / И сам не ведаю, как нем»* (Там же, с. 33). Лирический герой не знает, какими будут перемены, но пройденный путь подсказывает интуиции, что перемены будут такие сильные, что душа будет задыхаться от восторга. Данное философское обобщение говорит о том, что автор использует ступенчатую модель репрезентации метафорических образов, в которой происходит движение от личного опыта к определенным выводам и размышлениям.

Весна, новые звуки, запахи и краски леса тянут к себе людей, связанных с ним своей жизнью и судьбой. В стихотворении *«Снег, темнея, таял с хлопом...»* (Владимир Волковец. Река моя, память-транзит. 2012) автор говорит о связи человека с лесом. Весна подталкивает людей к мысли общения с природой на природе. *«Не сговариваясь, с внуком / Завернули в мокрый лес»*, — пишет В. Волковец. Внук заразился той же тягой к лесу, что и дед. Ему все интересно в лесу: и *«рассеянная просинь»*, и *«синичный переклик»*:

*Снег, темнея, таял с хлопом.
А когда совсем исчез,
Не сговариваясь, с внуком
Завернули в мокрый лес,*

*Где рассеянная просинь
И синичий переклик,
Где среди берез и сосен
Кедр — единственный мужик.
Где холодный запах снега
Вспоминается с трудом,
Где не выпрямился с лета
Мох, примятый сапогом... (с. 33).*

В стихотворении «Снег, темнея, таял с хлопом...» автор пытается сказать о необходимости соблюдения преемственности человеческих поколений в их отношении к лесу. Тот факт, что дед, а не отец, ведет внука в лес, очень символичен. Дед, ведя внука в лес, показывает ему путь жизни в согласии с природой.

Путь к природе всегда извилист: «...с внуком / Завернули в мокрый лес», имея в виду, что путь в лес, к природе никогда не бывает прямым, к нему нужно поворачивать. Человеческая цивилизация все дальше и дальше отдаляется от своих природных корней. Городские удобства загораживают путь людей в лес. Вырубаются леса, сушатся болота, уничтожаются звери и птицы. Поэтому, по мнению поэта, надо «завернуть в мокрый лес» с тем, чтобы ощутить первоначальность, чтобы наметить путь будущей жизни, показать внуку, как надо общаться с природой. Актуализируемая в данном стихотворении модель ДЕРЕВО — ЭТО МУЖЧИНА указывает на то, что природа очеловечивается поэтом, стоит на одном уровне с ним. Актуализируемая модель репрезентации метафорических образов — это кольцевая модель. Снег, который тает, в начале произведения и помятый мох — в конце указывают на то, что автор описывает весну.

Стихотворение «Бобыль» (Владимир Волковец. Одно-единственное. 2005) имеет две сюжетные линии: одна связана с тем, что лирический герой, впавший в уныние от состояния одиночества, «самому себе чужой», перед миром растерялся, впустил в себя зло; вторая связана с возрождением в душе, уме и сердце естественного, природного, связывающего человека с вечностью, с Космосом. Развитие этих двух противоположных по направленности сюжетных линий идет непросто, с остановками и отступлениями. Проанализируем каждую из них.

Потеря связи с природой, дающей энергию и силу для души, ума и сердца, привело к тому, что герой не просто стал чужим самому себе, но и «Перед миром растерялся — / Ничего нет за душой». Протагонист

засомневался, правильно ли он раньше поступал, правильно ли избрал путь жизни и творчества, верной ли дорогой идет сейчас. Лирический герой начинает ощущать, что за душой у него ничего нет. Вот куда завела его дорога отчуждения от природы, недовольство своим прошлым, то есть историей своей культуры, государства и народа.

Самое страшное в жизни человека возникает тогда, когда он, нуждаясь в поддержке, остается в одиночестве. Тогда он ощущает себя «самому себе чужим». Такого рода отчуждение от самого себя происходит, когда человек теряет свои корни; когда сердце, душа и ум разрываются и живут сами по себе; когда время и пространство жизни и творчества расходятся; когда сознательное и бессознательное перестают питать друг друга. Это время внутренних разрывов, конфликтов, отчуждений. Личность находится в смятении, а душа, ум и сердце выпускают в себя зло, ложь, невежество, ненависть, где ведут свою разрушительную работу:

*А когда один остался,
Самому себе чужой,
Перед миром растерялся —
Ничего нет за душой.
Рассосалась злая память,
Недовольство серых лет,
Мхом оброс тяжелый камень —
Средоточье давних бед.
Ликом вылинял в погоду,
Сердце выстудил насквозь.
И уходит, будто в воду,
В душу брошенная злость.
Равнодушие и смирение
Заселили молью кров.
Расцвело в тебе растенье
Без колючек и шипов.
Беззащитна оболочка.
Непогода рвется в дверь.
Нагляделся на цветочки,
Глянь на ягодки теперь.
Заполняет жизнь лесная
Огород и двор пустой.
Кружит ворон, задевая
Дым холодный над трубой. (с. 41).*

Автор в этом произведении описывает необычное душевное состояние главного героя (бобыля), когда «*рассасывается злая память*», приходит «*недовольство серых лет*», «*сердце выстуживается насквозь*». Злая память вспоминает только те факты, события, сюжеты, которые разъединяют, отчуждают и отталкивают других людей. За этими негативными событиями всегда стоят дурные поступки, «плохие» дела, глупые и острые слова. Именно они обижают, злят, даже вызывают ярость людей, с кем поддерживал отношения лирический герой. Все это зло уходит. «*И уходит, будто в воду, / В душу брошенная злость*» (с. 41). В результате в душе остается пустота, сердце остывает, а разум теряет способность работать на примирение. Протагонист становится равнодушным и смиренным перед злом.

В разуме и сердце одновременно происходят и другие процессы, связанные с цветением, обретением лесных запахов, цветов, звуков и вкусов. В душе лирического героя идет непримиримая борьба. В этот период она беззащитна от ударов извне: «*Беззащитна оболочка. / Непогода рвется в дверь*». Волковец вскрывает процессы, происходящие в психике человека, анализируя периоды борения души, сомнений, и одновременно показывает зарождение ростков новой жизни. Эти ростки жизни появляются на фоне возникновения символов зла: ворон, дым холодный.

В сознание человека рвется жизнь лесная, которая в конечном итоге заполняет психику человека: «*Заполняет жизнь лесная / Огород и двор пустой. / Кружит ворон, задевая / Дым холодный над трубой*» (Там же). Для того чтобы приобрести гармонию с природой, лес должен войти в сознание человека, заполнить все его уголки. Человеку необходимо впустить Лес в себя, осознать его место в своей жизни, отделить от себя нечистую силу, которая обитает в лесу и которая препятствует ему жить и творить вечное. Сила природы (Космоса) абсолютна; жизнь лесная в конечном итоге входит во двор (не в дом, а во двор и в огород). Жизнь лесная рядом с домом, но не внутри дома. Лес воспринимается автором как некий источник его существования, и в данном контексте мы наблюдаем метафору ЛЕС — ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ.

Дом — начало всех путей и дорог в жизнь, жизненный перекресток. И. Морозов отмечает: «В космогонии Дом — это артикулированная в осязаемых материалах мысль по поводу самоустройства человека; это его мирозданческий центр, откуда проникает в округ Познающий и Горящий человек» [Морозов, 2001, с. 217]. Значит, лирический герой до конца еще не осознает роль природы в своей жизни. Однако он на верном пути. И пока он до конца не впустил в себя природу, черный ворон будет кружить над его домом, а из дома будет идти «дым холод-

ный». Стихотворение «Бобыль» говорит о трудностях освобождения опустошенной души человека от зла, а также о том, что только «жизнь лесная», олицетворяющая силы добра, в состоянии вырвать мечущуюся и сомневающуюся душу от сил зла.

Заключение

Проанализировав материал, можно прийти к выводу о том, что в метафорических моделях, представляющих концепт ЛЕС, он репрезентируется как помощник (ЛЕС — ЭТО СПАСИТЕЛЬ), носитель сакральных знаний (ЛЕС — ЭТО СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИК) и как некий целитель эмоциональных состояний человека (ЛЕС — ЭТО ГУБКА, ЛЕС — ЭТО СУДЬБА, ЛЕС — ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ). В исследованном цикле стихотворений о лесе моделями репрезентации метафорических образов выступают следующие: концентрическая, кольцевая и ступенчатая модели. Образ леса в произведениях В. Волковца эмоционально окрашен и персонифицирован. Человек в полной мере не может существовать без леса, без природы, являясь неотъемлемой ее частью. В авторской картине мира поэта лес носит мифический характер, на что указывают следующие метафорические модели: ЛЕС — ЭТО СЕДОВЛАСЫЙ СТАРИК, ЛЕС — ЭТО СПАСИТЕЛЬ, ЛЕС — ЭТО ЧЕЛОВЕК. Не только лес в целом, но и все, что его составляет, также олицетворяется, что находит отражение в модели: ДЕРЕВО — ЭТО МУЖЧИНА. Образ леса вербализуется лексическими единицами, входящими в следующие лексико-семантические группы: «животные», «растения», «ягоды», «огонь», «ветер», «тропа», «снег», «грибы», «рыбы», «деревья».

Библиографический список

Абдыжапарова М. И., Федосова Т. В., Сомикова Т. Ю. Актуализация оценочных смыслов в антропоморфной и артефактной метафорах поэтических текстов Владимира Андреева // Филология и человек. 2024. № 2. С. 170-178. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)2-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)2-12)

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб / пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка, 1991. 193 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М: Прогресс, 1998. 3600 с. Т. 4.

Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта ЛЕС (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/4>

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Дубинец З.А., Павлюк Т.П. Особенности вербализации концепта ОГОНЬ в художественном дискурсе первой трети XX века // Филология и человек. 2024. № 4. С. 67–82. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)4-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)4-05)

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Морозов И.В. Основы культурологии. Архетипы культуры. Минск: Тетра Системс, 2001. 607 с.

Мурясов Р.З., Бакиев А.Г. Метафорическая интерпретация концепта архетипа Darkness (тьма) в художественном дискурсе Т. Пратчетта // Филология и человек. 2024. № 4. С. 150–157. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)4-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)4-12)

Плотников И.В. Сравнительный анализ когнитивных метафор в переводах английских стихов И. Бродского на русский язык // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. № 3. С. 160–167.

Сироткина Т.А. Человек в языке и культуре (по итогам работы I Международной конференции «Язык культуры и культура языка») // Филология и человек. 2023. № 2. С. 182–189. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)2-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)2-15)

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

Lakoff G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 128 p.

Источники

Волковец В. Одно-единственное... Советский: Советская типография, 2005. 133 с.

Волковец В. Весенний день осени: сб. стих. Тюмень; Ханты-Мансийск: КоЛеСо, 2008. 328 с.

Волковец В. Река моя, память-транзит... Советский: Советская типография, 2012. 139 с.

References

Abdyzhaparova M. I., Fedosova T. V., Somikova T. Yu. Actualization of Evaluative Meanings in Antropomorphic and Artifactual Metaphors of the Vladimir Andreev's Poetic Texts. *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2024, no. 2. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)2-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)2-12) (In Russian)

Arutjunova N. D. Metaphor and Discourse. *Teorija metafori* = Theory of Metaphor, Moscow, 1990, pp. 5–32. (In Russian)

Baranov A. N., Karaulov Ju. N. Russian Political Metaphor. *Materialy k slovarju* = Materials for the Dictionary, Moscow, 1991, 193 p. (In Russian)

Dal V. Thesaurus of the Russian Language, in 4 vols, Moscow, 1998, 3600 p. (In Russian)

Demeshkina T. A., Tolstova M. A. Representation of the Concept “Wood”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University. Philology, 2020, no. 65. <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontsepta-les-na-materiale-dialektnoy-rechi>

Demjankov V. Z. Cognitive Linguistics as Part of Interpretational Approach. *Voprosy jazykoznanija* = Issues of Linguistics, 1994, no. 4, p. 17–33. (In Russian)

Dubinets Z. A., Pavluk T. P. Peculiarities of Verbalization of the Concept “Fire” in the Artistic Discourse of the First Third of the XXth century. *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2024, no. 4. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)4-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)4-05)

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaphors We Live by, Moscow, 2004, 256 p. (In Russian)

Morozov I. V. Basics of Culturology. Archetypes of Culture, Minsk, 2001, 607 p. (In Russian)

Muryasov R. Z., Bakiev A. G. Metaphorical Interpretation of the Concept of the Archetype “Darkness” in the Artistic Discourse of T. Pratchett. *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2024, no. 4. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)4-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)4-12) (In Russian)

Plotnikov I. V. Comparative Analysis of Cognitive Metaphors in Translation of the Russian Poems of J. Brodsky into the Russian Language. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* = Pressing Issues of German, Roman and Russian Studies, Ekaterinburg, 2016, no. 3, p. 160–167. (In Russian)

Sirotkina T. A. Man in the Language and Culture (Results of the 1st International conference “Language of the Culture and Culture of the Language”). *Filologija i chelovek* = Philology & Human, 2023, no. 2. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)2-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)2-15) (In Russian)

Chudinov A. P. Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication, Ekaterinburg, 2003, 248 p. (In Russian)

Lakoff G., Johnson, M. Metaphors We Live by, Chicago, 1980, 128 p.

List of Sources

Volkovec V. The Only One, Sovetskij, 2005, 133 p. (In Russian)

Volkovec V. A Spring Day of Autumn, Tjumen', 2008, 328 p. (In Russian)

Volkovec V. The Rever of Mine, Memory transit ..., Sovetskij, 2012. 129 p. (In Russian)

МЕДИАОБРАЗ СИБИРИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ЕЕ РЕГИОНОВ: СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ САЙТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ-ФОРУМА «РОССИЯ»)*

Лю Сыди, Н. Г. Нестерова

Ключевые слова: медиаобраз Сибири, выставка «Россия», научные достижения, самопрезентация, языковые средства

Keywords: media image of Siberia, exhibition “Russia”, scientific achievements, self-presentation, linguistic means

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1–03](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1–03)

Введение

Статья посвящена выявлению и описанию языковой репрезентации медиаобраза Сибири в аспекте научных достижений ее регионов. В статье исследуется своеобразие языковых средств, которые используются для самопрезентации научных достижений регионов Сибири.

Актуальность изучения медийного образа территорий обосновывается интересом современных гуманитарных наук к роли в мировом сообществе разных стран и входящих в них регионов, которые вносят вклад в их экономическое, политическое, технологическое, научное, образовательное, культурное развитие и т.д. Эти и другие аспекты социальной жизни регионов являются объектом изучения разных гуманитарных наук: социологии, политологии, имиджологии, культурологии, журналистики, лингвистики. Они отражены в публикациях и диссертациях. Для данной статьи особый интерес представляют работы Е. Н. Богдан, Ю. Н. Драчёвой, в которых определяются научно-методологические основы изучения медийных образов территорий, и диссертация Ю. С. Сабаяевой, посвященная медиаобразу Сибири [Богдан, 2007; Драчёва, 2019; Сабаяева, 2019]. В попавших в поле зрения лингвистических трудах нами не обнаружены работы, в которых бы медиаобраз страны или ее региона специально изучался в контексте научных и научно-технологических достижений ее регионов.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям № [2023] 107.

Феномен медиаобраза территорий становится объектом обсуждения на научных конференциях. В качестве примера отметим Международную научную конференцию «Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации» (20–22 сентября 2022 г., Вологда, 2022). Авторы изданной по итогам конференции коллективной монографии [Медиаобраз региона, 2022] убедительно доказывают «социокультурную значимость медиаобраза региона, характеризуют его культурный контекст и уделяют должное внимание языковой личности, которая является носителем, идентификатором, интерпретатором, а также вербальным манипулятором» в процессе создания образа территории [Драчёва, Ильина, 2022, с. 13]. Научная новизна нашего исследования состоит в том, что апробируется подход к анализу медиаобраза территории через призму научных достижений входящих в нее регионов и что в научный оборот вводится новый, ранее не исследованный, качественный материал о Сибири.

Объектом изучения в статье является медиаобраз Сибири, который рассматривается в аспекте научно-технологического потенциала сибирских регионов. Источником материала для исследования стал официальный сайт Международной выставки-форума «Россия» (далее — Выставка), которая проходила с 4 ноября 2023 г. по 8 июля 2024 г. на ВДНХ¹. Материал привлек исследовательское внимание своей достоверностью, разнообразием, актуальностью. Выставка предлагает достоверные данные, свидетельствующие о значимых, с точки зрения региональных властей, достижениях региона. Этот авторитетный источник наряду с другими достижениями регионов убедительно демонстрирует научно-образовательные и инновационно-технологические результаты субъектов Российской Федерации.

Проанализированы материалы экспозиций 11 сибирских регионов — субъектов РФ². Их составили 44 текста, представленные в четырех разделах: аннотация, основной текст, интересные факты и видеоряд, который в некоторых случаях сопровождается вербальным комментарием. В качестве текстовых иллюстраций в статье приводятся высказывания, слова, словосочетания, которые описывают научные достижения регионов Сибири и их роль в развитии промышленного производства.

История вопроса

Поставленная в статье проблема является междисциплинарной, что обосновывает при построении методологической базы исследова-

¹ Международная выставка-форум «Россия». URL: <https://russia.ru/>

² Отнесенность регионов к Сибири осуществлена на основе данных источника: КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_174825

ния обращение к трудам, посвященным социально значимым и экономическим вопросам. Так, в работах экономического профиля используются понятия *Макрорегион Сибирь*, *Большая Сибирь* [Нехода, Чиков, 2019, с. 7].

Под «медиаобразом региона» в медиалингвистической литературе понимается «совокупность когнитивных представлений об этом регионе в отдельном медиатексте или группе медиатекстов, объединенных на том или ином основании (ограниченных тематически, временными рамками, определенными источниками)... Предметом изучения в данном случае становится комплекс знаний и представлений о регионе, а также его оценки, эксплицированные в медиатексте с помощью вербальных и иных средств выражения» [Драчёва, Ильина, 2022, с. 10]. В целом соглашаясь с данным определением и учитывая глобальность и многомерность феномена «медиаобраз региона», дополним его следующей интерпретацией. Так как медиаобраз создается через отдельные представления об объекте и являет собой совокупность бесконечного множества информационных и интерпретационных составляющих, изучается медиаобраз региона также через отдельные фрагменты, отражающие разные стороны данного структурно и содержательно сложного феномена.

Медиаобраз Сибири как значимой части России становился объектом медиалингвистических исследований, которые проводились на материале медийных текстов о сибирских регионах, городах [Гриднев, 2016; Кондратьева, 2019], в том числе в сопоставительном аспекте [Малышева, Рогалева, 2019]. Хотя Сибирь остается одним из малоизученных объектов, в трудах ученых обнаруживаются разные исследовательские подходы, аспекты (см.: [Нестерова, Сабаева, 2022, с. 257–264]). В указанной публикации отмечены тематические доминанты и результаты аксиологических сопоставлений, выявленные в проанализированных работах. Для данного этапа нашего исследования важно отметить, что собственно научному и научно-технологическому компоненту медиаобраза Сибири в изученных публикациях внимание не уделялось.

Для настоящего исследования, в котором анализируются тексты, репрезентирующие научно-технологические достижения регионов Сибири, актуальность представляет коллективная монография «Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы» [Актуальный срез..., 2011]. В указанной работе исследуется эволюция доминант, детерминирующих научную и научно-технологическую составляющие старинного сибирского города Томска: *томский Интернет*, *Сибирские Афины*, *интеллектуальная столица*, *инновационный центр*, *нефть*. Исследование демонстрирует, что медиаобраз фиксиру-

ется посредством языковых репрезентаций, с помощью которых он создается и функционирует в медиатексте. Так, Томск, квалифицированный как город «инноваций и качественного высшего образования» [Булатова, Глухов, 2014, с. 164], приобретает наиболее конкурентоспособный бренд в эпоху постиндустриальной экономики.

Контент-анализ региональных и федеральных массмедиа, проведенный О. Н. Кондратьевой, показал, что медиаконцепт КУЗБАСС репрезентирован в региональных и федеральных массмедиа практически идентичным набором номинаций, наиболее частотными среди которых являются следующие: *Кемеровская область, Кузбасс, КуЗбасс, Кузнецкий край, земля Кузнецкая, Сибирская губерния, кузбасская / сибирская Швейцария, угольный край, угольное сердце России / страны* [Кондратьева, 2022]. Значимым представляется ранее сделанное исследование наблюдением о том, что «массмедиа способны не только поддерживать и усиливать существующие стереотипы, но и создавать новые» [Кондратьева, 2019, с. 222].

Научный компонент медийного образа региона весьма актуален для социума и для каждого человека в отдельности, потому что «массмедиа сообщают о научных открытиях, которые могут изменить или уже изменяют сегодняшнюю жизнь человека» [Дускаева, 2023, с. 220]. Для любого думающего человека важно осознавать, что «результатом научной деятельности становятся новые технологии, новые материалы, методики лечения, производства, разные виды техники и мн. др. — все то, что предназначено удовлетворять общественные потребности» [Там же].

Поставленная проблема является междисциплинарной, поэтому для истории вопроса интерес представляют не только лингвистические исследования, но и труды, связанные с обсуждением научных и технологических вопросов. Так, китайские исследователи В. Линь и И. Ван отмечают, что в современной международной конкуренции научно-технологическая мощь любой страны является важной частью национальной конкурентоспособности. По мнению авторов, благодаря эффективной модели управления научными исследованиями и системе их стимулирования Россия сохраняет статус мировой научно-технической державы: занимает лидирующую позицию в мире в области фундаментальной науки, компьютеризации, военной промышленности [Линь, Ван, 2021, с. 146–147]. Авторами отмечается, что в настоящее время Россия находится на важном этапе трансформации технологического развития.

Как утверждают ученые, Россия относится к мировым лидерам по абсолютным масштабам занятости специалистов в науке, уступая только Китаю, США и Японии [Корытный, Шеховцова, 2021, с. 238]. Сибирь,

будучи важнейшей частью территории России, интенсивно развивается в области науки и технологий [Хлопцов, 2020]. Основанием для амбициозных планов в этой сфере, по мнению специалистов, является научный фундамент, который закладывался в России с середины XX в. Уже в 1940-е гг. последовательно открывались филиалы Академии наук в Новосибирске, Иркутске и Якутске. В 1957 г. было создано Сибирское отделение АН СССР [Крюков, Чжун, 2024, с. 94–95]. В 1960-е гг. укрепились Новосибирский, Иркутский и Якутский научные центры. В 1970-е гг. началось активное развитие академических центров в Томске, Красноярске, Улан-Удэ, в 1990-е гг. — в Кемерове, Тюмени и Омске [Артемьева, 2022, с. 104]. В настоящее время в Сибири создана основательная база для научных исследований: в разных городах функционирует региональная сеть научно-исследовательских учреждений, которая позволяет реализовать стабильное развитие научно-технологических инноваций [Янь, 2020, с. 57].

В последние годы Россия реализовала ряд прорывных планов в сфере науки, которые связаны с тремя аспектами: это среднесрочное и долгосрочное планирование научно-технических инноваций, финансовая и техническая поддержка, система стимулирования талантливых специалистов [Ци, Цзя, Цуй, 2017, с. 18]. Эта серия мер, как отмечают исследователи, обеспечивает основу для значимых научно-технологических инноваций и творчества, а также создает хорошую среду для развития экономики [Там же].

Мировым сообществом была оценена инициатива президента В. В. Путина об объявлении 2021 г. Годом науки и технологий, заявленная на Наблюдательном комитете МГУ им. М. В. Ломоносова [Линь, Ван, 2021, с. 146–147]. Следующим важным шагом стало объявление периода с 2022 г. по 2031 г. Десятилетием науки и технологий. На официальном сайте Десятилетия науки и технологий в России (Наука.РФ) по поводу этого периода сделано следующее заявление: «Его основные цели — привлечение молодежи в сферу науки и технологий, вовлечение исследователей и разработчиков в решение важных задач для страны и общества и рост знания людей о достижениях российской науки»³.

Результаты исследования и обсуждение

Сайт Международной выставки-форума «Россия» (далее — Выставка) призван продемонстрировать достижения страны прежде всего в области науки и технологий. Как свидетельствуют тексты, представленные

---

³ Наука.РФ — официальный сайт. <https://xn-80aa3ak5a.xn-p1ai/>

на сайте Выставки и на стендах, Сибирский регион в настоящее время добивается больших успехов во всех областях науки и наукоемких технологий. Анализ текстов показал, что в качестве регионов с бурным научно-технологическим развитием позиционируют себя Алтайский край, Красноярский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Новосибирская, Омская, Томская и Кемеровская области. К регионам, позиционирующим себя как активно внедряющие науку в производство, относятся Алтайский край, Республика Хакасия, Новосибирская, Иркутская, Томская и Тюменская области; отдельные аспекты научно-образовательной активности представляет Республика Саха. Результаты получены на основе анализа языковых репрезентаций, реализованных в текстах, представленных регионами на сайте Выставки. Научно-образовательный компонент медиаобраза Сибири формируется разными ресурсами языка. Начиная с места в текстах занимает актуализация научных учреждений, центров, университетов, имеющих в сибирских регионах, что маркируется лексикой специальной (научной, научно-технологической, научно-производственной) сферы: *сибирский наукополис*⁴; *наукоград Кольцово*; *Сибирское отделение Академии наук*; *академгородок* (Новосибирская область); *научно-образовательный центр «Кузбасс»*; *региональный образовательный центр «Сириус. Кузбасс»* (Кемеровская область).

Доминантой экспозиции Томской области является именно наука и инновационные технологии. Адресату предлагается узнать, что такое *система управления Cognitive Pilot*, компания «Энбисис», проект «Ретина», сервис «РосНавык», технология *Evois*; *автомобильный голосовой помощник нового поколения*; *первая в России технология на основе искусственного интеллекта*. В экспозиции Томской области внимание актуализируется также на *разработках, связанных с исследованием Арктики; беспилотной авиацией*; видеоряд демонстрирует вузы и лаборатории, осуществляющие эти разработки. В текстах томской экспозиции имеются многочисленные свидетельства современных технологий обучения: *видеолекции, онлайн-обучение, цифровые школы нового поколения*; высоких промышленных технологий: *нейросети, нейрооборудование, датчики глубины*; внедрения научных технологий в деятельность глобальных компаний: *корпорация «Росатом», компания «Трансгаз Томск»*⁵.

Создание и использование в образовательной среде научных разработок способствует развитию сибирской науки, предоставляет молодежи больше возможностей соприкоснуться с наукой, вдохновляет моло-

⁴ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты исследованных текстов.

⁵ Подробнее о самопрезентации Томской области на Выставке «Россия» см.: [Лю Сыди: 2024].

дое поколение посвятить себя развитию науки. Для демонстрации этой стратегии на сайте Выставки активно используются **цифры и факты**, посредством которых массовый адресат получает представление о подготовке кадров в высших учебных заведениях, о направлениях исследований в научно-исследовательских и инновационных учреждениях и их количестве. Так, в Новосибирске 22 *высших учебных заведения, более 97 тысяч студентов, более 1000 программ дополнительного образования, более 100 крупных и 1700 малых предприятий*. Наиболее развитыми направлениями в сфере науки являются: ядерные исследования, биомедицина и биотехнологии, IT-технологии, приборостроение, машиностроение и энергетика, авиация и космос. *Его (стенда Новосибирской области. — Л. С., Н. Н.) стороны символизируют взаимосвязь образования, науки и производства*. В видеоряде Республики Саха упомянуты некоторые цифры и факты, указывающие на научно-образовательные достижения, связанные с развитием детей: *открыто 3 центра цифрового образования для детей, создана «Цифровая образовательная среда» в 277 школах*.

Языковым воплощением этих высказываний закономерно становится специальная лексика в сфере науки и технологий, науки и образования. На уровне грамматики активно используются конструкции: числительное + существительное; более + числительное + существительное, страдательное причастие прошедшего времени в краткой форме + числительное + существительное (в устной речи аудиогuida звучат имена числительные, в печатном тексте используются цифры).

Регионы используют прием акцента на **уникальности научных учреждений**. Это достигается привлечением фактов, доказывающих, что имеющиеся в регионе научно-технологические ресурсы уникальны в стране и, возможно, в мире. Наиболее активными маркерами репрезентации являются языковые единицы с семантикой высокой оценки (слова, словосочетания, в том числе в форме перечислений, устойчивые сочетания): **Конкурентным преимуществом Новосибирской области является наличие мощного комплекса научных организаций, исследований и разработок; Всемирную известность региону принесли Академгородок и наукоград Кольцово, которые представляют собой не только научный центр, но и центр научного туризма Сибири; Сибирское отделение Академии наук /.../ позволило сформировать в регионе мощную производственную и научную базу (Новосибирская область); Запущен уникальный для России завод по выпуску горохового изолята «Про-**

теинсиб» (Тюменская область)⁶; **уникальные** медицинские технологии (Томская область); **Предметом особой гордости** барнаульцев является созданный ими **фотосепаратор**; **уникальное** оптическое оборудование (Алтайский край); **легендарный** КМК (Кузнецкий металлургический комбинат) (Кемеровская область).

В проанализированных текстах подчеркивается, что научно-технологические результаты достигаются благодаря быстрым темпам научно-производственной деятельности. Для выражения этой интенции используются словосочетания с соответствующей семантикой и количественные данные: **Легендарный КМК** (Кузнецкий металлургический комбинат) **был возведен в рекордно короткие сроки — всего за 1000 дней** (Кемеровская область); **В Омской области первый запуск «Ангары» был успешно проведен в 2014 году. Ежегодно в Омске планируется выпускать 10 подобных ракет.** Истоки современных научно-производственных перспектив обосновываются историческими фактами, свидетельствующими о талантливых мастерах прошлого, например: **В Алтайском крае царица ваз была создана мастерами-камнерезами Кольванской шлифовальной фабрики 180 лет назад. Это самая большая ваза в мире. Находится в Эрмитаже; В 1766 году в Барнауле изготовлена паровая машина. Это первый паровой двигатель, работающий без гидравлического привода.**

Представленные в текстах факты доказывают, что регионы имеют высокую степень привлекательности, побуждают адресата более подробно познакомиться с экспозицией региона и приехать в регион. В этой части текстов явно выражена диалогичность, направленность на взаимодействие с адресатом: **В экспозиции Омской области сразу на входе вы можете увидеть макет самой современной и технологичной арены в России — «G-Drive Арены», которая является домашней площадкой «Авангарда».** По правую сторону от макета арены расположен профессиональный тренажер по измерению силы удара от школы «ШТОРМ» Александра Шлеменко; **стоит посетить Красноярский край; познакомиться с достижениями Красноярского края в сфере креативных индустрий; Кузбасский краеведческий музей каждый год привлекает все больше людей на Международный научно-популярный фестиваль «Диноterra».** И если Новосибирск считают центром **научного** туризма Сибири, то, фестиваль, на который в 2023 г. приехало более 60 тысяч человек, стал не только научной площадкой, но и **местом познавательного семейного туризма.**

⁶ В скобках указаны субъекты РФ, из текстов которых приводятся примеры высказываний или их фрагменты. Если в приводимом текстовом примере упоминается регион, в скобках он не дублируется.

Основными языковыми средствами привлечения внимания к региону в приведенных текстовых иллюстрациях являются глаголы с побудительным значением, хотя они используются не в побудительном наклонении: *познакомиться, стоит посетить, можете увидеть, можем прогуляться, привлекает*, а также квалификация сибирских городов и креативных мероприятий как центров научного и семейного туризма. Значительное место в текстах занимают высказывания, включающие оценочные единицы, в том числе прилагательные в формах сравнительной и превосходной степени: *увлекательнее, результативнее; самая современная и технологичная арена в России* — «G-Drive Арена»; *один из богатейших в мире угольных бассейнов; самая большая ваза; крупнейший научный центр на востоке России* — «СКИФ»; *один из крупнейших в мире нефтегазохимических комбинатов* («ЗапСибНефтехим» компании «СИБУР» в Тюменской области); *«Самую умную улицу в мире» можно найти в новосибирском Академгородке. На проспекте Академика Лаврентьева расположены два десятка научных учреждений*. В проанализированных высказываниях упоминаются: *искусственный интеллект, креативные индустрии* (Красноярский край), *инфраструктурные проекты* (Новосибирская область). Языковыми средствами репрезентации достижений выступают устойчивые словосочетания из научно-технической сферы: *конкурентное преимущество, всемирная известность, рекордно короткие сроки, новый шаг в развитии медицины, ювелирная точность, наша гордость, международные научные исследования*. Рассмотренные тексты свидетельствуют о тесной связи науки и производства: тесная связь принципиально важна, потому что научный прогресс и совершенствование технологий производства ускорят темпы развития региона.

В числе инновационных производств в Сибири указываются суперсовременные логистические центры в Новосибирске: «Русагромаркет-Новосибирск» (сельскохозяйственный оптово-распределительный центр), контейнерный терминал «Клещиха», терминально-логистический центр «Евросиб-Терминал-Новосибирск», «Терминал Восточный», сортировочный хаб «Почта России». В качестве значимых для развития страны промышленных предприятий называются нефтегазохимический комбинат «ЗапСибНефтехим» в Тюменской области, Саяногорский алюминиевый завод в Республике Хакасия, крупнейший в России производитель алюминиевых сплавов, центр тестирования и внедрения инновационных технологий в РУСАЛе (Красноярский край).

Контент Выставки утверждает важную роль науки и техники в содействии развитию современного производства. Кроме того, совершенствование науки и техники сказалось на социальном прогрессе: позволя-

ет сэкономить время реализации многих стратегических задач государства в социальной сфере, сокращает трудозатраты предприятий страны, улучшает качество жизни людей: *Сделать новый шаг в развитии медицины и энергетики городу позволит завершение строительства и ввод в эксплуатацию Сибирского кольцевого источника фотонов*. Невозможно переоценить значимость для России нефтегазового кластера в Тюменской области. Это — ассоциация ведущих добывающих компаний и производителей оборудования, которая помогает России **заместить импортные технологии** в топливно-энергетическом комплексе. Языковыми средствами этой группы становятся словосочетания: складские комплексы, промышленно-логистический парк, инженерное и технологическое оборудование, топливно-энергетический комплекс, аппарат для приема пластика, инновационные технологии РУСАЛа, **внедрять новые технологии в производство**. Планы и перспективы связываются также с изменениями в учебно-образовательном секторе: *Межуниверситетский кампус появится в Тюмени в 2028 году*; отмечается, что в Томске *шесть федеральных университетов*, и демонстрируется план Большого Томского университета.

В качестве оригинального в текстах отметим описание памятников выдающемуся человеку и лабораторным животным: *В Новосибирске в благодарность отважным исследователям в Академгородке установлен памятник всем лабораторным мышам — Мышка, которая вяжет ДНК. Памятник есть и у лисиц: одна дружелюбная лиса сидит рядом с Дмитрием Беляевым. 70 лет назад этот великий генетик начал в Академгородке эксперимент для изучения поведенческих отклонений диких животных при взаимодействии с человеком. Эти маленькие зверьки помогают ученым изучать болезни и искать лекарства*. Языковыми средствами выражения высказываний являются прилагательные с семантикой значимости (*отважный, дружелюбный, великий*), словосочетания с положительной сублимированной оценкой (*в благодарность, помочь ученым*). Эти языковые средства подчеркивают величие человека и животных, а также показывают, что эти животные были принесены в жертву во имя науки.

Заключение

Лингвистический анализ позволил сделать вывод о разнообразии языковых репрезентаций в текстах, подготовленных субъектами РФ в качестве самопрезентации. В текстах используются возможности единиц разных уровней языка: лексическо-семантического, морфологического, синтаксического. Ключевое место занимает специальная лексика из сфе-

ры науки; конкретизирующую функцию выполняют имена собственные, преимущественно называющие научные объекты. Самопрезентация регионов на сайте Международной выставки-форуме «Россия» создает медиаобраз современной Сибири как важного макрорегиона России, значимого в научно-образовательном, научно-технологическом и научно-промышленном плане. Для Сибири характерны бурное научно-образовательное, инновационное развитие, тесная связь науки и производства. На основе анализа самопрезентации сибирских регионов можно заключить, что особенностью развития науки в Сибири является то, что наука стимулирует развитие новых технологий и производства.

Научная значимость проведенного исследования заключается в развитии теории медийных образов, что выразилось в реализации нового аспекта изучения медийного образа территории — через ее научное и научно-технологическое значение. Осуществленное исследование служит углублению отдельных аспектов развития медиалингвистики.

Библиографический список

Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы: монография / О.В. Орлова и др. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2011. 223 с.

Артемьева Е. Б. Становление и развитие учреждений науки в Сибири и формирование системы их информационного обеспечения // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. № 3. С. 103–111. <https://doi.org/10.15372/HSS20220312>

Богдан Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. 25 с.

Булатова Т. А., Глухов А. П. Инновационный образ Томска: позиционирование в традиционных медиа и сети интернет // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (144). С. 162–171.

Гриднев Н. А. Телевизионный новостной медиаобраз Омска (на материале выпусков передачи «Новости здесь» телеканала «Продвижение») // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 51–63.

Драчёва Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 134–146. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-2-89-13>

Драчёва Ю. Н., Ильина Е. Н. Введение // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. Вологда: Изд-во Вологодского государственного ун-та, 2022. С. 7–14.

Дускаева Л. Р. Направления популяризации науки в массмедиа // Медиа-лингвистика: мат-лы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 219–223.

Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз Сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 222–236.

Кондратьева О. Н. Номинативное поле медиаконцепта КУЗБАСС в региональных СМИ // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. Вологда: Изд-во Вологодского государственного ун-та, 2022. С. 265–273.

Корытный А. М, Шеховцова Т. Н. Этапы развития науки в России // Тринадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного ун-та, 2021. С. 232–241.

Лю С. Стратегия самопрезентации Томской области на сайте Международной выставки-форума «Россия» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 2024. С. 23–29.

Малышева Е. Г., Рогалева О. С. Медиаобразы сибирских городов в региональных СМИ: опыт сопоставительного анализа // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований. Омск, 2019. С. 323–327.

Нестерова Н. Г., Сабаева Ю. С. Медиаобраз Сибири как объект лингвистических исследований // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. Вологда: Изд-во Вологодского государственного ун-та, 2022. С. 257–264.

Нехода Е. В., Чиков М. В. Интеграция Сибири в глобальное социально-экономическое пространство: Международный экономический симпозиум (17–19 октября 2019 г.) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 48. С. 7–8. <https://doi.org/10.17223/19988648/48/1>

Сабаева Ю. С. Языковая репрезентация медиаобраза Сибири в региональном просветительском радиодискурсе. Томск, 2019. 179 с.

Хлопцов Д. М. Интеграция Сибири в глобальное социально-экономическое пространство: Международный экономический симпозиум (17–19 октября 2019 г.) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 49. С. 7–9. <https://doi.org/10.17223/19988648/49/1>

克留科夫, 钟建平. 西伯利亚发展的主要方向 — 以研究与规划相结合为基础 [J]. 西伯利亚研究7, 2024, 51 (04): 85–98.= Крюков В. А., Чжун Ц. Основные направления развития Сибири на основе сочетания исследований и планирования // Сибирские исследования. 2024. № 51 (04). С. 85–98.

⁷ Названия работ, написанных на китайском языке, переведены Лю Сыди.

林芑, 王翼阳. 俄罗斯科技管理体系与发展政策研究 [J]. 科学管理研究, 2021, 39 (06): 146–155. = Линь В., Ван И. Исследование системы управления российской наукой и технологиями и политики развития // Научные управленческие исследования. 2021. № 39 (06). С. 146–155.

亓琳, 贾永飞, 崔英英. 俄罗斯科技创新发展实践及其对我国的启示 [J]. 中国高新科技, 2017, 1 (07): 18–20. = Ци Л, Цзя Ю, Цуй И. Российская практика развития научно-технических инноваций и ее просвещение в Китае // Высокие технологии Китая. 2017. № 1 (07). С. 18–20.

闫泓多. »科学城2.0«计划 — 新西伯利亚科学城的重生 [J]. 西伯利亚研究, 2020, 47 (05): 56–63. = Янь Х. План «Наукоград 2.0» — возрождение ново-сибирского наукограда // Сибирские исследования. 2020. № 47 (05). С. 56–63.

Список источников

Международная выставка-форум «Россия». URL: <https://russia.ru/>
Наука РФ — официальный сайт. URL: <https://xn-80aa3ak5a.xn-p1ai/>
КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_174825

References

Current cross-section of the regional picture of the world: cultural concepts and neo-mythologemes: monograph, Tomsk, 2011, 223 p. (In Russian)

Artemeva E. B. Establishment and development of scientific institutions in Siberia and forming their information support system. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* = Humanitarian Sciences in Siberia, 2022, no. 3, p. 103–111. <https://doi.org/10.15372/HSS20220312>. (In Russian)

Bogdan E. N. Media image of Russia as a means of consolidation of society: structural-functional characteristics: Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2007. 25 p. (In Russian)

Bulatova T. A., Glukhov A. P. The innovative image of Tomsk: positioning in mass media and internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2014, no. 3 (144), p. 162–171. (In Russian)

Gridnev N. A. Media image of Omsk in TV news (based on «Novosti zdes» TV program of “Prodvizhenie” channel). *Kommunikativnye issledovaniya* = Communication studies, 2016, no. 2 (8), p. 51–63. (In Russian)

Dracheva Yu. N. The notion of media image and its study in linguistic and non-linguistic aspects. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Cherepovets State University, 2019, no. 2 (89), p. 134–146. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-2-89-13> (In Russian)

Dracheva Yu. N., Il'ina E. N. Introduction. Media image of the region in modern mass communication. Vologda, 2022, p. 7–14. (In Russian)

Duskaeva L. R. Directions for the popularization of science in the mass media. *Medialingvistika* = Medialinguistics: Materials of the reports of the participants of the VII International Conference, St. Petersburg, 2023, p. 219–223. (In Russian)

Kondrat'eva O. N. The stereotypical media image of the siberian region (based on the materials of the russian media of the 21st century). *Imagologiyai komparativistika* = Imagology and comparative studies, 2019, no. 12, p. 222–236. (In Russian)

Kondrat'eva O. N. The nominative field of the media concept KUZBASS in regional media. Media image of the region in modern mass communication. Vologda, 2022, p. 265–273. (In Russian)

Korytnyy L. M., Shekhovtsova T. N. Stages of science development in Russia. *Trinadtsatye Baykal'skiesotsial'no-gumanitarnyechteniya* = The thirteenth Baikal social and humanitarian readings, Irkutsk, 2021, p. 232–241. (In Russian)

Lyu S. Self-presentation strategy of the Tomsk region on the website of the International exhibition-forum «Russia». *Aktual'nyeproblemylingvistikiiliteraturovedeniya* = Actual problems of linguistics and literary studies, Tomsk, 2024, p. 23–29. (In Russian)

Malysheva E. G., Rogaleva O. S. Media images of Siberian cities in regional media: experience of comparative analysis. *Noveyshaya filologiya: itogi perspektivy issledovaniy* = Modern Philology: results and prospects of the research, Omsk, 2019, p. 323–327. (In Russian)

Nesterova N. G., Sabaeva Yu. S. Media image of Siberia as an object of linguistic research. Media image of the region in modern mass communication, Vologda, 2022, p. 257–264. (In Russian)

Nekhoda E. V., Chikov M. V. International Economic Symposium “The Integration of Siberia in the global socio-economic space” (17–19 october 2019). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* = Bulletin of Tomsk State University, Economics, 2019, no. 48, p. 7–8. <https://doi.org/10.17223/19988648/48/1> (In Russian)

Sabaeva Yu. S. Linguistic representation of the media image of Siberia in the regional educational radio discourse, Tomsk, 2019, 179 p. (In Russian)

Khloptsov D. M. International Economic Symposium “The Integration of Siberia in the global socio-economic space” (17–19 october 2019). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* = Bulletin of Tomsk State University, Economics, 2020, no. 49, p. 7–9. <https://doi.org/10.17223/19988648/49/1> (In Russian)

Kryukov V. A., 钟建平. Main directions of development of Siberia based on a combination of research and planning. *Sibirskie issledovaniya* = Siberian research, 2024, no. 51 (04), p. 85–98.

林苇, 王翼阳. Research of the Russian science and technology management system and development policy. *Nauchnyye upravlencheskie issledovaniya* = Scientific management research, 2021, no. 39 (06), p. 146–155.

亓琳, 贾永飞, 崔英英. Russian practice of developing scientific-technical innovations and its education in China. *VysokayatekhnologiyaKitaya*= China's high technology, 2017, no. 1 (07), p. 18-20.

闫泓多. Plan "science city 2.0" — revival of the Novosibirsk science city. *Sibirskieissledovaniya*= Siberian research, 2020, no. 47 (05), p. 56-63.

List of Sources

Mezhdunarodnaya vystavka-forum «Rossiya» = International exhibition-forum «Russia». URL: <https://russia.ru/>

Nauka RF — ofitsial'nyysayt = Science of the Russian Federation — official website. URL: <https://xn-80aa3ak5a.xn-p1ai/>

Konsul'tantPlyus = ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_174825

ЭРГОНИМЫ В ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХАРБИНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

С.В. Беликов

Ключевые слова: эргонимы, городское ономастическое пространство, лингвокультурология, русский язык как иностранный, Харбин

Keywords: *ergonyms, urban onomastic space, linguoculturology, Russian as a foreign language, Harbin*

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1–04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1–04)

Введение

В статье использован комплексный подход к изучению материала. Теоретическая база исследования обусловлена лингвокультурологией как одним из направлений современной лингвистики (Ю.С. Степанов, В.В. Воробьев, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Е.И. Зиновьева, Н.Ф. Алефиренко); ономастикой и топонимикой (О.Н. Трубачев, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, А.К. Матвеев, М.В. Горбаневский, И.А. Воробьева, Т.В. Чернышова, М.В. Голомидова); словообразованием (В.В. Виноградов, Русская грамматика-1980, Е.А. Земская, Н.В. Подольская, М.Я. Блох, Т.С. Сергиенко, С.А. Журавлев). Практика исследования продиктована лингвометодическим аспектом, связанным с возможностью использования имен собственных в обучении РКИ (П.П. Альдингер, Ю.А. Васильева, Н.А. Вострякова, Л.С. Головина, И.В. Данилова, О.В. Мамонтова, Н.А. Родина). Исследования ономастики города входят в область лингвокультурологии, позволяя осмысливать окружающую действительность городского пространства. Ономастикон города — это имена собственные, используемые в городской среде. Примечательно, что в Китае также существуют русскоязычные эргонимы.

Объектом наблюдения является городское пространство Харбина. Е.А. Оглезнева, исследователь русского языка в восточном зарубежье, в том числе и русской речи в Харбине, отмечает: «Харбин был многонациональным городом, но общий тон здесь задавала русская культура: русская архитектура, русская микротопонимика, русское кино и театры, русские газеты и журналы, русские учебные заведения» [Оглезнева, 2009, с. 18]. Предметом статьи стала ономастическая лексика, слу-

жащая для обозначения городского пространства Харбина, способы ее словообразования.

Цель исследования — изучение эргонимов с точки зрения особенностей функционирования в ономастическом пространстве Харбина и их использования в обучении русскому языку как иностранному.

Материал и методы исследования

Интерес для нашего исследования, посвященного эргонимам Харбина, представляют следующие источники эмпирического материала:

- проект словаря харбинской лексики (Е.А. Оглезнева), фрагменты «Словаря харбинской лексики» (Е.А. Оглезнева, Г.М. Старыгина, 2008) — в совокупности представлено 40 единиц;
- воспоминания бывших харбинцев, публиковавшиеся в центральной печати («Русский Харбин», сост. Е.П. Таскина, 2005), а также отдельные выпуски сборников Амурского государственного университета г. Благовещенска «Русский Харбин, запечатленный в слове» (ред. А.А. Забияко; Е.В. Сенина, 2017) и «Слово» (ред. Е.А. Оглезнева);
- научные работы по языку и речи восточной ветви русского зарубежья, в которых анализируются топонимы, микротопонимы и эргонимы Харбина (Е.А. Оглезнева, И.К. Косицына, Л.М. и М.Ю. Шипановские, О.Г. Краснощека, Р.У. Тулакпаев), — проанализировано в общей сложности 123 наименования;
- работы по истории Харбина, рассмотренные в аспекте онимов (Г.И. Каневская, Д.С. Каргапольцев, У.Яньцю), — 12 единиц.

Материал собран методом сплошной выборки. В исследовании использованы приемы текстового анализа, ономастического анализа материала: анализ принципов и способов номинации имен собственных городских объектов, а также методы моделирования учебного материала [Сотникова, 2016] по лексике и словообразованию с применением эргонимов для обучения китайских студентов.

Используя термин «эргоним» в нашей работе, мы опирались на «Словарь русской ономастической терминологии», где этот термин относится к разряду имен собственных: «Эргоним — это собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 165]. Эргонимы изучаются и в современной лингвистике [Емельянова, 2007; Тортуннова, 2012; Косаренко, 2017]. Эргонимы — один из видов онимов.

Результаты исследования

1. Принципы номинации эргонимов Харбина начала XX в.

По мнению Т. В. Чернышовой, «... описание процесса возникновения имен собственных (топонимов) призвано дополнить картину становления лексических единиц в целом, поскольку имена собственные генетически связаны с именами нарицательными и между ними есть много общего» [Чернышова, 1988, с. 6]. Исследователь, опираясь на положение И. А. Воробьевой о «номинативной ситуации», рассматривает ее минимальные необходимые компоненты, которыми «являются **объект**, попавший в поле деятельности человека, и **субъект** (то есть сам человек), в силу своих потребностей занимающийся номинативной деятельностью» [Чернышова, 1988, с. 7]. Под принципом номинации в современной ономастике понимается «**процесс** создания номинативной единицы и сама номинативная единица как **результат** данного процесса» [Чернышова, 1988, с. 3]; эти явления взаимообусловлены. По принципам номинации создаются классификации топонимов. Например, в известной классификации М. В. Горбаневского выделяются четыре основных принципа номинации в названии улиц: «А. По отношению улицы к другому значимому объекту; Б. По связи улицы с человеком; В. По присущим улице свойствам и качествам; Г. По связи улицы с абстрактным понятием» [Горбаневский, 1996, с. 35]. На основе этой «релевантной» классификации Ю. Г. Пушкарева создает свою детализированную семантическую классификацию [Пушкарева, 2010].

Исследователи Л. М. Шипановская и О. Г. Краснощека относят представленную ими классификацию топонимики Харбина к тематической, отражающей следующие признаки номинации: «наличие выдающегося объекта; этнический состав населения; производственный (трудовой) признак; принадлежность коллективу; социальная доминанта населения; торгово-транспортный признак; соотносительность названия с определенным человеком, известной личностью или историческим событием; особенности флоры территории; религиозный признак; административный; особенности объекта (возраст, внешний вид, размер, расположение и т. д.); соотносительность названия с другим топонимом» [Шипановская, Краснощека, 2008, с. 41–42]. В основу классификации топонимов могут быть положены такие принципы, как «Человек», «Деятельность человека», «Эмоциональное восприятие людей», сформированные частными мотивированными признаками [Чернышова, 1988, с. 13].

Семантическая модель «Человек» содержит такие признаки номинации, как фамилия, имя, социальная и национальная принадлежность. В Старом Харбине (часть города, где были сосредоточены русские жите-

ли. — С. Б.) улицы назывались фамилиями русских писателей — классиков XIX века — *«Гоголя, Некрасова, Толстого, Чехова. Улица Гоголя осталась и в современном, китайском Харбине (Гогэли дацзе). Носили улицы Харбина имена своих знаменитых современников XX века. Так, улица Гондатти была названа в честь Николая Львовича Гондатти, генерал-губернатора Приамурского края в 1911–1917 годах, затем эмигрировавшего в Харбин и долгое время занимавшего должность управляющего КВЖД»* [Шипановская, Краснощека, 2008].

Элементами пространственной организации русского Харбина также выступали эргонимы, основанные на соотношении названий памятников православной культуры (*собор Святой Софии, Свято-Николаевский собор*); на соотношении названий района города (*«Хорватия»*), магазина (*«Чурин»*) с именами известных современников. *«Хорватия»* — название района Старого Харбина во времена управляющего КВЖД генерала Дмитрия Леонидовича Хорвата (1903–1919). *«Чурин»* — название магазина, основанного купцом Иваном Яковлевичем Чуриным в Харбине.

В то же время в названиях зафиксирован такой признак, как различная этническая принадлежность харбинцев: *проспект Маньчжурский, улицы — Китайская, Русская, Бурятская, Монгольская, Румынская, Сербская, Славянская, Японская* и др. Кроме того, с 1920-х гг. широкое распространение получили топонимы, по которым можно было узнать, из каких мест России прибыли в Харбин эмигранты, какую малую родину они покинули. Так появились улицы *Албазинская, Хабаровская, Красноярская, Владимирская, Воронежская, Псковская, Севастопольская, Тверская* и др. (подробнее об этом см. [Тулакпаев, Шипановская, 2008]). В целом на функцию топонимов в формировании и поддержании социально-политического, культурного и этнокультурного менталитета указывает ученая М. В. Голомидова, занимающаяся вопросами топонимической политики современности [Голомидова, 2018, с. 43].

Семантическая модель «Эмоциональное восприятие» формируется на основании оценки объекта — положительной или отрицательной. Например, название русского Харбина *«Счастливая Хорватия»* говорит само за себя. На наш взгляд, номинации проспектов — *Большой, Сунгарийский, Бульварный* и улиц — *Главная, Садовая, Соборная* воспринимаются позитивно, так как выражают значение «простор», «вершина», «река». *«Лесная улица, утопавшая в зелени многочисленных аллей, также оправдывала свое название»* [Шипановская, Краснощека, 2008, с. 45]. Негативная оценка возникает при восприятии названий улиц с «прозрачной» семантикой: *Косая, Кривая*, а также района города *Нахаловка*. О происхождении последнего наименования рассказала в своих вос-

поминаниях бывшая харбинка Т. Н. Федорова: «...этот район назывался Нахаловкой от того, что люди селились без разрешения, строились самовольно на болотистой местности» [Слово-2008, с. 176].

В основе семантической модели «Деятельность человека» лежат следующие принципы номинации: «привычная коллективная деятельность; результат деятельности; пригодность объекта для нужд человека» [Чернышова, 1988, с. 13]. Производственная деятельность русских харбинцев, их трудовые навыки отразились в номинациях таких улиц Харбина, как *Слесарная*, *Столярная*, *Строительная*, *Кузнечная*, *Механическая* и др.

Возможно, по месту дислокации войск названы улицы *Армейская* и *Военная*. Как утверждают исследователи, «возникновение этих наименований связано с историческими событиями русско-японской войны» [Шипановская, Краснощека, 2008, с. 43–44]; «Во время русско-японской войны (1904–1905) возникли *Корпусный городок*, *Госпитальный городок*, *Московские казармы*» [Тулакпаев, Шипановская, 2008, с. 31]. Во время войны нужны были такие специальности (род войск), как артиллеристы, гренадеры, драгуны, интенданты, офицеры, солдаты, саперы, стрелки, что отразилось в соответствующих номинациях улиц Харбина: *Офицерская*, *Солдатская*, *Артиллерийская*, *Стрелковая*, *Саперная* и др.

Одним из основных принципов номинации является именование улицы по расположенному на ней городскому объекту. Не является исключением и Харбин. Вот только несколько примеров: на *Правленской* улице находились Городское управление и Правление КВЖД, на *Таможенной* улице располагалось Управление китайскими таможенными, название улице *Почтовой* было дано по зданию Главного Почтамта, а улице *Судной* — по зданию Высшего Суда, улица *Вокзальная* начиналась от железнодорожного вокзала Харбин-Центральный. «Среди многочисленных улиц Нового Города (район Харбина. — С. Б.) выделялась *Главная*. Она была застроена престижными особняками главных начальников отделов и служб Правления КВЖД. Отсюда и ее название. Впоследствии здесь находились главные здания: Желсоб (Железнодорожное собрание. — С. Б.), Российское генеральное консульство (с 1911 г.), Генеральное консульство СССР (с середины 20-х гг.), первоклассные гостиницы...» [Тулакпаев, Шипановская, 2008, с. 34].

В периоды до и после культурной революции в результате «картографической чистки» со стороны китайских властей исчезли русскоязычные названия улиц Харбина [Зуенко 2018, с. 87], и остались только **наименования, переведенные с русского языка на китайский**, например: *Да чжи цзе* (Большой проспект), *Цзя шу цзе* (Бульварный проспект),

Мань чжу лин цзе (Маньчжурский проспект), *Сун хуа Цзян цзе* (Сунгарийский проспект); улицы: *Инь хан цзе* (Банковская), *Яо цзинь цзе* (Главная), *Бэй цзяо тан цзе* (Соборная), *Бей цзин цзе* (Пекинская), *Гун си цзе* (Правленская), *Синь май май цзе* (Новоторговая) и т. п.

Топонимический фонд русского Харбина представлен разнообразными наименованиями улиц, о чем свидетельствует «Топонимический словарь русских названий улиц Харбина» (1933), содержащий 366 единиц. В названиях улиц нашли отражение известные в современной лингвистике принципы номинации — антропонимы, оронимы, гидронимы, фитотопонимы и др. [Суперанская, 2007, с. 144–145].

2. Способы словообразования эргонимов Харбина (начало XX века)

В данной части статьи мы обратимся к характеристике словообразовательных моделей, которые были характерны для Харбина начала XX века.

Названия улиц Харбина созданы по русским ономастическим моделям. Доминантой здесь является прилагательное в форме женского рода именительного падежа с суффиксами *-ск-* (*Амурская, Аргунская, Сунгарийская*), *-н-* (*Болотная, Речная, Школьная*); реже встречаются наименования с суффиксом *-ов/ев-* (*Садовая, Полевая*) и нулевым суффиксом (*Чистая, Широкая*). На это обращают внимание исследователи [Шипановская, Краснощека, 2008, с. 48–49].

При помощи словообразовательных средств русского языка возникают «**лексические единицы ... для обозначения новых реалий**»: *Трехречье, Захинганье и Захинганский; Солнечный остров, Пристань, Романовка, Пограничная* (названия городских районов, железнодорожных станций); магазин «*Книжный шкаф*», ресторан «*Крым*» [Оглезнева, 2009, с. 40–41]; литературное объединение «*Чураевка*», *Заамурский округ Пограничной стражи, Засунгарийский* (относящийся к местности за рекой Сунгари) [Косицина, 2017, с. 96].

Память бывших харбинцев сохранила такие эргонимы, как название русскоязычной газеты «*На сопках Маньчжурии*», вывески ресторана «*Ваня, заходи!*», «*Дед-Винодел*», «*Кафе Миниатюр*», детсад «*Красного Креста*»; район Харбина Мацзягоу, в шутку именовавшийся «*Царским селом*»; «*Русский Дом*» для воспитания сотен русских детей-сирот; отель «*Модерн*» и «*Русско-Китайский банк*», располагавшийся на «*Харбинском Арбате*» [Слово-2008, с. 101–102, 104; 176; 182; 184].

В воспоминаниях М. М. Дружининой (Кузнецовой) запечатлены следующие эргонимы: «на вокзале в Харбине икона *Николая Чудотворца*

во весь рост» [Сенина, 2017, с. 13]; молодежь ходила в *Чуринский клуб* на танцы; в кинотеатре «*Ориант*» показывали советские фильмы; «мама выписывала журнал „*Ласточка*”» [Сенина, 2017, с. 15]; было в Харбине литературное объединение «*Лотос*»; «Помню *Ражевскую* пекарню: хлеб там был чудесный — пекли его в русской печи» [Сенина, 2017, с. 16].

В фрагменте «Словаря харбинской лексики» можно найти следующие эргонимы: «*Волга-Байкал*» — название галантерейного магазина на углу улиц Китайской и Конной; «*Витязь*» — название спортивной площадки на Солнечном острове, излюбленном месте отдыха харбинцев; Дальневосточный банк «*Дальбанк*» на улице Китайской; газета «*Русское слово*» [Слово-2008, с. 118–119].

Китайский исследователь У. Янцю приводит следующие приметы номинаций городского пространства Харбина начала XX века, которые можно отнести к эргонимам: рестораны «*Самсон*», «*Империял*»; обувные фабрики «*Армения*» и «*Т-во Адаянц*» (Товарищество. — С. Б.); их магазины находились на улице *Китайской*; с 1911 г. выходила «*Маньчжурская газета*» [У Янцю, 2017, с. 220].

Историк Д. С. Каргапольцев приводит названия объединений молодежи Харбина как политизированные (*Союз Мушкетеров*, *Союз Крестоносцев* — всего около 400 человек), так и аполитичные (дружины *Русского Сокола*, занимались спортивной подготовкой и пользовались популярностью, их численность за десятилетие возросла от 500 человек до 2,5 тысячи). Исследователь констатирует: «Молодежные объединения выступали одним из инструментов социальной адаптации эмигрантской молодежи к новым условиям проживания» [Каргапольцев, 2011, с. 21–22]. Е. А. Оглезнева размышляет в связи с подобными номинациями: «Данные наименования отнесены к объектам пространства на территории Китая и Харбина, но направлены они на выполнение функции пространственной ориентации для русскоязычного населения. Создание русской ономастической среды оказалось возможно и необходимо в русском восточном зарубежье» [Оглезнева, 2009, с. 41].

Если говорить о способах образования городских наименований, то для языка и речи Харбина первой трети XX века было характерно произношение и написание многих имен собственных в форме аббревиатур, использовался такой способ словообразования, как слоговая или буквенная аббревиация. «Аббревиация — сложение усеченных основ или усеченных и полных основ. Аббревиация действует только в словообразовании имен существительных» [Земская, 1989, с. 313–314]. Исследователи понимают под аббревиацией «процесс сокращения наименования какого-либо объекта, а под аббревиатурой —

результат этого процесса: сокращенную лексическую единицу, искусственно введенную государством, соответствующим учреждением, автором» [Блох, 2014, с. 188; Сергеева, 2013, с. 176]. В научной литературе рассматриваются различные факторы создания аббревиатур, выделяются собственно лингвистические и экстралингвистические, внешние по отношению к языку. Исследователь С. А. Журавлев рассуждает: «К внешним факторам следует отнести территориальную специфику использования аббревиатур. Такие единицы (их можно назвать локальными аббревиатурами) будут хорошо понятны только в границах определенной местности, на другой территории носители того же языка их не распознают» [Журавлев, 2012, с. 48].

По нашим наблюдениям, локальные аббревиатуры — характерная особенность языка Харбина первой трети XX века. В текстах с харбинской исторической тематикой часто употребляется буквенное сокращение *КВЖД* — это Китайско-Восточная железная дорога. В 1930-е гг. *КВЖД* переименовали в *СМЖД* — Северо-Маньчжурская железная дорога. В 1940-е гг. получил название Северо-Маньчжурский самый большой университет Харбина — сокращенно *СМУ*. Бывшая харбинка Елена Таскина пишет об этом в книге «Русский Харбин» [Таскина, 2005, с. 43, 62, 141, 180]. Исследователи подчеркивают, что «... аббревиация — способ словообразования, получивший распространение сравнительно поздно. Подавляющее большинство аббревиатур возникло в русском языке в советскую эпоху» [Русская грамматика-1980, с. 252-253]. В это время были популярны буквенные сокращения «в официальных названиях организаций: ВКП (б), ВЛКСМ, СНК, ВЦИК, ВЧК, ОГПУ, НКВД, РККА, ДОСААФ» [Журавлев, 2012, с. 46]. Именно аббревиатуру представляло собой само наименование советского государства: СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

В мемуарах, научной литературе, учебных текстах о русском Харбине 1910–1930-х гг. можно встретить такие аббревиатуры, как *ХПИ* — Харбинский политехнический институт, *ХСМА* — Христианский Союз молодежи, *ХСО* — Харбинское симфоническое общество, *НСО* — Новое спортивное общество, *ДОБ* — Департамент общественной безопасности (это организация, занимавшаяся визовым контролем), *БРЭМ* — Бюро по делам российских эмигрантов по Маньчжоу-го; «эмигрантский политический и административный центр, находившийся под контролем японцев» [Каргапольцев, 2011, с. 26-27]. В послевоенные годы в Харбине действовали уже другие общественные организации, а с ними появились и новые аббревиатуры: *ОСГ* — Общество советских граждан, *ССМ* — Союз советской молодежи. *КЧЖД* — Китайско-Чанчуньская же-

лезная дорога, так стала называться КВЖД после перехода полностью в собственность КНР [Каневская, 2008]. Все приведенные нами буквенные сокращения относятся к несклоняемым именам существительным, род которых определяется по опорному слову.

Интересно, что от некоторых аббревиатур такого типа харбинцы образовывали новые слова: например, от КВЖД (произносится *кавэждэ*) произошло слово «КАВЭЖЭДЭКИ. Русские служащие и рабочие, создававшие и эксплуатировавшие КВЖД — Китайско-Восточную железную дорогу. До 20-х гг. XX в. кавэждэки в основном составляли население Харбина» [Косицына, 2014, с. 76]; по территории Китая можно было путешествовать на кавэждинском поезде. Слоговые аббревиатуры также были известны русским харбинцам, но современным студентам требуется небольшой комментарий. В текстах встречаются такие сложносокращенные слова, как *Желсоб* — Железнодорожное собрание, *Комсоб* — Коммерческое собрание, *Мехсоб* — Механическое собрание. В отличие от буквенных аббревиатур, слоговые изменяются по падежам (*Желсоба*, к *Желсобу*, *Желсобом*, в *Желсобе*), но употребляются только в единственном числе.

В учебных целях, на занятиях по РКИ в китайской аудитории, можно и нужно говорить об орфоэпическом и орфографическом аспекте аббревиатур.

3. Задания по РКИ с лингвокультурный направленностью

Актуальность использования имен собственных при обучении русскому языку как иностранному отмечается всеми современными исследователями и преподавателями. Говорится о широком применении онимов для формирования универсальной компетенции на занятиях по РКИ [Родина, 2021, с. 125–129]. А. С. Головина, изучив 15 учебников РКИ и подсчитав количество ономастических единиц, приходит к выводу, что «из наиболее „востребованных“ разрядов являются топонимы — собственные имена географических объектов (123 единицы из 463-х)» [Головина, 2012, с. 226]. П. П. Альдингер и И. В. Данилова акцентируют внимание на грамматических аспектах русской урбанонимии, объясняя это тем, что «иностранец всегда сталкивается с проблемой „топонимической идентификации“, когда ему бывает сложно выбрать и назвать нужный адрес, составить маршрут следования с помощью карты, определить свое местоположение в российском городе» [Альдингер, Данилова, 2016, с. 11]. Для работы с топонимами Н. А. Вострякова предлагает комплекс заданий, в число которых могут входить следующие: «найти имена собственные; выписать названия городов и показать их на карте; перечис-

лить улицы городов; определить одушевленность / неодушевленность онимов; прочитать на родном языке текст о достопримечательностях городов и ответить на вопросы» [Вострякова, 2015, с. 39]. Ю.А. Васильева на занятиях РКИ предлагает использовать региональные эргонимы и сопровождающие их рекламные тексты, а составляя задания, дополнять их географическими и краеведческими материалами региональной прессы [Васильева, 2018, с. 107]. О.В. Мамонтова рассматривает региональную топонимику как средство изучения русского языка иностранцами и на примере китайских и русских топонимов выявляет сходные принципы номинации [Мамонтова, 2021, с. 265–266].

С опорой на результаты проведенного анализа и с учетом китайской аудитории можно дать следующие задания студентам при изучении таких разделов РКИ, как лексикология и словообразование.

1. По китайскому наименованию улиц Харбина восстановите старое русское название соответствующей улицы: *Сюэ юань лу*, *Хуа юань цзе*, *Си сяо лу*, *Гун чэн ши цзе*, *Хо чжан цзе*, *Ань ин цзе*. Правильно произнесите русские номинации.

(Ключи: *Институтская, Садовая, Новая, Инженерная, Товарная, Болотная*).

2. Прослушайте русские названия улиц Старого Харбина: *Базарная, Магази́нная, Больничная, Пекарная, Мостовая, Заводская*. По названию улицы установите, какой объект (здание, строение) мог там находиться, и запишите это слово по-русски.

(Ключи: *базар, магазин, больница, пекарня, мост, завод*).

3. Назовите улицу, используя имена прилагательные, образованные от существительных: *вокзал, почта, полиция, таможня, порт, театр*.

(Ключи: *Вокзальная, Почтовая, Полицейская, Таможенная, Портовая, Театральная*).

4. Назовите этническую принадлежность жителей Харбина, от которой произошло русское наименование *Маньчжурского проспекта* и улиц *Бурятская, Китайская, Монгольская, Японская, Сербская*. Назовите национальность в единственном и множественном числе.

(Ключи: *маньчжур — маньчжуры, бурят — буряты, китаец — китайцы, монгол — монголы, японец — японцы, серб — сербы*).

5. По наименованию улиц *Хабаровская, Красноярская, Владимирская, Воронежская, Псковская, Тверская* установите, из какого русского города могли приехать в Харбин его жители. Правильно произнесите по-русски названия городов. Определите, как эти названия образованы.

(Ключи: *Хабаровск, Красноярск, Владимир, Воронеж, Псков, Тверь; с помощью суффикса -ск-*).

6. Образуйте названия улиц от следующих существительных: *артиллерист, сапер, стрелок; офицер, солдат; штаб; гарнизон, батальон, рота*. Учтите, что в наименованиях улиц использованы имена прилагательные с суффиксами *-ск-, -н-, -ов-*. Правильно произнесите по-русски эти названия. К какой общей тематической группе они относятся?

(Ключи: *Артиллерийская, Саперная, Стрелковая, Штабная, Офицерская, Солдатская, Гарнизонная, Батальонная, Ротная; военные*).

7. Прочитайте текст:

Согласно русско-китайскому договору 1896 года, Харбин был основан в 1898 году в Северо-Восточном Китае в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги.

Выполните следующие задания:

А. Найдите топонимы в этом тексте и правильно их произнесите. Определите их падеж.

Б. Какой из топонимов в начале XX века стал произноситься сокращенно?

Произнесите его.

В. Запишите эту аббревиатуру. Определите ее род.

(Ключи: *Харбин — именительный, в Северо-Восточном Китае — предложный, Китайско-Восточной железной дороги — родительный; ка-вэжэдэ; КВЖД — женский род, определяется по опорному слову дорога*).

Данная работа может помочь преподавателю РКИ составить тексты с лингвокультурной направленностью и задания к ним (для занятий по модулю Аудирование).

Заключение

«Феномен топонимической политики оказывается на пересечении ряда научных и научно-практических областей: в равной степени в нем проявляют себя организационно-управленческие, правовые, социокультурные и лингвистические аспекты» [Голомидова, 2018, с. 37]. Номинации пространства города представляют интерес не только с точки зрения языка, но и с точки зрения лингвокультурного содержания: это знаки истории и символы культуры.

В первой трети XX века Харбин был преимущественно русским городом, и представители русского этноса определяли его лингвокультуру. В статье дана классификация 77 названий улиц и проспектов Харбина, в том числе 40 номинаций актуализированы в заданиях по РКИ с лингвокультурной направленностью. Из микротопонимов акцентированы 16 названий районов Харбина, железнодорожных станций. Основное внимание уделено эргонимам, среди которых можно выделить группы, имеющие вы-

веску, — наименования отелей, банков, магазинов, ресторанов или кафе; названия объединений — производственных, молодежных, литературных; номинация культурных достопримечательностей Харбина, в частности памятников архитектуры, учреждений культуры, изданий журналов и газет. Всего рассмотрено в статье 30 различных эргонимов, многие из которых входят в авторские тексты по аудированию и задания к ним.

В статье проанализированы словообразовательные модели эргонимов, включающие буквенную (16 единиц) и слоговую (4 единицы) аббревиацию. Можно сделать вывод о том, что названия Харбина созданы по русским ономастическим моделям.

Эргонимы аккумулируют фоновые знания носителей языка, выражают специфические черты национальной ментальности, концентрируют социально-психологическую и культурно-историческую информацию. С конца 1940-х гг. Харбин стал китайским городом, но до сих пор не утратили своего культурно-исторического значения русские эргонимы: *Музей истории КВЖД, Харбинский Арбат* с его отелем «*Модерн*», напоминающим о Ф. И. Шаляпине и А. Н. Вертинском, *Русско-Китайский Банк, улица Гоголя, Софийский собор, Солнечный остров, магазин «Чурин», Харбинский политехнический институт, железнодорожный вокзал Харбин-Центральный*.

Практическое использование изученных эргонимов может помочь при составлении текстов и заданий с лингвокультурной направленностью на занятиях по РКИ, которые направлены на закрепление навыков произношения, изучение морфологии и словообразования русского языка, пополнение словарного запаса учащихся. Кроме того, городской эргонимический материал содержит богатую экстралингвистическую информацию об истории города и его современных реалиях, что также будет влиять на успешное продвижение русской культуры в китайской аудитории.

Библиографический список

Альдингер П. П., Данилова И. В. Ономастический компонент в курсе русского языка как иностранного // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 9–13.

Блох М. Я., Сергеева Т. С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 186–199.

Васильева Ю. А. Региональный эргонимический материал в преподавании русского языка как иностранного (на примере эргонимов города Симферопо-

ля) // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: VI Международная научно-практическая конференция: руды и материалы / под ред. В. В. Орехова, Е. Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2018. С. 107–111.

Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 152 с.

Вострякова Н. А. Имена собственные на элементарном уровне обучения русскому языку как иностранному (проблемы адекватной семантизации и употребления) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 1. С. 36–41.

Головина Л. С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату: автореф. дис. ... канд. филол. н., Волгоград, 2013. 24 с.

Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 36–61. https://www.doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028

Горбаневский М. В. Русская городская топонимия. Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: ОЛРС, Ин-т народов России, 1996. 304 с.

Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 2007. 23 с.

Журавлев С. А. Аббревиация: взгляд из XXI века // Вестник Марийского государственного университета, 2012. С. 46–49.

Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

Зуенко И. Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР // Известия Восточного института. 2018. № 2 (38). С. 85–98. <https://www.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98>

Каневская Г. И. Исход русских из Китая (по воспоминаниям русских австралийцев) // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 125–132.

Каргапольцев Д. С. Молодежные объединения российской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. н. Екатеринбург, 2011. 33 с.

Косаренко О. Т., Косаренко С. В. Эргонимы и проблемы сохранения национально-культурных особенностей русского языка // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 110–113. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2017/02/2017-02-21.pdf>

Косицына И. К. Новые слова в русском языке восточной эмиграции: словообразовательный аспект // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 3 (180). <https://www.doi.org/1023951/1609-624X-2017-3-94-100>. С. 94-100.

Косицына И. К. Мемуарные произведения восточной эмиграции: опыт лингвокультурологического описания (на материале книги Т. И. Золотаревой «Маньчжурские были») // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. № 11. 2014. С. 74-81. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22763742>

Мамонтова О. В. Томские топонимы как средство изучения РКИ // Иностранный язык и межкультурная коммуникация: материалы XV Международной студенческой научно-практической конференции. Томск, 2021. С. 264-266.

Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине): автореф. дис... д-ра филол. н. Томск, 2009. 60 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

Пушкарева Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия: Филология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 116-122.

Родина Н. А. Использование ономастического материала в преподавании РКИ // Традиции, новации и перспективы преподавания русского языка как иностранного в вузе. Пенза, 01-03 декабря 2020 года: сб. мат-ов III межвуз. науч.-практ. конф. Пенза, 2021. С. 125-129.

Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I. 717 с.

Сенина Е. В. «Я скучаю по харбинской жизни»: социокультурные и этнокультурные процессы 1930-1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов // Русский Харбин, запечатленный в слове. 2017. Вып. 7, С. 11-17.

Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. № 6. Ч. 2. С. 174-179.

Слово. Русское слово в восточном зарубежье. Вып. 6 / сост. и ред. Е. А. Оглезнева. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 200 с.

Сотникова О. П. Моделирование учебного материала по русскому языку как иностранному на этапе довузовской подготовки учащихся-инофонов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65) 2016. Ч. 2. <https://www.gramota.net/article/phil20162757/fulltext>

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М.: Изд-во АКИ, 2007. 368 с.

Таскина Е. П. (сост.) Русский Харбин. М.: «Наука», 2005. 352 с.

Тортунова И. А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. № 3. С. 124-136.

Тулакпаев Р. У., Шипановская М. Ю. Топонимическое пространство «сунгарийской столицы»: особенности формирования // Слово-2008. С. 27–40.

У Яньцю. Национальный состав и культурно-лингвистические особенности российской диаспоры в Китае до 1917 // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 212–221.

Чернышова Т. В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 1988. 18 с.

Шипановская А. М., Краснощека О. Г. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации // Слово-2008. С. 41–50.

References

Aldinger P. P., Danilova I. V. Onomastic Component in the Course of Russian as a Foreign Language. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. = Pedagogical education in Russia, 2016, no. 10, p. 9–13. (In Russian)

Blokh M. Ya., Sergeeva T. S. Abbreviation as a productive way of word formation in the history of European languages. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region*. = Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga region. Humanities, 2014, no. 1 (29), p. 186–199. (In Russian)

Vasilyeva Y. A. Regional ergonomic material in teaching Russian as a foreign language (on the example of ergonims of the city of Simferopol). *Dialog kul'tur. Teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literatur. VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Trudy i materialy /pod red. V. V. Orekhova, E. Ya. Titarenko*. = Dialogue of cultures. Theory and practice of teaching languages and literatures. VI International scientific and practical conference. Works and materials / Ed. by V. V. Orekhov, E. Y. Titarenko. Simferopol: Arial, 2018, p. 107–111. (In Russian)

Vorobyeva I. A. Toponymy of Western Siberia. — *Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta*. = Tomsk: Tomsk University Publ., 1977, 152 p. (In Russian)

Vostryakova N. A. Proper names at the elementary level of teaching Russian as a foreign language (Problems of adequate semantization and use). *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*. = Bulletin of the center for international education of Moscow state university. Philology. Culturology. Pedagogy. Method. 2015, no. 1, p. 36–41. (In Russian)

Golovina L. S. Ethnocultural semantics of a proper name and its lexicographic representation of a foreign addressee. Abstract of Filol. Cand. Diss, Volgograd, 2013. (In Russian)

Golomidova M. V. Toponymic policy in the field of nomination of intra-city objects: theoretical and applied problems. *Voprosy onomastiki*. = Issues of onomastics, 2018, t. 15. no. 3. p. 36–61. https://www.doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028. (In Russian)

Gorbanevsky M. V. Russian urban toponymy. Moscow, *Izdatel'stvo OLRS*. = OLRS Publ., 1996, 304 p. (In Russian)

Emelyanova A. M. Ergonyms in the linguistic landscape of a polyethnic city (on the example of the names of business, commercial, cultural, sports objects of Ufa): Abstract of Filol. Cand. Diss. Ufa, 2007, 23 p. (In Russian)

Zhuravlev S. A. Abbreviation: a view from the XXI century. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. = Bulletin of the Mari state university, 2012, p. 46-49. (In Russian)

Zemskaya E. A. Word formation. Modern Russian language. edited by V. A. Beloshapkova — 2nd ed. Moscow, *Vyshshaja shkola*. = Higher school, 1989, 800 p. (In Russian)

Zuenko I. Y. Disappeared image: toponymy of Russian origin in Heilongjiang province and the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China. *Izvestija Vostochnogo instituta*. = Proceedings of the Oriental Institute, 2018/2 (38), p. 85-98. <https://www.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98>. (In Russian)

Kanevskaya G. I. Exodus of Russians from China (according to the memoirs of Russian Australians). *Vestnik DVO RAN*. = Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008, no. 2, p. 125-132. (In Russian)

Kargapol'tsev D. S. Youth associations of the Russian emigration in Northern Manchuria in 1920–1945. Abstract of Hist. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2001, 33 p. (In Russian)

Kosarenko O. T., Kosarenko S. V. Ergonyms and problems of preserving the national and cultural features of the Russian language. *Vestnik VGU*. = Bulletin of Voronezh State University, 2017, no. 2, p. 110–113. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2017/02/2017-02-21.pdf>. (In Russian)

Kositsyna I. K. New words in the Russian language of the eastern emigration: word-formation aspect. *Vestnik TGPU*. = TSPU Bulletin, 2017, no. 3 (180), p. 94-100. <https://www.doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-94-100>. (In Russian)

Kositsyna I. K. Memoirs of Eastern Emigration: Experience of Linguoculturological Description (based on the book by T. I. Zolotareva “Manchurian true stories”). *Slovo* = Word, 2014, p. 74–81. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22763742/>. (In Russian)

Mamontova O. V. Toponyms of Tomsk as a means of studying Russian as a foreign language. *Materialy XV Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tomsk*. = Proceedings of the XV International student scientific and practical conference, Tomsk, 2021, p. 264–266. (In Russian)

Oglezneva E. A. Russian language in the eastern abroad (based on the material of Russian speech in Harbin). Abstract of Doct. Philol. Diss. Tomsk, 2009, 60 p. (In Russian)

Podolskaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology, Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russian)

Pushkareva Yu. G. Principles of classification of names of intra-city objects. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* = Bulletin of Buryat State University, 2010, vol. 10, p. 116-122. (In Russian)

Rodina N. A. The use of onomastic material in teaching Russian as a foreign language. *Traditsii, novatsii i perspektivy prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v vuze* = Traditions, innovations and prospects of teaching Russian as a foreign language at the university, Penza, 2021, p. 125-129. (In Russian)

Russian Grammar. Ed. by N. Y. Shvedova, Moscow, 1980, t. I, 717 p. (In Russian)

Sotnikova O. P. Modeling of educational material on Russian as a foreign language at the stage of pre-university training of foreign language students. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Theory and practice issues, 2016, no. 11 (65), part 2. <https://www.gramota.net/article/phil20162757/fulltext>

Taskina E. P. (ed.) Russian Harbin, Moscow, 2005, 352 p. (In Russian)

Senina E. V. "I miss Harbin life": Socio-cultural and ethno-cultural processes of the 1930s — 1950s in the consciousness of Far Eastern emigrants. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove*. = Russian Harbin, imprinted in the word, 2017, vol. 7, p. 11-17. (In Russian)

Sergeeva T. S. Abbreviation in the system of lexical abbreviations. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Issues of theory and practice. Tambov, 2013, no. 6, part 2, p. 174-179. (In Russian)

Word. Russian Word in the Eastern Diaspora. Ed. by E. A. Oglezneva, Blagoveshchensk, 2008, vol. 6, 200 p. (In Russian)

Superanskaya A. V. General theory of the proper name. Moscow, 2007, 368 p. (In Russian)

Tortunova I. A. Ergonomics as a result of speech creativity. *Nauchnyy dialog*. = Scientific dialogue, 2012, no. 3, pp. 124-136. (In Russian)

Tulakpaev R. U., Shipanovskaya M. Y. Toponymic space of the "Sungari Capital": features of formation. *Slovo*. = Word, 2008, p. 27-40. (In Russian)

Wu Yanqiu. National composition and cultural and linguistic features of the Russian diaspora in China before 1917. *Politicheskaya lingvistika* = Political Linguistics, 2017, no. 6 (66), p. 212-221. (In Russian)

Chernyshova T. V. Russian oronymy of Altai in the aspect of nomination. Abstract of Philol. Cand. Diss., Tomsk, 1988, 18 p. (In Russian)

Shipanovskaya L. M., Krasnoshcheka O. G. Street names of old Russian Harbin: peculiarities of nomination. *Slovo* = Word, 2008, p. 41-50. (In Russian)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЛЕНИВЫЙ ЧЕЛОВЕК» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВАНКОВ)

Е. А. Чистюхина

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, ленивый человек, понятийный, образный, оценочный компоненты, шванк, российские немцы, ценностная картина мира

Keywords: linguocultural type, a lazy person, conceptual, figurative and evaluative components, shvank, Russian-Germans, axiological picture of the world

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-05)

Введение

Стремление к сохранению национальной идентичности, мировоззрения, языка и культуры характерно для всех народов. Особенно остро данная проблема стоит перед народами, находящимися на грани вымирания и/или вынужденно проживающими за пределами этнической родины. Подобная ситуация сложилась в среде российских немцев. Будучи этническими немцами, в XVIII в. по приглашению российской императрицы Екатерины II они стали массово переселяться из Германии в Россию и оказались таким образом в чужом языковом и культурном окружении, на чужой территории и в чужом государстве. Не вызывает сомнения тот факт, что немцам-эмигрантам пришлось приложить немало усилий для сохранения себя как определенной нации со своим языком, культурой, самосознанием и картиной мира. Важную роль в этом процессе сыграл тот культурный багаж, который переселенцы привезли с собой из Германии. Особое место в нем занимает такой фольклорный жанр, как шванк.

По определению немецких исследователей (К. Ранке, С. Нейман), шванк представляет собой народный рассказ комического содержания. При помощи комического эффекта в шванках разоблачаются недостатки общества, слабости и пороки отдельных людей [Ranke, 1961, s. 7; Neumann, 1993, s. 51–52], следовательно, отражаются базовые ценности и нормы поведения, являющиеся общепринятыми в обществе. В Германии в XIX–XX вв. шванк становится умирающей формой. Однако в Рос-

сии в это время он переживает период своего расцвета [Чистюхина, 2011, с. 47]. Как отмечает Л. И. Москалюк, в России шванк сохраняет основные типологические черты исконно немецкого шванка, но одновременно приобретает некоторые особенности. Устный прозаический шуточный рассказ, переданный в форме личного воспоминания или рассказа определенного лица, характеризуется традиционным набором сюжетов (высмеивание различных отрицательных качеств человека, которые проявляются в бытовых ситуациях), установкой на достоверность (значение подлинного факта как для рассказчика, так и для слушателя), комическим исходом сюжета, часто содержащим поучение, небольшим объемом [Москалюк, 2016, с. 46].

Шванки могут изображать любой фрагмент повседневного уклада жизни российских немцев, любую жизненную ситуацию, в которой отражаются человеческие пороки, такие как лень, жадность, пьянство, супружеская неверность, предательство, гордыня и т. д. [Жукова, 2020, с. 154–155]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что шванки определяют правила и нормы повседневного поведения в конкретных бытовых ситуациях [Москалюк, 2016, с. 46], то есть способствуют формированию ценностной картины мира российских немцев.

Среди составляющих ценностной картины мира особое внимание заслуживают лингвокультурные типы. Вслед за В. И. Карасиком определим лингвокультурный типаж как обобщенный тип личности, выделяемый по социально значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического общества [Карасик, 2005, с. 8]. Лингвокультурные типы могут иметь отрицательную оценку и вызывать критическое отношение. В число характеристик типажа входят типизируемость определенной личности, значимость этой личности для лингвокультуры, возможность ее как фактического, так и фикционального существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации, а также ценности, в соответствии с которыми типаж строит свое поведение [Дмитриева, 2007; Карасик, 2009, с. 179–180, 183, 218]. Следовательно, изучение лингвокультурных типажей, репрезентированных в шванках, может способствовать выявлению базовых ценностей, правил поведения, принятых в обществе российских немцев.

По замечанию В. И. Карасика, лингвокультурный типаж является абстрактным ментальным образованием и представляет собой разновидность концепта. В структуре лингвокультурного типажа ученый выделяет образную, понятийную и ценностную стороны [Карасик, 2009, с. 180]. Перцептивно-образная составляющая типажа включает представления о его внешности, возрасте, поле, социальном происхождении, среде оби-

тания, речевых особенностях, манерах поведения, видах деятельности и досуга. Понятийные характеристики строятся на дефинициях, описаниях, толкованиях. Ценностные признаки — это оценочные высказывания, характеризующие как приоритеты данного типажа, так и его оценку со стороны его современников [Дмитриева, 2007; Карасик, 2009, с. 218]. Среди лингвокультурных типажей, зафиксированных в шванках, одним из наиболее ярких является типаж «ленивый человек».

Методы и материалы исследования

Цель настоящей работы состоит в описании лингвокультурного типажа «ленивый человек», отраженного в шванках российских немцев, и определении некоторых ценностных ориентиров российско-немецкого этноса.

Материалом исследования послужили шванки российских немцев¹.

Основными методами являются метод целенаправленной выборки, метод контекстуального анализа, анализ толковых и этимологических словарей и сравнительный анализ.

Результаты исследования

В результате анализа данных толковых и этимологических словарей немецкого и русского языков, а также контекстуального анализа текстов шванков нами было описано содержание **понятийного, образно-перцептивного и ценностного компонентов** в структуре лингвокультурного типажа «ленивый человек». Совокупность выявленных когнитивных признаков в рамках каждого компонента представлена в таблице.

Как следует из таблицы, по данным толковых словарей русского и немецкого языков, представления о ленивом человеке в русской и немецкой лингвокультурах практически совпадают. Однако в дефинициях ключевых слов — имен исследуемого концепта в русском языке выделяется такой признак, как 'бесцельный', а в немецком языке представлены два признака, отсутствующие в русском языке: 'плохой, подозрительный' и 'испорченный, гнилой'. Оценка поведения ленивого человека в обоих языках отрицательная.

---

¹ Список материалов, послуживших основой исследования, приведен в разделе «Источники» в конце данной статьи.

Структура и содержание лингвокультурного типажа «ленивый человек»

Понятийная составляющая		Образно-перцептивная составляющая	Ценностная составляющая
Словари русского языка	Человек: 1) склонный к лени, 2) не желающий трудиться, 3) уклоняющийся от исполнения чего-либо, 4) недобросовестно относящийся к чему-либо, 5) медлительный, 6) ведущий малоподвижный образ жизни, 7) бесцельный.	1. Ленивый человек имеет неопрятный внешний вид. 2. Ленивая жена / девушка много времени проводит перед зеркалом, следит за своей внешностью. 3. Ленивый человек не хочет работать. 4. У ленивого человека всегда находятся отговорки. 5. Ленивый человек изобретателен. 6. Ленивый человек не хочет заниматься домашним хозяйством. 7. Ленивый человек любит лежать на диване. 8. Ленивый человек не хочет учиться. Неграмотный. 9. Ленивый человек дает обещания. 10. Ленивый человек стремится быть под родительской опекой или опекой мужа. 11. Ленивый человек откладывает дела на потом. 12. Ленивый человек прогуливает работу. 13. Ленивый человек перекладывает обязанности на других. 14. Ленивый мужчина не хочет жениться	Внешняя оценка: 1. Ленивую девушку не хотят брать в жены. 2. За ленивого мужчину не хотят выходить замуж. 3. Ленивому человеку дают советы. 4. Ленивый человек должен избавиться от лени. 5. Лень приводит к беде. 6. Ленивых людей очень много. 7. Избалованность детей — причина их лени во взрослой жизни. Внутренняя оценка: 1. Ленивый человек жалует себя. 2. Ленивый человек уверен в своих умственных способностях
Словари немецкого языка	Человек: 1) предпочитающий ничего не делать, 2) не желающий трудиться, 3) не стремящийся к выполнению трудных, утомительных дел, 4) неактивный, 5) медлительный, 6) плохой, подозрительный, 7) испорченный, гнилой		

Перейдем к описанию **образно-перцептивной и ценностной составляющих**, которые значительно расширяют понятийный компонент и позволяют выделить базовые ценности и правила поведения, закрепленные в ценностной картине мира российских немцев и отраженные в шванках.

Анализ фрагментов, извлеченных из текстов шванков и репрезентирующих образный компонент, позволил определить некоторые особенности поведения ленивого человека и описать яркие черты его внешности.

Рассмотрим внешний вид ленивого человека, описанный в шванках.

1. Ленивый человек имеет неопрятный внешний вид

(1) *Die Luci ur die Karoline hun immer glitzrige Elleboge, Löcher ind Strimpf, s Gras wächst deneunner die Füß, un die Händ gehe dene wie m tote Lamm dr Schwanz* (David Busch. „Die Luci ur die Karoline“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

(2) *S Heinje, so is er grufeworre, war faul wie dr Mist. Unwannr was gschafft hat, sein dem die Händ gonge wie m tote Lamm dr Schwanz* (David Busch. „S aanzig Mittel“. Neues Leben, 1974. No. 29.1974).

(3) „*Großvater Karlo, du bist lang wie breit. Bist erschtverzigt.*“ (Willi Lochmann. „Die Milusch und die Perestroika“. Rote Fahne. 1987. No. 89).

(4) *Adam hotimmr e Loch im Hosesack, weilrfinfTog in dr Woch Wichodnoihot* (Oskar Goldade. „Schtrefi“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

Приведенные примеры демонстрируют, что у ленивого человека — мужчины или женщины — неопрятный внешний вид: засаленные локти на кофте (*immer glitzrige Elleboge*), дыры в чулках (*Löcher ind Strimpf*), дырявые карманы (*e Loch im Hosesack*). Ленивый мужчина может страдать от излишней полноты вследствие малоподвижного образа жизни (*du bist lang wie breit*). Руки у лентяя висят словно плети (*die Händ gehe dene wie m tote Lamm dr Schwanz*) и выдают его нежелание выполнять какую-либо работу.

2. Ленивая жена/девушка много времени проводит перед зеркалом, следит за своей внешностью

(5) „*Hannes*“, *saat 's Lenje, „mir hunkaaTroppe Wasser im Haus. Du bist doch ganz naß, geh un hol 'n Gang Wasser.“ Wie'r zurückkomme is, hot 's LenjevorämSpeigelt'sotzeun 's Hoor krolligg'macht* (Fr. Bolger. „Aus lauter Lieb“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

(6) *Des Sußjehot e zierlich Gsicht mit großi schwarzbewimperte Auge un e schöne Figur, awer faul wor des Ding unwiderspenstischwie'n alter stattköppijer Gaul* (David Busch. „Däs ungerelste Kind“. Neues Leben. 1990. No. 23).

В примерах (5) и (6), напротив, представлена ситуация, когда жена или девушка слишком много времени уделяет своему внешнему виду и при этом не занимается домашним хозяйством, что может стать причиной ее незамужества или ссор с мужем.

Таким образом, излишняя неопрятность и в то же время чрезмерное внимание к внешности, а не к домашним делам осуждаются в шванках. Следовательно, нормы поведения среди российских немцев предполагают аккуратный, опрятный внешний вид человека, активный образ жизни, умение вести домашнее хозяйство.

Обратимся к наиболее ярким поведенческим характеристикам лингвокультурного типажа «ленивый человек», репрезентированным в шванках.

3. Ленивый человек не хочет работать

(7) *S Heinje, so is er grufeworre, war faul wie dr Mist. Unwannr was gschafft hat, sein dem die Händ gonge wie m tote Lamm dr Schwanz* (David Busch „S aanzig Mittel“. Neues Leben, 1974. No. 29.1974).

В данном примере описано то, как ленивый человек обычно работает. Герой шванка отличается сильной ленью. Если он берется за какое-либо дело, то делает это с большой неохотой и очень медленно.

(8) *Unser Heinje hat festgestellt: „Däs Lerne is für die Dickköpp, un von viele Schaffe vrecke die Kamele“* (David Busch. „S aanzig Mittel“. Neues Leben, 1974. No. 29.1974).

По мнению героя шванка, от большого количества работы верблюдыдохнут, поэтому трудиться он не собирается.

(9) *Dr Fischers Hannes war schlecht wie's Galjeholz Schaffe wollt'r gar nix un stehle alles uf dr Welt* (Woldemar Herdt. „Hans, do is daa Gans“. Rote Fahne. 1976. No. 64).

В рассматриваемом примере герой шванка не желает ничего делать. Он предпочитает легкий заработок — воровство.

(10) *Im Herbst regnete es oft, und Onkel Arnold wollte wieder kein Heu mähen* (Georg Haffner. „Schlechte Pläne scheitern oft“. Neues Leben. 1991. No. 37).

Приведенный пример иллюстрирует, что плохая погода является причиной отказа героя шванка косить сено. Если учесть тот факт, что уже осень, а сено, как правило, косят летом в сухую погоду, можно сделать вывод о том, что герой шванка ленился все лето, а хорошая погода не стала поводом для того, чтобы своевременно заготовить корм для скота.

(11) *Doch als der kalte Herbst herbeikam, ließ er die Feuerwehr hinter sich gehen. Die zwei Gäulchen im Stall sind verkommen. Statt den Mist jeden Morgen aus dem Stall fortzuschaffen, ließ Hans ihn kniehoch auf den Dielen festfrieren* (G. Sessler. „E hart Strof“. Rote Fahne. 1983. No. 52).

Рассматриваемый пример показывает нежелание человека работать и его халатное отношение к выполнению своих трудовых обязанностей. Герой шванка работает в пожарной бригаде. В его задачи помимо прочего входит уход за двумя лошадьми. Лень и халатность героя привели к тому, что лошади дошли до истощения, стояли в стойле в навозе по колено и мерзли.

(12) *Oh dere Arweit wollt der net denke un wollt aach vun dere Arweit gar nichts wisse* (Friedrich Krüger. „Vetter Gottliebs Idee üwer die Kolchose...“. Neues Leben. 1972. No. 36).

Анализируемый пример в очередной раз демонстрирует отсутствие у героя шванка желания работать. Он не хочет думать и что-либо знать о работе.

(13) ... *Nee, uf die Farm geh ich net. Ich kann den Geruch vun dene Kieh un den Geruch vun dem Kuhmist net vrtrage... mir werts iwel drvun... Wann Se mr was besseres agebote hette, Sekreterin odr Maschineschreiberin... Ich schreib so gern uf dr Schraibmachin. Do sitzt mr trocke, im Warme un brauch sich die Finger net dreckig mache* (Emilia. Spuling „Die neimodisch Herzogin“. Neues Leben. 1993. No. 41).

В примере (13) показано, что некоторые женщины не хотят работать на ферме и ухаживать за коровами, поскольку этот труд достаточно тяжелый и неприятный. Они бы хотели быть секретарями или машинистками, потому что данная работа выполняется в комфортных условиях. Как видим, ленивый человек ищет более комфортные условия труда. Однако даже в таких условиях он не способен хорошо трудиться.

(14) *Noch der Hochzeit wollt's Gretje aach vun nix was wisse. Kaa Finger hot's krumm gemacht. Wie die Hochzeit schun lag vorbei war, koom mol dr Brigadier Jakob Michailowitsch zum Peter ins Haus un hot's Gretje uf die Arweit genötigt: „Ich hun net geheirat, im Kolchos zu schaffe“, saat's.*

...*Wie'r dann in die Stub koom, hot's Gretje loskrische wie e Katz, wamere ufn Schwanz tret: „Daßde mr net mins Haus kommst!“ hot's krische. „Du bist wohl v'rückt, des wär aach noch schöner, daß ich aus dr Stadt käm un bei eich im Kolchos schaffe tät.“*

Jetzt hot's Gretje 'm Peter kaa Ruh mehr glosse. „Wolle in die Stadt ziehe“, saat's „un dodrmit aus. Dort wird mich kaans uf die Arweit nötige“ (H. Stättinger. „Die Brautaus der Stadt“. Rote Fahne. 1974. No. 32).

Пример (14) представляет собой отрывок из шванка, повествующего о жене из города. Молодая жена после свадьбы не хочет выходить на работу в колхоз. Она утверждает, что вышла замуж и переехала из города не для того, чтобы работать в колхозе. Женщина настаивает на переезде в город, где ее никто не будет заставлять работать.

(15) *Peter Knoll hatte efn eigenartiges Hobby: In seinem Arbeitsbuch sammelte er Eintragungen von Dienststellen. Dabei suchte der Bursche mit bewundernswerter Ausdauer nach der Arbeit, wo er mit wenig Geistes- und Muskelkraftaufwand möglichst viel Geld einstecken konnte* (Heinrich Edior. „In der eigenen Grube“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

В рассматриваемом примере речь идет о молодом мужчине, который ищет работу, требующую минимум умственных и физических усилий и позволяющую заработать как можно больше денег.

(16) *Peter Knoll aber war die physische Arbeit nicht gewohnt. „Fleisch ist Fleisch“, sagte er und griff immer nach dem kleinsten Schlachtstiik, dann schob er immer wieder Atempausen ein, wahrend seine Kollegen sich fleißig rührten* (Heinrich Edior. „Indereigenen Grube“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

Анализируемый отрывок из шванка „*In der eigenen Grube*“ повествует о мужчине, который не привык к тяжелому физическому труду и всеми способами уклоняется от него. Работая на мясокомбинате, он берет самый маленький кусок мяса, чтобы отнести его в морозильную камеру, после чего обязательно отдыхает, в то время как его коллеги продолжают работать.

(17) *Dem Sowchosbuchhalter sei aanzig Tochter war arg vrhatschelt. Wie se die siewet Klass mit Ach un Krach hinner sich hatt, hot se gsaat, sie wollt net meh lerne, sie wollt arweite uf dr Farm. Awer die Arweit war ihr zu schwer. Dann war sie Tabellfihrerin. Schnell war sie aach das Gschaft, weil sie viel laafe mufit* (Alexander Gallinger. „Frog mich, David“. Rote Fahne. 1975. No. 48).

В рассматриваемом примере изображена молодая девушка — избалованная дочь совхозного бухгалтера. После седьмого класса, который она с трудом окончила, девушка решила пойти на работу. Но и работа давалась ей тяжело. Ей приходилось много ходить. Как видим, ленивый человек не хочет ни учиться, ни работать. Во всех видах деятельности он находит недостатки.

(18) *Fischers Susanna war ein starkes und gesundes Weib. Aber die gesellschaftliche Arbeit scheute sie wie die Pest. Wenn sie manchmal auch ein paar Tage auf Arbeit ging, um den Leuten die Mäuler zuzustopfen, aber ihr Arbeitsminimum hat sie niemals abgearbeitet* (K. Lochmann. „Wahrsagerin“. Rote Fahne. 1963. No. 28).

В примере (18) рассказывается о женщине, которая не любит трудиться на общественное благо. Если она и выходит на работу, то только для того, чтобы заболтать людей и заморочить им голову, потому что в совхозе она известна как предсказательница и гадалка. Свой минимальный план работы на день она никогда не выполняет.

Проведенный анализ извлеченных из шванков примеров позволяет сделать вывод о том, что нежелание работать характерно в большей степени для мужчин. Они либо не хотят работать в целом, либо избегают тяжелого физического труда или же хотят найти работу, требующую как можно меньше умственных и физических усилий. Некоторые из них, вместо того чтобы работать, предпочитают воровать. Что касает-

ся женщин, то их лень может быть обусловлена неправильным воспитанием, неготовностью приспособиться к сельской жизни, если мужчина женился на городской женщине, нежеланием заниматься тяжелым физическим трудом или стремлением зарабатывать деньги самым легким способом — путем обмана людей. Нежелание трудиться как со стороны мужчины, так и со стороны женщины находит отрицательную оценку в ценностной картине мира российских немцев.

4. У ленивого человека всегда находятся отговорки

(19) *Dr Owend hot's Lenje schon g'schlofe, wie'r vun dr Arweit haamkoom. „Hannes, steck 's Plittje au un stell Tee uf, ich hun so Koppweh“* (Fr. Bolger. „Aus lauter Lieb“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

(20) *Abends trug er den Kopf hoch, aber des Morgens, wenn das Tagwerk begann, da drückte er sich von der Arbeit. Er meldete sich dann gewöhnlich krank* (G. Sessler. „E hart Strof“. Rote Fahne. 1983. No. 52).

(21) *Am Owend kummt die Schwiermutter gerennt un schreit: „Hans, gehgschwind in de Stall. Die eeni Häsin hat schun zwei vun ihre Junge ufgfress!“ — druf de Hans: „Des tut mer im Elleboo weh!“ Wie de Televisor kaputtgang is, hat de Hans nor mit der Achsel gezuckt un gsaat: „Des tut mer im Elleboo weh“* (Simpl Mischko. „Ufpass muss mer kenne...“. Neues Leben. 1990. No. 35).

(22) *Ich machte ein Gesicht als hätte ich einen Frosch geschluckt: Acht Stunden in der steinhart gefroren Erde herumstoßen — das war mich die schwerste Strafe.*

„Ich fühle mich unwohl und kann heute diese schwere Arweit nicht erfüllen“, sagte ich.

„Was fehlt Ihnen?“ fragte der Arzt und sah mich prüfend an.

„Alles!“ platzte ich heraus. „Mich drückt's im Magen, sticht's im Kreuz und schmerzt's in der rechten Seite...“ (Woldemar Vogel. „Wie ich kuriert wurde“. Rote Fahne. 1970. No. 21).

Примеры (19) — (22) показывают, что ленивый человек любит отлынивать от работы, ссылаясь на состояние здоровья. Ленивые люди как мужчины, так и женщины ссылаются на головную боль, общее недомогание, боль в локтях, пояснице. А герой шванка «*Wie ich kuriert wurde*» пожаловался на то, что у него болит все тело: и желудок, и поясница, и правый бок.

(23) *„Doo müßt ich dr Kopf vrfrore häwe“, erwiderte Vetter Arnold* (Georg Haffner. „Schlechte Pläne scheitern oft“. Neues Leben. 1991. No. 37).

(24) *Noch der Hochzeit wollt's Gretje aach vun nix was wisse. Kaa Finger hot's krumm gemacht. Dr Winter wasre uf dr Stroß zu kalt und r Sommer zu haafß.* (H. Stättinger. „Die Braut aus der Stadt“. Rote Fahne. 1974. No. 32).

Примеры (23), (24) демонстрируют, что в качестве еще одной отговорки, называемой ленивыми людьми, является плохая погода: мороз, холод или жара. Можно предположить, что любая погода становится поводом для отказа работать.

(25) *„No, ich hab doch net die Arweit erfunne. Die kann mr gestohle were“, rechtfertigte er sich vor dem Brigadier, der ihn wieder einmal aus der Brigade fortgejagt hatte* (G. Sessler. „E hart Strof“. Rote Fahne. 1983. No. 52).

Очередной причиной нежелания трудиться является отсутствие подходящего места работы.

(26) *„Ich bin kein Roboter, lafi mich in Ruhe“, entgegnete Knoll* (Heinrich Edioer. „In der eigenen Grube“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

Как видно из примера (26), герой шванка оправдывает себя тем, что он не робот и его нужно оставить в покое.

(27) *„... Nee, uf die Farm geh ich net. Ich kann den Geruch vun dene Kieh un den Geruch vun dem Kuhmist net vrtrage... mir werts iwel drvun“* (Emilia Spuling. „Die neimodisch Herzogin“. Neues Leben. 1993. No. 41).

В данном примере причиной отказа от работы является неспособность переносить запах коров и их навоза.

Таким образом, основными причинами отказа от работы являются ссылки на плохое самочувствие, проблемы со здоровьем, тяжелые условия работы, неподходящую погоду, отсутствие хороших рабочих мест. Подобное поведение осуждается в шванках. Соответствующим норме является представление о том, что любой труд благороден. Работать нужно в любых условиях.

Итак, содержание **образного компонента** лингвокультурного типажа «ленивый человек» позволяет составить следующий обобщенный портрет лентяя. Лентяй в шванках типизируется как молодой или средних лет мужчина или женщина, имеющие неопрятный внешний вид. Некоторые молодые женщины, напротив, слишком много внимания уделяют внешности вместо того, чтобы работать или заниматься домашним хозяйством. Среди поведенческих признаков ключевыми оказались нежелание работать, стремление найти оправдание своему поведению и выдумывание всевозможных отговорок, разработка планов о том, как легко заработать деньги, а также нежелание и неумение заниматься домашним хозяйством. Более того, ленивый человек прогуливает работу, дает обещания исправиться в лучшую сторону, перекладывает обязанности на других. Некоторые ленивые девушки не хотят учиться и отличаются безграмотностью. Для ленивых молодых людей характерно стремление как можно дольше оставаться под родительской опекой. Замужние жен-

щины и женатые мужчины не хотят заниматься домашним хозяйством, а некоторые холостые парни не собираются жениться.

Перейдем к рассмотрению **ценностной составляющей** исследуемого лингвокультурного типажа. Как отмечает В. И. Карасик, любой типаж имеет двойственную оценку: внешнюю — оценочное отношение к типуажу со стороны других людей и внутреннюю — такое отношение со стороны данного типажа к миру [Карасик, 2010, с. 189].

Очевидно, что оценка ленивого человека окружающими людьми отрицательная, что обусловлено наличием у шванков функций порицания и воспитания.

(28) *Aus m Heinje hat sä n Bärnskerl gewe. Jedes Mädje hät den mit e schö Patschhand gnomme, wann der net die Faulheit selbst gewese wär* (David Busch. „S aanzig Mittel“. Neues Leben, 1974. No. 29).

(29) *Un so sin die drei mit dere Länge (Zeit) zu rechte Faulpelz ufgewachse, un deshalb wollt sich aach net ehn Mädchen im Dorf mit dene Werweisjunge vrheirate* (Friedrich Krüger. „Vetter Gottliebs Idee üwer die Kolchose...“. Neues Leben. 1972. No. 36).

Примеры (28) и (29) показывают, что молодые девушки осуждают ленивых парней и не хотят выходить за них замуж.

(30) *Dene Neifelds ihre Sußje wor schun an die 26 Jahr alt, awer immer noch ledich. Net, daß des Mädels häßlich wor, nee grod umgekehrt. Des Sußje hot e zierlich Gsicht mit großi schwartzbewimperte Auge un e schöne Figur, awer faul wor des Ding un widerspenstisch wie'n alter stattköppijer Gaul* (David Busch. „Däs ungerelste Kind“. Neues Leben. 1990. No. 23).

Аналогичным образом к ленивым женщинам относятся и мужчины. В примере (30) героиня шванка в свои двадцать шесть лет остается незамужней, потому что очень ленивая. Не все мужчины готовы жениться на такой девушке.

(31) *Dr Karl Karlowitsch, n gescheiter Mann in unserm Kolchos saat: „'s gibt a Mittel. Der Jung muß die faule Kniff aus m Kopp schlage un schaffe, daß die Rippe krache, un do wird sich aachs Idaje in den vrliewe“* (David Busch. „S aanzig Mittel“. Neues Leben, 1974. No. 29).

По мнению окружающих, ленивый молодой человек должен избавиться от лени, и тогда, как показывает пример (31), девушка влюбится в него.

(32) *„'s regnet jo net immer“, meinte der Nachbar. „Du mußt's so mache wie ich: sowie sich die Wolke bisje vrziehe, steh ich mit dr Sens auf dr Wiese...“* (Georg Haffner. „Schlechte Pläne scheitern oft“. Neues Leben. 1991. No. 37).

Окружающие осуждают поведение ленивого человека и дают ему советы. Герою шванка следует, как и соседу, трудиться на лугу.

(33) *Im Herbst regnete es oft, und Onkel Arnold wollte wieder kein Heu mähen. „Sehste“, brummelte seine Frau, „wann du dr Sommer net uf dr faule Haut gelegt häst, hätte mr jetz Hei“* (Georg Haffner. „Schlechte Pläne scheitern oft“. Neues Leben. 1991. No. 37).

(34) *„No, ich hab doch net die Arweit erfunne. Die kann mr gestohle were“, rechtfertigte er sich vor dem Brigadier, der ihn wieder einmal aus der Brigade fortgejagt hatte* (G. Sessler. „E hart Strof“. Rote Fahne. 1983. No. 52).

В отрывках из шванков „*Schlechte Pläne scheitern oft*“ и „*Ehart Strof*“ показано, что лень ни к чему хорошему не приводит. Герой шванка „*Schlechte Pläne scheitern oft*“ не заготовил сено для коровы на зиму, и семья осталась без молока. Очевидно, что жена не одобряет поведение мужчины, называя его лентяем и сокрушаясь об отсутствии корма для скотины. Как видим, нормой поведения мужчины в селе является помимо прочих обязанностей и забота о домашнем скоте, поскольку в сельской местности наличие домашнего скота было залогом наличия пропитания. А поведение героя шванка „*Ehart Strof*“ привело к тому, что его выгнали за лень с работы.

(35) *Oh dere Arweit wollt der net denke un wollt aach vun dere Arweit gar nichts wisse.*

Un die Kuh wollt aach, wie alle nánere Küh im Dorf, Heu fresse, awer die Faulpelze wollt jo kee Heu mähe (Friedrich Krüger. „Vetter Gottliebs Idee üwer die Kolchose...“. Neues Leben. 1972. No. 36).

Анализируемый пример показывает, что, к сожалению, лентяев в колхозе достаточно много. Их поведение и отношение к труду вызывает серьезное неодобрение в обществе.

(36) *„Ich werde gut arbeiten“, versicherte Peter, der sich vorstellte, die Arbeit im Fleischkombinat bestehe nur aus Wurstessen.*

Peter Knoll aber war die physische Arbeit nicht gewohnt. Sein Hobby hatte wenig zur Muskelstahlung beigetragen. „Fleisch ist Fleisch“, sagte er und griff immer nach dem kleinsten Schlachtstiik, dann schob er immer wieder Atempausen ein, während seine Kollegen sich fleißig rührten.

„Die Jungs wollten mich wieder an die Arbeit heranziehen: Pustekuchen!“ dachte Peter schadenfroh. Als er sein Versteck verließ, war die Tiir verschlossen. (Heinrich Edior. „In der eigenen Grube“. S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. 1988).

Анализируемый отрывок из шванка „*In der eigenen Grube*“ повествует о мужчине, который не привык к тяжелому физическому труду и всеми способами уклоняется от него. Халатное отношение к выполнению трудовых обязанностей вызывает неодобрение со стороны коллег, и они принимают решение проучить его. Воспользовавшись привычкой лени-

вого мужчины прятаться в морозильной камере и отлынивать от работы, коллеги заперли за лентяем дверь и ушли. Мужчине пришлось всю ночь перекаладывать мясо в камере, чтобы не замерзнуть. Говорящим в связи с этим представляется название шванка „*In der eigenen Grube*“, то есть герой шванка сам себе яму вырыл.

(37) *Dem Sowchosbuchhalter sei aanzig Tochter war arg vrhatschelt. Wie se die siewet Klass mit Ach un Krach hinner sich hatt, hot se gsaat, sie wollt netmehr lerne, sie wollt arweiteufdr Farm. Awer die Arweit war ihr zu schwer. Dann war sie Tabellfihrerin. Schnell war sie aach das Gschaft, weil sie viel laafemufit* (Alexander Gallinger „Frog mich, David“).

В данном отрывке критике подвергается не только поведение молодой женщины, но и ее воспитание. Излишняя опека со стороны родителей привела к избалованности девушки и ее неприспособленности к труду и нежеланию работать.

Внутренняя оценка представлена в следующих примерах:

(38) *Unser Heinje hat festgestellt: „Däs Lerne is für die Dickköpp, un von viele Schaffe vrecke die Kamele“* (David Busch. „S aanzig Mittel“. Neues Leben, 1974. No. 29).

(39) „... *Nee, uf die Farm geh ich net. Ich kann den Geruch vun dene Kieh un den Geruch vun dem Kuhmist net vrtrage... mir werts iwel drvun...*“ (Emilia Spuling. „Die neimodisch Herzogin“. Neues Leben. 1993. No. 41).

(40) *Ich machte ein Gesicht als hätte ich einen Frosch geschluckt: Acht Stunden in der steinhart gefroren Erde herumstoßen — das war mich die schwerste Strafe* (Woldemar Vogel. „Wie ich kuriert wurde“. Rote Fahne. 1970. No. 21).

Примеры (38) — (40) демонстрируют, что ленивый человек — мужчина или женщина — жалеет себя и поэтому не хочет выполнять тяжелую работу.

(41) „*Zuwas hab ich dann'n Kopp uf dr Schuller?*“ *erwiderte Onkel Arnold und legte ihr seinen neuen Plan vor* (Georg Haffner. „Schlechte Pläne scheitern oft“. Neues Leben. 1991. No. 37).

Приведенный пример показывает, что лентяй довольно высоко оценивает свои умственные способности.

Как видим, ленивые герои шванков оценивают себя положительно. Они не рассматривают лень как порок, от которого им следует избавиться.

(42) *Ich war awr net immer so. Spassiwo meim Frahche, der Milusch, die hot aus so me willelose Divanrutscher n Mensch gmacht* (Willi Lochmann. „Die Milusch und die Perestroika“. Rote Fahne, 1987. No. 89).

Пример (42) является единственным, где ленивый человек дает своему поведению и возникшим в результате такого поведения последстви-

ям отрицательную оценку. Герой шванка благодарит жену, которая помогла ему стать человеком, ведущим активный образ жизни, а не проводящим все свободное время на диване.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности ценностной картины мира российских немцев, отраженные в шванках. Лень считается большим человеческим пороком, критике которого посвящено большое количество шванков. Главным образом лень проявляется в нежелании работать, следовательно, трудолюбие в языковом сознании российских немцев оценивается как положительное качество и норма поведения. По мнению ряда исследователей немецкого языка и культуры (С.В. Буренкова, Д.Г. Мальцева), труд относится к ключевым концептам исконно немецкой культуры. Они подчеркивают исключительное природное трудолюбие и работоспособность немцев и восприятие ими труда как некоего долга каждого отдельно взятого человека, который нельзя не выполнить или выполнить плохо [Буренкова, 2018; Мальцева, 2001; Жукова, 2019, с. 44]. Следовательно, можно предположить, что российские немцы сохранили свое исконно немецкое ценностное отношение к лени как антиподу труда. Данное отношение, однако, было подкреплено, «господствовавшей в СССР идеологией, жестко порицающей лень и призывающей трудиться на благо родины» [Жукова, 2019, с. 44].

К другим отрицательным качествам, от которых следует избавиться лентяям, относятся безграмотность, нежелание учиться, откладывание дел на потом и перекладывание обязанностей на других. В семейной жизни важным считается умение и готовность заниматься домом как со стороны женщины, так и со стороны мужчины. Однако в большей степени осуждению подвергаются женщины — плохие домохозяйки. Изобретательность ленивого человека и выдумывание им различных отговорок, проявляющихся в притворстве, обмане, пустых обещаниях и мечтах о манне небесной, порицаются авторами шванков. Очевидной критике подвергается неправильное воспитание детей, которое нередко оказывается причиной ведения детьми праздного образа жизни. Излишняя опека детей и выполнение каких-либо дел за них не является нормой в представлении российских немцев.

Исследование показало, что в шванках российских немцев прослеживается крайне отрицательное отношение к лени, которое, однако, не является характерной чертой русской системы ценностей. По мнению Е.Г. Хомчак, Т.А. Сысоева, лень в русском языке имеет двойственную оценку. С одной стороны, лень — это отрицательное качество человека,

противопоставляемое трудолюбию. Лень в таком понимании подвергается критике, высмеиванию, осуждению [Хомчак, 2012; Сысоев, 2021, с. 77]. С другой стороны, лень соотносится с такими понятиями, как «покой, бесстрастие, блаженство и имеет специфические черты, обусловленные особенностями русского менталитета, философией абсолютного покоя, нежеланием принимать участие в суете житейской» [Хомчак, 2012]. В данном случае лень достойна снисхождения, ей иногда простительно предаваться [Хомчак, 2012; Сысоев, 2021, с. 77]. Для немецкоязычной ценностной картины мира, напротив, характерно отрицательное отношение к лени как антиподу труда, «положительная оценка которого является исторически сложившейся чертой характера немецкого рабочего» [Каримова, 2004, с. 13].

Таким образом, можно предположить, что в ценностной картине мира российских немцев сохранилось исконное отрицательное отношение к лени, типичное для немецкоязычной картины мира. Данный вывод подтверждает высказанную ранее мысль о стремлении российских немцев сохранить свою национальную идентичность.

Библиографический список

Буренкова С. В. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры в диахроническом аспекте // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции (г. Барнаул, 18–20 октября 2018 г.). Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2018. С. 190–194.

Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.

Жукова Л. В. Образная и ценностная составляющие концепта FAMILIE (на материале шванков российских немцев) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 154–159.

Жукова Л. В. Репрезентация концепта ТРУД в языке российских немцев (на материале шванков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 40–45.

Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 350 с.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 405 с.

Каримова Р. Х. Концепт «труд/лень» в паремиологии неродственных языков: на примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков: автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 2004. 23 с.

Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache лингвострановедческий словарь. М.: Русские словари, 2001. 413 с.

Москалюк А. И. Отражение особенностей разговорной речи в шванках российских немцев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 2 (40). С. 45–56.

Сысоев Т. А. Феномен лени: этико-философский анализ: дис. ... канд. филос. н. М., 2021. 30 с.

Хомчак Е. Г. Формирование ассоциативно-вербальной модели концепта лень // Jazykakultúra. 2012 № 11. <http://eprints.mdpu.org.ua>

Чистюхина Е. А. Шванк российских немцев как отражение этнической картины мира // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2. С. 47–48.

Ranke K. Einfache Formen // Internationaler Kongreß der Volkserzählungsforscher in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate. Berlin: de Gruyter, 1961. 474 s.

Neumann S. Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage // Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich. Bern; Berlin; Frankfurt a. M.; New York; Paris; Wien: Lang, 1993. S. 49–65.

Список источников

- Alexander Gallinger. Frog mich, David // Rote Fahne. 1975. No. 48.
David Busch. Däsungerelste Kind // Neues Leben. 1990. No. 23.
David Busch. Die Luci ur die Karoline // S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auwahl von Leo Marx. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
David Bush. S aanzig Mittel // Neues Leben, 1974. No. 29.
Emilia Spuling. “Die neimodisch Herzogin” // Neues Leben. 1993. No. 41.
Friedrich Bolger. Aus lauter Lieb // S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auwahl von Leo Marx. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
Friedrich Krüger. Vetter Gottliebs Idee üwer die Kolchose // Neues Leben. 1972. No. 36.
G. Sessler. E hart Strof // Rote Fahne. 1983. No. 52.
Georg Haffner. „Schlechte Pläne scheitern oft“ // Neues Leben. 1991. No. 37.
H. Stättinger. Die Braut aus der Stadt // Rote Fahne. 1974. No. 32.
Heinrich Edior. In der eigenen Grube // S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auwahl von Leo Marx. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
K. Lochmann. Wahrsagerin // Rote Fahne. 1963. No. 28.
Oskar Goldade. Schtrefi // S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auwahl von Leo Marx. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.
Oskar Goldade. Schtrefi // Zeitung für dich. 1991. No. 14 (3651).
Simpl Mischko. Ufpassse muss mer kenne... // Neues Leben. 1990. No. 35.

- Willi Lochmann. Die Milusch und die Perestroika // Rote Fahne, 1987. No. 89
- Woldemar Herdt. Hans, do is daa Gans // Rote Fahne. 1976. No. 64.
- Woldemar Vogel. Dr Hinkelsfreund // Rote Fahne. 1970. No. 39.
- Woldemar Vogel. Wie ich kuriert wurde // Rote Fahne. 1970. No. 21.

References

- Burenkova S.V. Key concepts of German linguo-culture in the diachronic aspects. *Innovacionnyye tehnologii i podhody v mezkul'turnoj kommunikacii, lingvistike i lingvodidaktike* = Innovation Technologies and Approaches in Intercultural Communication, Linguistics and Linguodidactics, Barnaul, 2018, p. 190–194. (In Russian)
- Dmitrieva O.A. Linguocultural types of Russia and France in the XIX century. Abstract of Doct. Philol. Diss. Volgograd, 2007, 40 p. (In Russian)
- Zhukova L.V. Figurative and valuable components of the concept “Familie” (based on the schwanks of the Russian Germans). *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = The Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2020, no. 6 (149), p. 154–159. (In Russian)
- Zhukova L.V. Concept representation in the Russian Germans' language (by the material of Schwanks). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, Tambov, 2019, vol. 12, iss. 4, p. 40–45. (In Russian)
- Karasik V.I., Dmitrieva O.A. The linguocultural type: to the definition of the concept. *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* = Axiological linguistics: linguocultural types, Volgograd, 2005, p. 5–25. (In Russian)
- Karasik V.I. Linguistic Crystallization of Sense. Moscow, 2010, 350 p. (In Russian)
- Karasik V.I. Linguistic keys, Moscow, 2009, 450 p. (In Russian)
- Karimova R.H. The concept “work/laziness” in the paramiology of unrelated languages: based on the German, English, Russian, Bashkir and Tatar languages. Abstract of Philol. Cand. Diss. Ufa, 2004, 23 p. (In Russian)
- Mal'ceva D.G. Germany: Country and Language: Country Studies Through Language. Linguistic and Cultural Dictionary, Moscow, 2001, 413 p. (In Russian)
- Moskaljuk L.I. Reflection of Features of Colloquial speech in the shvank of Russian Germans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. = The Herald of the Tomsk State University, Philology, 2016, no. 2 (40), p. 45–56. (In Russian)
- Sysoev T.A. The phenomenon of laziness: ethic and philosophical analysis. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2021, 30 p. (In Russian)

Homchak E. G. Formation of the associative and verbal model of the concept "Laziness". *Jazykakultúra* = Language and Culture, 2012, no. 11. <http://eprints.mdpu.org.ua> (In Russian)

Chistjuhina E. A. The Shvank of Russian Germans as reflection of the ethnic world-image. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* = The World of Science, Culture and Education, 2011, no. 6-2, p. 47-48. (In Russian)

Ranke K. Einfache Formen. Internationaler Kongreß der Volkserzählungsforscher in Kiel und Kopenhagen (1959). Vorträge und Referate. Berlin: de Gruyter, 1961. 474 s.

Neumann S. Schwank und Witz als Medien sozialer Aussage. Volksleben und Volkskultur in Vergangenheit und Gegenwart: Befunde und Probleme im internationalen Bereich. Bern; Berlin; Frankfurt a. M; New York; Paris; Wien: Lang, 1993. S. 49-65.

List of Sources

Alexander Gallinger. Frog mich, David. *Rote Fahne*, 1975, no. 48.

David Busch. Däsungerelste Kind. *Neues Leben*, 1990, no. 23.

David Busch Die Luci ur die Karoline. *S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx*, Alma-Ata, 1988.

David Bush. S aanzig Mittel. *Neues Leben*, 1974, no. 29.

Emilia Spuling. "Die neimodisch Herzogin". *Neues Leben*, 1993, no. 41.

Friedrich Bolger. Aus lauter Lieb. *S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx*, Alma-Ata, 1988.

Friedrich Krüger. Vetter Gottliebs Idee üwer die Kolchose. *Neues Leben*, 1972, no. 36.

G. Sessler. E hart Strof. *Rote Fahne*, 1983, no. 52.

Georg Haffner. "Schlechte Pläne scheitern oft". *Neues Leben*, 1991, nno. 37.

H. Stättinger. Die Braut aus der Stadt. *Rote Fahne*, 1974, no. 32.

Heinrich Edior. In der eigenen Grube. *S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx*. Alma-Ata, 1988.

K. Lochmann. Wahrsagerin. *Rote Fahne*, 1963, no. 28.

Oskar GoldadeSchtrefi // *S Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx*. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.

Oskar Goldade. Schtrefi. *Zeitung für dich*, 1991, no. 14 (3651).

Simpl Mischko. Ufasse muss mer kenne... *Neues Leben*, 1990, no. 35.

Willi Lochmann Die Milusch und die Perestroika // *Rote Fahne*, 1987. No. 89.

Woldemar Herdt. Hans, do is daa Gans. *Rote Fahne*, 1976, no. 64.

Woldemar Vogel. Dr Hinkelsfreund. *Rote Fahne*, 1970, no. 39.

Woldemar Vogel. Wie ich kuriert wurde. *Rote Fahne*, 1970, no. 21.

ЭТНОСТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Э. В. Маремукова

Ключевые слова: лингвокультура, этностереотипизация, языковая объективация, этнокультурная информация, утверждение, отрицание

Keywords: linguaculture, ethnostereotyping, linguistic objectification, ethnocultural information, affirmation, negation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-06)

Введение

В современном мире в процессе глобализации возрастает потребность во взаимодействии разных культур и языков, в связи с чем повышается интерес общества к вопросам межкультурной коммуникации. Данная проблема стала одной из центральных в исследованиях В. фон Гумбольдта [Humboldt, 1836], ключевые идеи которого о связи языка с национальным мышлением обогатили лингвистику XIX и XX вв. Лингвистический детерминизм связан с гипотезой Сепира — Уорфа, в соответствии с которой мысли и действия человека определяются его языком [Sapir, 1958; Whorf, 1956]. Распространение антропоцентрической парадигмы в языкознании укрепило осознание роли человеческого фактора в языке, а также взаимодействия и взаимовлияния языка и человека.

Трудности в межкультурной коммуникации вызывает лингвокультурная коммуникативная интерференция, возникающая в результате переноса национально-культурных стереотипов поведения, характерных для родной лингвокультуры, на процесс общения с представителями иных лингвокультур [Ларина, 2006, 2009]. Различная концептуализация действительности при освоении мира усложняет перевод высказываний с одного языка на другой и требует изменения синтаксической структуры предложения. Для успешной межкультурной коммуникации недостаточно владения языком партнера по общению, необходимо также иметь представления и о культуре, обычаях и традициях народа [Тер-Минасова, 2007]. Этнические стереотипы, формирующиеся по причине незнания национально-культурной специфики поведения и речи представителей иных культур, могут быть серьезным барьером в межкультурной коммуникации. Эффективное межкультурное общение предпо-

лагает интерпретацию культурных различий, в том числе объективированных в языке, на основе их признания и понимания.

В обеспечении эффективного межкультурного общения важную роль выполняют утверждение и отрицание. Исследование аффирмативных и негативных конструкций в языках с различной структурой позволяет выявить лингвистическую объективацию этноспецифической информации, что содействует как постижению уникальной культурной информации, так и беспрепятственному межкультурному и межъязыковому взаимодействию.

Материал, цель и методы исследования

Целью исследования является проведение компаративного анализа лингвистической объективации этностереотипных представлений носителей разноструктурных языков, связанных с утверждением и отрицанием.

На материале неблизкородственных кабардино-черкесского, русского и английского языков проанализирована работа национального ментально-лингвального аппарата в процессе концептуализации окружающей действительности. Привлечение устных и письменных источников, включая разговорную речь, лексикографические издания и интернет-ресурсы, а также опора на научные труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике способствуют достоверности результатов исследования и обоснованности выводов.

Необходимость выявления особенностей языковой актуализации этностереотипной информации в аффирмативных и негативных формулах в рамках взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры определили применение как общенаучных, так и собственно лингвистических методов, включающих в себя методы интерпретативного, этимологического, компонентного, контекстуального анализа, а также сопоставления и обобщения, что позволило выявить универсальные и лингвоспецифические особенности лексико-грамматической экспликации этнокультурной информации, сопряженной с утверждением и отрицанием.

Использование различных методологических приемов и способов помогает достижению поставленной цели в многоаспектном изучении специфики национального менталитета в процессе лингвистической проекции культурно-сигнификативной информации — универсальной и культурно маркированной, что содействует ее постижению и эффективной межкультурной коммуникации.

Результаты и обсуждение

Утверждение и отрицание — универсальные лингвистические понятия. В объективном мире нет ничего отрицательного. Во всех языках имеются свои правила изменения утвердительных суждений на отрицательные. В культурогенезе каждого языка категории утверждения и отрицания отражают специфику национального сознания.

Вопрос о соотношении понятий утверждения и отрицания в науке не нашел однозначного решения. Утверждение и отрицание полагаются равноправными формами отражения действительности, полярными языковыми категориями, компонентами тройственной структуры наряду с сомнением [Васильева, 1958; Есперсен, 1958].

Исследователями отмечается взаимосвязь категорий утверждения и отрицания. На относительный характер явлений указывал Аристотель, который ссылался на одновременное наличие противоположных качеств у одной и той же вещи [Categories by Aristotle]. Идея всеобщей причинной связи лежит в основе мировоззрения арабского философа Аль-Кинди, комментировавшего сочинения Аристотеля, который также утверждал, что любая мелочь при ее полном осмыслении отражает целую Вселенную и позволяет ее познать [Философский словарь, 2001, с. 22, 44].

Категория отрицания интерпретируется исследователями по-разному: модификацией утверждения, отражением разъединенности бытия [Булах, 1957], частным случаем утверждения, предполагающим утверждение отрицания, проявлением предикативности, модальности [Макарова, 1978; Пешковский, 2001]. При этом отмечаются ее семантическая и синтаксическая функции [Файрузова, 2015].

С древности философами выдвигаются гипотезы о том, что интуитивно труднее знать отрицания (утверждения о том, чего нет), чем утверждения (утверждения о том, что есть) [Turri, 2022]. Исследователями отмечается сравнительно меньшая ценность отрицательных суждений для процесса познания человеком мира, поскольку в центре внимания познания находятся, прежде всего, значимые свойства окружающей действительности, а не их отсутствие; сложность логической структуры мыслительной операции при отрицании [Spychalska et al., 2019; Just, Carpenter, 1971; Khemlani, Orenes, Johnson-Laird, 2012], особенно при визуальном либо действительном отсутствии объекта когниции. Это также влияет на доминирование позиции вторичности отрицания по сравнению с утверждением. Относительная сложность в понимании и подтверждении отрицаний по сравнению с утверждениями и, соответственно, подозрительное к ним отношение [Turri, 2022] детерминировано необ-

ходимостью принимать усилия для «отмены» сформированного утвердительного суждения.

Отрицательные суждения могут выражать отношение различия, отсутствия, несовместимости, противоположности, лишения, недостатка. Специфика и степень проявления, функциональная значимость этих отношений в разных языках являются важным культурным аспектом.

Наиболее распространенными средствами грамматического выражения отрицания в языках разных типов являются отрицательные частицы. В отличие от русского и английского языков, в кабардино-черкесском языке основным средством выражения отрицания выступает аффиксальный способ (наиболее продуктивны префикс «мы-», суффиксы «-къым» и «-нишэ»).

Грамматические и лексические средства выражения отрицания различаются в том, что грамматические отрицатели превращают предложение из утвердительного в отрицательное, в отличие от лексических отрицателей, а предложение с лексическими отрицателями является грамматически утвердительным. Грамматически отрицательное предложение отрицает истинность суждения (*Он не пришел* — *Ар къэкIуакъым* — *He did not come* — *Это неправда, что он пришел* — *Ар къызыркъуар* (*къэкIуауэ зыгуэрэм зырыжиIэр* — *что кто-либо говорит (утверждает), что он пришел*) *пэжкъым* (досл. *Его/ее приход не является правдой*) — *It is not true that he came*; *Дождя нет (Дождь не идет)* — *Уэшх цыIэкъым* (*къешихыркъым*) — *There is no rain (It is not raining)* — *Это не правда, что дождя нет (что дождь не идет)* — *Уэшх зырыщымыIэр пэжкъым* (*къызыремышхыр* — *къемышхыу зыгуэрэм зырыжиIэр* — *то, что кто-либо говорит (утверждает), что дождя нет (что дождь не идет)* — *It is not true that it is raining*).

Сравнительный анализ разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков выявил различную проекцию отрицательных местоимений, связанную с категорией одушевленности и неодушевленности: в кабардино-черкесском языке наблюдается неразграничение отрицательных местоимений, соотносимых с одушевленными и неодушевленными предметами (*зыри, зыгуэри, зыми* — в эргативном падеже «*зыри*» может наделяться одушевленностью, подтверждая статус субъекта при переходных глаголах — *Тхылъыр цылъыц* (непереходный глагол — *Книга лежит*) — *Зыри* (именительный падеж) *цылкъым* (непереходный глагол — *Ничего не лежит*); *ЩIалэр тхылъым йоджэр* (Парень читает книгу); *ЩIалэр зыри* (именительный падеж) *еджэркъым* (Парень ничего не читает) — *ЩIалэм тхылъыр еджыр* (Парень изучает книгу) — *Зыми* (эргативный падеж) *тхылъыр иджыркъым* (переход-

ный глагол — Никто не изучает книгу). При этом отрицательное местоимение «зыри» в форме эргативного падежа (зыми) может иметь коннотацию неодушевленности:

Унэхэм зыми ар цигъуэтакъым (в функции обстоятельства места): Ни в одной из комнат (нигде) он/а его/ее/это не нашел/нашла — He/She didn't find her/him/it in any room; Тхылъхэм зыми анхуэдэу иткъым — Ни в одной книге так не написано — No book says that (It is not written like that in any book).

В английском языке при наличии местоимения, применимого одинаково к одушевленным и неодушевленным предметам (*none*), наблюдаются также специальные «*nobody*» (*no + body*), «*nothing*» (*no + thing*), этимология которых также сопряжена с категорией одушевленности и неодушевленности.

Русская лингвокультура в отличие от кабардино-черкесского и английского языков структурно различает отрицательные конструкции в винительном и родительном падежах в зависимости от категории одушевленности и неодушевленности:

Он увидел книги — Он не увидел книг — Он увидел мальчика — Он не увидел мальчика — Абы тхылъхэр кылъэгъуащ — Абы тхылъхэр кылъэгъуакъым — Абы цIалэ цIыкIу кылъэгъуащ — Абы цIалэ цIыкIу кылъэгъуакъым — He saw the books — He did not see the books — He saw a boy — He did not see a boy.

Основным средством выражения грамматического отрицания в русском языке является частица «не», употребляющаяся при любом знаменательном члене предложения. Особого рассмотрения требует частица «ни», которую полагают усилительной, интенсифицирующей либо отрицательность, либо утвердительность предложения и по своему значению близкой к усилительным частицам «и», «даже» (Ни разу не был/а — Зэи цыIакъым — Have/Has never been; Кто ни придет, всем будем рады — Хэт къымыкIуэми, псоми дащыгуфIыкIынууш — Whoever comes, we will be glad to see everyone). В данном случае в кабардино-черкесском языке коннотация усилительной частицы «ни» передается посредством отрицательного префикса «мы-» и суффикса со значением уступительности «-ми» (къэ-мы-кIуэ-ми), в английском — формой глагола в настоящем времени (*comes* — *приходит*) с «*whoever*» (кто бы ни — от утвердительного вопросительного местоимения «*who*» (кто) и наречия «*ever*» (когда-либо): *Whoever comes* — досл. Кто когда-либо приходит). В конструкциях с относительными местоимениями и наречиями усилительная частица «ни» образует утвердительные обороты: «кто бы ни пришел» (все, которые придут), «что бы ни сказали» (всё, что будет сказа-

но), «что ни день» (ежедневно). При этом в русском языке с усилительной частицей «ни» этимологически связаны отрицательные местоимения «ни-кто», «ни-чего», «ни-когда».

Распространенное в русском языке лексическое средство выражения отрицания — слово «нет» может усиливаться частицами «да», «уж», «ну», «никак» или повторением («нет-нет»):

Никак нет! Фразеологическое сочетание «нет-нет (да) и» передает значение обстоятельства времени (проецируется появление чего-либо (действия) после долгого отсутствия):

Он нет-нет да и забудет это однажды (Не забывал долгое время — возьмет да и забудет) — *Абы ар зэ мыхъуми зэ цыгъуипцэжынууц* — *He will forget it every now and then* (в английской лингвокультуре эксплицируется значение «время от времени» — нестабильность одного состояния).

В русской лингвокультуре имеются выражения с одновременным наличием показателей утверждения и отрицания, а также сомнения и вопроса, транслирующие специфику русской национально-лингвальной системы: «да нет», «да нет, наверное», «почему бы и нет», представляющие коммуникативные трудности для представителей иных лингвокультур, изучающих русский язык.

Отрицательные наречия выражают полное или частичное отрицание события, которое почти не имеет места. Выделяются наречия полного отрицания: *никогда, ни разу, ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае, нигде* — *never, not once, in no circumstances, at no time, nowhere* — *зэи, зыцIыпIу*; наречия частичного отрицания: *редко, изредка, нечасто, в редких случаях* — *seldom, rarely, infrequently, on rare occasions* — *зэзэмы-зэ*. Приведенные примеры выявляют наличие в кабардино-черкесских версиях элемента «зы/зэ — один — *оде*»: *зыри* (ни один — *никто/ниче-го, no one, nobody, nothing, none*), *зэи* (ни одного раза — *никогда, ни разу, never*), *зыцIыпIу* (ни в одном месте — *нигде, nowhere*), транслируя значение утверждения о существовании при наличии по крайней мере одного раза, а при отсутствии — отрицания.

Эмфатичность отрицательным суждениям придают интенсифицирующие средства «совсем», «вообще», «*at all*», «*whatever*», «*whatsoever*», «*ауэ/-ххэ*»:

Ничего не имеет значения (Ничего вообще не имеет значения) — *Nothing at all matters* — *Зыми ауэ зы мыхъэнэ иIэкъым* (Зыми зы мыхъэнэ *иIэххэкъым*). При этом кабардино-черкесский язык демонстрирует как аналитические, так и синтетические средства выражения подобных значений.

В кабардино-черкесском языке финитные формы глаголов оформляются суффиксом «-къым» (*Сэ щІакъым ар къэмыкІуэну* — Я не знал/а, что он/а не придет — *I didn't know, that he/she will not come*). Инфинитные формы глагола с префиксом отрицания могут составить предикативную основу предложения в устно-поэтическом творчестве, клятвенных конструкциях:

Сосрыкъуэ слээгъуакъым, ар здэщІІэр сымыщІэ [Нарты, 1995] — *Сосруко я не видел, где он находится, не знаю*); «*Тхъэ, симыІэ*» (*Ей-богу (клянусь), нет у меня*); «*Уэлыхьы, симыІэ*» (*Клянусь, нет у меня*). Отрицательная форма клятвенных выражений может иметь положительную семантику: «*Тхъэ (Алыхь, Уэлыхьы), уэзмыштмэ*» (*Тха (Аллах) (Конечно (безусловно), отдам*) [Кабардино-черкесский язык, 2006]. В подобных клятвенных конструкциях кабардино-черкесская лингвокультура проводит гендерные различия: «*Тхъэ*» — для женщин, «*Уэлыхьы*» — для мужчин.

В кабардино-черкесском языке префикс отрицания употребляется в глаголах в форме желательного, повелительного, условно-сослагательного наклонений, а также в отглагольных образованиях, клятвенных предложениях: «*Щхъэм имытмэ, лъакъуэм и мыгъуагъэщ*» (пословица — *Если в голове пусто, это беда для ног*) [Адыгские пословицы и поговорки, 2016].

Встречаются случаи десемантизации с префиксальным отрицанием: *Депльынищ, ущІемыгъуэжмэ (ущІегъуэжынищ)* (*Посмотрим, ты пожалеешь* (досл. *Посмотрим, если ты не пожалеешь*)). Финитный глагол «*ущІемыгъуэжмэ*» включает отрицательный префикс «мы-», однако благодаря суффиксу «-мэ» воспринимается с положительным значением, то есть отрицательная конструкция преобразуется с помощью «-мэ» в утвердительную.

Отрицательным союзом в английском языке является «*neither...nor*», который служит для соединения однородных членов предложения и используется, когда речь идет о каких-либо невозможных вещах. В кабардино-черкесском языке ему корреспондирует повторяющийся соединительный союз-суффикс «-ри... -ри...», который может использоваться как в утвердительных, так и отрицательных конструкциях: *Neither the teacher nor the students came* — *Ни учитель, ни ученики не пришли* — *ЕгъэджакІуэри еджакІуэхэри къэкІуакъым*. При этом в кабардино-черкесском языке повторяющийся союз-суффикс «-ри... -ри...» не эксплицирует ни утверждение, ни отрицание, а имеет соединительную функцию, а значение отрицания в высказывание вносится отрицательным суффиксом «-къым».

Предлог «*without*» является средством отрицания в английском языке и имеет значение «без»: *I will go home without him* — Я пойду домой без него. В кабардино-черкесском языке данное предложение можно перевести как «Сэ ар симыгъусэу унэм сокӀуэж / Сэ абы сримыгъусэу унэм сокӀуэж», в котором «симыгъусэу / сримыгъусэу» имеет буквальное значение «он/а не вместе со мной / я не вместе с ним/ней», проецируя черты коллективистской культуры в кабардино-черкесском языке (легче сказать «один/одна/и» (си/уи/и/ди/фи/я-закъуэ), чем «без него/нее/них», а эквивалент «без него/нее/них» содержит корневую морфему с коннотацией «вместе» (гъусэ: си/уи/и/ди/фи/я-мы-гъусэ-у). Специфика и лингвокультурные возможности кабардино-черкесского языка проявляются в передаче значения «без кого-/чего-либо» по сравнению с русским и английским языками:

Я иду домой без него/нее — *I am going home without him/her* — Сэ ар симыгъусэу (букв. он/а не со мной) унэм сокӀуэж / Сэ абы сримыгъусэу (букв. я не с ним/ней) унэм сокӀуэж — Он/а идет домой без меня — *He/she is going home without me* — Ар сэ симыгъусэу (букв. он/а не со мной) унэм мэкӀуэж / Ар сэ сримыгъусэу (букв. я не с ним/ней) унэм мэкӀуэж. При этом предикативная основа в отличие от русского и английского эквивалентов не меняется — значения как «я без него — *I am without him/her*» / «он без меня — *he/she is without me*», так и «я не с ним/ней — *I am not with him/her*» / «он/а не со мной — *he/she is not with me*» в кабардино-черкесском языке могут передаваться с одними и теми же субъектом и предикатом: Сэ (ар симыгъусэу / абы сримыгъусэу) унэм сокӀуэж (Я (он/а без меня / я без него/нее) иду домой), Ар (симыгъусэу / сримыгъусэу) унэм мэкӀуэж (Он (он/а не со мной / я не с ним/ней) идет домой).

Понятие «двойное отрицание» обозначает наличие двух отрицаний при одном и том же члене предложения, а также дважды выраженное отрицание в рамках одной субъектно-предикатной группы. В первом случае подразумевается отрицание и его усиление в отрицательной форме, во втором — отрицание отрицания [Бондаренко, 1983]. Результатом взаимной нейтрализации двух отрицаний в структурах с двойным отрицанием может стать ослабленное или подчеркнутое утверждение: *It is not an impossible task* — Это не невыполнимая (выполнимая) задача — Ар пхуэмыщӀэн Иуэхукъым. В данном случае русский вариант содержит два идентичных показателя негации (не-, не-) в отличие от кабардино-черкесской и английской версий, в которых используются показатели «мы-», «-къым» и «not», «it-» соответственно:

Это дело (задача) — Это не дело (задача) — Это выполнимое дело (задача) — Это невыполнимое дело (задача) — Это не невыполнимое

дело (задача) — *It is a task — It is not a task — It is a doable (possible to do) task — It is an impossible (not possible to do) task — It is not an impossible (not impossible to do) task* — Ар Гуэхуц — Ар Гуэхукъым — Ар пхуэцІэн Гухуц — Ар пхуэмыцІэн Гуэхуц — Ар пхуэмыцІэн Гуэхукъым.

В кабардино-черкесском языке два показателя отрицания (префикс «мы-» и суффикс «-къым») могут присутствовать в составе сказуемого или при обоих главных членах общеотрицательного предложения, создавая двойное отрицание. В результате происходит редукция отрицания и возникает категорическое утверждение с разными оттенками: Ар хабзэмыцІэкъым. — Он/а не незнающий обычаев (в значении «знающий»). — *He/she is not ignorant of customs (is knowledgeable).*

Двойное отрицание наблюдается при наличии префикса «мы-» и в сказуемом, и в подлежащем: ШыцІэ къамылъхум уанэ тралъэхъэркъым — Неродившегося жеребенка не седлают (досл. На не родившегося жеребенка седло не кладут) — *An unborn foal should not be saddled (Неродившегося жеребенка не следует седлать).* В конструкциях данного типа отрицание выражено дважды: общее отрицание с помощью отрицательного суффикса «-къым», частное отрицание с помощью отрицательного префикса «мы-» [Кабардино-черкесский язык, 2006].

Два отрицания могут присутствовать также и в составе сложного сказуемого — отрицательными по форме могут быть одновременно основное и вспомогательные сказуемые [Кабардино-черкесская грамматика, 2023]:

Ар къомылъыну лъэкІынкъым (Ар къоплъынуц) — Он не посмотреть на тебя не сможет (Он на тебя посмотрит) — *He will not be able to not look at you (He will look at you).*

Сложное сказуемое, выраженное сочетанием глагольных форм и финитного глагола, может дать утверждение: «зэхимыхауэ цыткъым» (зэхихац) — досл. не услышанным им/ей не является (услышал/а) — досл. *is not not heard by him/her (he/she heard)*; «имылъэгъуауэ цыткъым» (илъэгъуац) — досл. неувиденным им/ей не является (увидел/а) — досл. *is not not seen by him/her (he/she saw).*

В кабардино-черкесском языке в результате двойного отрицания «мы-» + «-къым» возможна редукция отрицания в пользу утверждения.

Двойное отрицание в кабардино-черкесском языке наблюдается в предложениях с отрицательным предикативом «хъунукъым» (нельзя, невозможно) и отрицанием в инфинитной части:

«жомыІэу хъунукъым» — «жытІэн хуейц» (нельзя не сказать — надо, необходимо сказать), «демылъу хъунукъым» — «деплъын хуейц» (нельзя не посмотреть — надо, необходимо посмотреть), «сымыкІуэу хъу-

нукъым» — «сыкІуэн хуейц» (нельзя не идти — надо, необходимо идти); при сочетании «лэкІын» (мочь) в отрицательной форме с отрицательным инфинитивом: «мыкІуэн лэкІыркъым» («макІуэр») — не может не идти (идет) — досл. *He/She can not not go (there)*.

Разновидностями двойного отрицания в кабардино-черкесском языке (в отдельных случаях) являются:

сочетание отрицательного префикса «мы-» с суффиксом «-ниэ» (без-, бес-) с семантикой отсутствия чего-либо: «Ар мы-цІэныгъэ-ниэ» (Он не необразованный — у него есть (имеется) образование; сочетание отрицательного суффикса «-къым» с суффиксом «-ниэ» (без-, бес-): «Ар Іыхъэниэкъым» (Он не без доли);

наличие в предложении слова «цыІэкъым» (нет / не существует) и суффикса «-ниэ», «Насыпынэ цыІэци, гугъэниэ цыІэкъым» (Несчастливые бывают, а не имеющих надежду нет (букв. «безнадежных» — «надежда» относится к самому субъекту, а не наблюдателю со стороны, в отличие от русского «безнадежный»).

Использование двойного отрицания, в частности отрицания отрицания, в которых в русском языке употребляется отрицательный префикс «не-», в кабардино-черкесском и английском языках симплифицируется разграничением отрицательных аффиксов: Ар цІыху мыгъаскъым — *He/she is not unmannered* — Он/она не невоспитанный. Нечастое использование подобных выражений в русском языке обусловлено наличием в них усилительного повторяющегося показателя отрицания «не».

Несмотря на то что отрицание отрицания полагается равносильным утверждению, семантика предложений с двойным отрицанием и утвердительных суждений не эквивалентна: «Ар насыпынэкъым» (Он/а не несчастлив/а) и «Ар насытыфІэц» (Он/а счастлив/а) [Кабардино-черкесская грамматика, 2023].

Нейтрализация двух отрицаний в кабардино-черкесском языке имеет место также и в том случае, когда отрицание выражено в разных предикатах — главном и зависимом, что приводит к двойному отрицанию:

Сэ цІэркъым ар мыкІуэу (Сэ цІэркъым ар зэрымкІуэр) — Я не знаю, что он/а не идет (досл. Я не знаю его/ее не идущим) — *I do not know that he/she's not going* (досл. *I do not know him/her not going*) — Сэ слэгъуакъым ар мышхэу (Сэ ар зэрымыхэр слэгъуакъым) — Я не видел/а, что он/а не кушает (Я не видел/а его/ее не едящим) — *I did not see that he was not eating* (досл. *I have not seen him/her not eating*).

Двойное отрицание в предложении делает возможным употребление отрицательного герундия в позиции зависимого предиката [Кабардино-черкесский язык, 2006]. При этом кабардино-черкесский язык экс-

плицирует своеобразные способы образования утвердительных и отрицательных форм и соответствующих коннотаций в отличие от русского и английского языков:

Он идет — *He is going* — *Ар макІуэр*; Он не идет — *He is not going* — *Ар кІуэркъым*; Я знаю, что он идет — *I know (that) he is going* — 1) *Сэ соцІэ ар зэрыкІуэр*, 2) *Сэ соцІэ ар кІуэуэ*; Я знаю, что он не идет — *I know (that) he is not going* — 1) *Сэ соцІэ ар зэрымыкІуэр*, 2) *Сэ соцІэ ар мыкІуэу*; Я не знаю, что он идет — *I do not know (that) he is going* — 1) *Сэ сцІэркъым ар зэрыкІуэр*, 2) *Сэ сцІэркъым ар кІуэуэ*; Я не знаю, что он не идет — *I do not know (that) he is not going* — 1) *Сэ сцІэркъым ар зэрымыкІуэр*, 2) *Сэ сцІэркъым ар мыкІуэу*; Я знаю, идет он или нет — *I know whether he is going or not* — *Сэ соцІэ ар кІуэрэ мыкІуэрэ*; Я не знаю, идет он или нет — *I do not know whether he is going or not* — *Сэ сцІэркъым ар кІуэрэ мыкІуэрэ*.

Английский язык в связи с нехарактерностью для него конструкций двойного отрицания по сравнению с русским и кабардино-черкесским языками проецирует более утвердительный характер лингвокультуры. Интерес представляет большое разнообразие отрицательных аффиксов, посредством которых английский язык лингвистически имплицитно выражает интенции отрицания. При этом коннотация выражений с двойным отрицанием, подобных «*I don't dislike you*» (Ты мне не не нравишься — *Сэ уэ сигу уримыху цыткъым*), содержит отрицание отрицания, что несвойственно для русской коммуникативной культуры, стиль которой имеет прямой характер, в то время как стиль английской является косвенным. В русском языке перевести указанное выражение проблематично, поскольку для русской лингвокультуры нехарактерно выражение «Ты мне не не нравишься», в то время как в кабардино-черкесском и английском языках эксплицируется национально специфическая коннотация неопределенности, детерминированная необходимостью сдерживания публичного выражения сокровенных чувств благосклонности и привязанности (*I don't dislike you* — *Сэ уэ сигу уримыху цыткъым* (*Сэ — Я, уэ — ты, уримыху цыткъым — не нравится не есть*). В языкознании существует позиция о том, что ценности, имеющие важное значение для культуры, находят отражение в языке одним словом. Необходимость использования нескольких слов (дескриптивный способ) для выражения идеи, которая обозначена в другом языке лишь одной лексемой, свидетельствует о том, что эта идея принадлежит культуре, использующей для ее манифестации одно слово [Triandis, 1994, p. 6; Larina, 2020, p. 424]. Кроме того, в вежливо ориентированном английском языке в данном случае создается отрицание, направленное на отрицание отрица-

тельного высказывания и формирующее таким образом нейтральное медианное значение глагола, заключенное между утверждением и отрицанием.

Компаративный анализ материала трех разноструктурных языков выявил особенности лингвокультурной предопределенности в формировании и интерпретации утверждения и отрицания. К примеру, фраза «*not bad*» в английской лингвокультуре может иметь коннотацию «отлично», детерминированную культурной склонностью англичан к сдержанности в выражении эмоций и личного мнения — стереотипное качество англичан, эксплицированное в популярном выражении «*Stop being so English and say what you think*» (*Перестань быть таким англичанином и скажи, что ты думаешь — поделись своим мнением*).

В оппозиционных сочетаниях, образуемых в русском и английском языках добавлением отрицательных префиксов и суффиксов, в кабардино-черкесском языке коррелятами выступают отрицательный префикс «мы-», отрицательный суффикс «-ниэ» и лексические средства: *порядок* — *бес-порядок*, *order* — *dis-order*, *хабзэ*, *зэкIэлъыкIуэкIэ* — *хабзэ-ниагъэ*, *зэкIэлъы-мы-кIуагъэ*; *одевать* — *раз-девать*, *dress* — *undress*, *хуэпэн* — *тIэцIын*; *равный* — *не-равный*, *equal* — *in-equal*, *зэхуэдэ* — *зэхуэ-мы-дэ*; *страх* — *бесстрашный*, *fear* — *fear-less*, *шынэ* — *мы-шынэ*.

К лексическим средствам имплицитного выражения отрицания в английском языке относят слова с отрицательной семантикой: *to fail* (*терпеть неудачу* — *емыхъулэн*), *overlook* (*упустить из виду, проглядеть, недосмотреть* — *мылзагъун*, *гу лъымытэн*), *to lack* (*недоставать, не хватать* — *хуэчэмын*, *хуримыкъун*) и др. При этом в английском и русском языках значение отрицания «*упустить из виду*» передается лексемами «*overlook*» и «*недоглядеть*», заключающими в себе коннотацию зрения, однако в английском языке объективируется негативное отношение к избыточности, а в русском — недостаточности, проецируемые аффиксальным способом: *недо-* (к примеру, «*недостаток*») и *over-* (*пере-* — *слишком, чрезмерно*): *This important question must not be overlooked.* — *Этот важный вопрос нельзя упускать из виду*. В данном случае также актуализируется дуализм оппозиционных понятий.

Также имплицитное отрицание содержится в глаголах, имеющих отенок значения, схожий с соответствующим глаголом «*отрицать*»: *отвергать, отказываться, отрекаться, противиться* — *to negate, to deny, to refuse, to oppose* — [Jespersen, 2012] — *мыдэн*, *арэзы темыхъуэн*, *Iумпэм цIын* (*Губы, пэ* — *то есть и словом, и лицом (мимика, жесты) дать понять, что не нравится, отвергнуть; брезгать, игнорировать, пренебрегать*) [Апажев, Коков, 2008].

К отрицательным местоимениям в английском языке относятся: отрицательное местоимение «no» (никакой) с существительными в функции определения — *They could find no traces of it* — Никаких следов этого они не нашли — Абы и лъэужь лъэпкъ абыхэм къахуэгъуэтакъым; отрицательное местоимение «none» (никто, ничто) — *None of us could believe it* — Никто из нас не мог в это поверить — Дэ тыццыу зыми ар и фІэц хъуртэкъым; *None of it made any sense* — Все это не имело никакого смысла (досл. Ничего из этого имело какого-либо значения) — Абыхэм зыми мыхъэнэ лъэпкъ яІэтэкъым (в русском и английском языках отрицательные местоимения «none» и «ничего» заключают в себе коннотацию неодушевленности, в то время как в кабардино-черкесском языке эквивалентное «зыри/ми/мкІи» может быть использовано для передачи значений как одушевленности, так и неодушевленности); местоимения «nobody» и «no one» (никто) — *Nobody cares* — Всем все равно / Никого ничего не волнует — Зыми зыри фІэІуэхукъым / Зыри (зыми) еІалІэркъым; *No one said anything* — Никто ничего не сказал — Зыми зыри жиІакъым; отрицательное местоимение «nothing» (ничего) — *Nothing mattered at that time* — В то время ничего не имело значения — Абы цыгъуэ зыми мыхъэнэ иІэтэкъым; местоимение «neither» (ни один — *Neither of them was present* — Ни один из них не присутствовал — Абыхэм яццыу зыри цыІакъым/цытэкъым).

В отдельных случаях различие между отрицанием и утверждением нейтрализуется, что также способствует интенсификации высказывания [Мусаева, 2012]: выражение «*I couldn't care less*» имеет значение «Меня это вообще не волнует». При этом данное выражение по смыслу выступает синонимом «*I don't care*» (Мне все равно), однако язык проецирует лингвокультурную интенцию «*I care, but at a very low level*» (Меня это волнует, но на очень низком уровне (ниже не бывает) — действие не отрицается, редуцируется его значение). Подобные конструкции (*Couldn't agree/disagree more* — *Completely/fully agree/disagree*) также транслируют двойственность понятий утверждения и отрицания.

Английская лингвокультура в предложении «*She showed no sympathy*» (Она не проявила никакого сочувствия — досл. Она проявила никакое сочувствие) отрицает чувство, а действие — нет. При этом, несмотря на свою имплицированную лингвистическими средствами прямолинейность, в приоритете вежливость по отношению к окружающим. В отрицательных предложениях, подобных «*He did not do that because he wasn't aware of what he was doing*» (Он сделал это не потому, что не осознал, что он делает — Абы ар цІицІар ицІэр къыгурымыІуэу аракъым), проецируется специфика национального мышления: в английском язы-

ке в данном случае отрицается действие, в русском и кабардино-черкесском языках — причина.

В сравниваемых языках для усиления выражения негации и повышения степени эмоционального состояния используются риторические вопросы, восклицательные предложения: *Are you joking?* — *Ты/Вы шутишь/те?* — *У (фы) гушы!эу ара? Nonsense!* — *Глупость!* — *ПцІыц! Ridiculous!* — *Смешно! (Нелено!) — Дыхъэхэц! ЕмыкІуц!*

Имплицитное отрицание может быть выражено эмоционально окрашенными словами. При этом выражается не только отрицание предмета дискуссии, но и его условное утверждение (*No! Are you insane?! — Нет! Ты с ума сошел?! Хъуэ! Уи цхъэр зэкІуэкІа?! (в значении, «Нет! Ты, вероятно, сошел/сошла с ума! — первая часть (Нет) — отрицание, вторая (Ты сошел/сошла с ума) — утверждение в значении «...иначе не утверждал/а бы подобное»).* Данные вопросительные по структуре предложения подчеркивают негодование со стороны говорящего и указывают на негативное отношение к информации и ее неодобрение.

В русском и кабардино-черкесском языках отрицание может выражаться устойчивыми сочетаниями утвердительных форм в будущем времени «Скажешь еще!», «ЖыпІэц иджы!», «Надейся!», «Щыгузъ!», «Ну, да!», «Іейуэ!», «Ну да, сразу! (будет, произойдет, случится и т.д.)», «НмІэ, заныІу!» (*цыІэнуц, хъунуц, къэхъунуц*). В английском и русском языках устойчивые выражения отрицательных форм могут дать утвердительную коннотацию солидарности/согласия: *You don't say!* — *И не говорите!* При этом английская форма «*You don't say!*» может также иметь коннотации как удивления, интереса, так и саркастического ответа на что-либо очевидное или само собой разумеющееся.

Отрицательные конструкции, обладающие большей категоричностью и резкостью в проявлении оценки ситуации, могут быть заменены некатегоричными, сдержанными формами, направленными на стремление избежать крайностей и сохранение невозмутимости в ситуации: *It's not true* — *Это неправда* — *Ар нэжкъым (Это ложь — It's a lie — Ар нцІыц.)*.

Кабардино-черкесских и русских отрицательных аффиксов значительно меньше, чем английских. Английские «*un-*», «*in-*», «*dis-*», «*de-*», «*mis-*», «*anti-*», «*non-*», «*-less*» и другие корреспондируют русским «*не-*», «*ни-*», «*без-* (бес-)» и кабардино-черкесским «*мы-*», «*-ниэ*», «*-къым*». Специфика мышления носителей английского языка проявляется в особенностях использования отрицательных аффиксальных морфем (*un-*: *ungrateful* — неблагодарный, *unimportant* — неважный, *unsafe* — опасный, *to uncover* — открывать; *in-* (*il-* перед *l*; *im-* перед *b, p, m*; *ir-* пе-

ред r): *illiterate* — неграмотный, *improper* — ненадлежащий, *irrational* — иррациональный, *invisible* — невидимый; *dis-: to displease* — вызывать недовольство, *to disband* — разъединять; *de-: defraud* — обманывать, выманивать; *mis-: mistrust* — недоверие; *anti-: anti-nuclear* — противоядерный; *non-: non-aggressive* — неагрессивный; — *less: countless* — бесчисленный.

Наличие многочисленных словообразовательных аффиксов с коннотацией отрицания, а также ограничения их сочетаемости с корневыми морфемами в английском языке проецируют особенности английского ментально-лингвального аппарата, связанные, с одной стороны, с осторожным применением прямых, резких отрицательных конструкций в рамках концепции вежливости и интенции невмешательства, с другой стороны — компенсацию многочисленными отрицательными аффиксами отсутствия двойного отрицания в рамках одной отрицательной конструкции.

Утвердительный характер английской лингвокультуры дополняется использованием конструкций с глаголом «do» для усиления коннотации утверждения: *I believe it — I do believe it — Я верю в это — Верю я в это — Сэ ар си фIэц мэхзур — Мэхзур сэ ар си фIэц.*

В отличие от английской лингвокультуры, для русской и кабардино-черкесской характерно сочетание нескольких средств отрицания для построения одной отрицательной конструкции: *Никто его никогда не видел — Зыми ар зэи илэгзгуакъым — Nobody ever saw him* (досл.: *Никто когда-либо видел его*).

В русском и кабардино-черкесском языках в отличие от английского языка отрицательный характер сказуемого проявляет независимость от наличия отрицательных лексических средств, а также порядка слов в предложении: *Он никогда не сделает этого / Он не сделает этого никогда / Он этого не сделает никогда — Абы ар зэи ицIэнукукъым / Абы зэи ар ицIэнукукъым / Абы ар ицIэнукукъым зэи — He will never do that.*

Отрицательное высказывание может усиливаться добавлением наречий «совсем», «совершенно», «вообще» (в английском языке «*at all*»): *He could not see anything at all. — Он вообще ничего не видел.* В кабардино-черкесском языке подобная коннотация усиленного отрицания передается при мощи суффикса -ххэ-: *Абы зыри илэгзххэртэкъым.*

Формы глаголов «хотеть», «want», «need», «require», «хуеин» наряду с коннотацией желания могут выражать недостаточность и отсутствие чего-либо: *Дом нуждается в ремонте — The house needs renovation — Унэр зехъэн хуейц.* Данные предложения представляют собой утвердительную синтаксическую конструкцию, однако имплицитно отрицают наличие определенных характеристик, передаваемое глаголами «недоставать»,

«не хватать», «lack», «miss», «чэмын/хуэчэмын», «иримыкзун/хуримыкзун»: В книге не хватает двух страниц — *The book lacks two pages* — Тхылъым напэкгуэцIтI чэмиц/хуэчэмиц (ирикъуркъым/хурикъуркъым).

В английском и русском языках используются «наречия широкого отрицания» (*scarcely, rarely, seldom, barely*, едва, еле, чуть, редко: *scarcely able* — едва ли способный, *barely known* — едва известный — почти неизвестный). Кабардино-черкесский эквивалент подобных выражений содержит показатели отрицания (префикс «мы-») и преувеличения (суффикс «цэ-»): *зыхуээфIэмыкIыцэн* (тот, кто не совсем способен (тот, кто вряд ли сможет), *ямыцIыхуцэ* — едва известный, не совсем известный).

Лингвистические и логические аспекты утверждения и отрицания, их соотношение, средства выражения, роль в грамматической структуре эксплицируют этноспецифические моменты в культуре носителей кабардино-черкесского, русского и английского языков.

Заключение

Глобализация, охватившая различные сферы человеческой деятельности, расширение контактов между представителями разных культур, работа с информацией, ставшей одной из производительных сил в условиях постиндустриального общества и мультикультурализма, создали необходимость осознания значения поддержания непрерывного внутри- и межкультурного диалога, направленного на достижение взаимопонимания и межкультурную интеграцию. Возрастающий интерес к изучению процесса языковой деятельности во взаимосвязи с мышлением и культурой сопряжен с осознанием роли языка в развитии общества и осмыслением его влияния на узловые вопросы ряда гуманитарных наук.

Утверждение и отрицание как важнейшие признаки суждения выполняют важную роль в обеспечении эффективного межкультурного взаимодействия. Сопоставительный анализ способов выражения утверждения и отрицания в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках предоставляет возможность наглядно определить специфику их репрезентации в каждом из сопоставляемых языков.

Проанализированный языковой материал выявил лингвокультурные особенности связи утверждения и отрицания с категориями одушевленности и неодушевленности, вежливости и другие особенности неблизкородственных кабардино-черкесского, русского и английского языков.

Утверждение и отрицание в кабардино-черкесском языке актуализируются преимущественно аффиксальным способом, а не посредством

частиц, проецируя этноспецифизм и особенности национального мышления носителей языка. В кабардино-черкесском языке отрицание может быть эксплицировано одновременным оформлением сказуемого несколькими показателями отрицания.

Специфика русского национально-лингвального аппарата проецируется в одновременном наличии в русском языке в рамках одного выражения показателей утверждения, отрицания и сомнения, а также дифференциации отрицательных конструкций в винительном и родительном падежах в зависимости от категории одушевленности и неодушевленности.

Английский язык при отсутствии двойного отрицания культурно-специфические интенции негации объективирует посредством многочисленных отрицательных аффиксов, использование которых также отличается лингвокультурными ограничениями. В отличие от английского языка, для которого несвойственно двойное отрицание, в кабардино-черкесском и русском языках отрицательные местоимения и наречия сочетаются с языковыми единицами, наделенными отрицательными аффиксами, создавая двойное отрицание.

Проведение сопоставительных лингвокультурных исследований на материале разноструктурных языков способствует изучению связи между культурой и языком, определению этноспецифических особенностей лингвистической объективации внешнего мира, что содействует как привлечению внимания к вопросу сохранения этнокультурной и языковой идентичности в условиях мультикультурализма, так и успешной коммуникации на межкультурном уровне.

Библиографический список

Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гутова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.

Апажев М. А., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесско-русский словарь / под научной ред. Б. Ч. Биждоева. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.

Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.

Булах Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, 1957. Вып. 30. С. 37–85.

Васильева С. А. К вопросу о природе отрицания // Сборник работ Ленинградского технологического института пищевой промышленности / отв. ред. С. З. Иванов. Л., 1958. С. 137–157.

Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.

Игнатьева Т. С. О структурно-семантических особенностях вопросительных предложений с отрицанием в английском и чувашском языках // Филология: научные исследования. 2020. № 7. С. 51–59. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.31542>.

Кабардино-черкесская грамматика / науч. ред. Б. Ч. Бижоев. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. 624 с. (На кабардино-черкесском языке).

Кабардино-черкесский язык / под ред. М. Л. Апажева, Б. Ч. Бижоева, Н. Н. Зекореева, Х. Т. Таова. В 2 т. Т. I. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 550 с.

Ларина Т. В. Лингвокультурная коммуникативная интерференция // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. Тарту, 2006. С. 184–196.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Макарова Г. Н. Отрицание not в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Калинин, 1978. 16 с.

Нарты. Кабардинский эпос / под ред. М. М. Бженикова. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 559 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации. М.: Астрель: Хранитель, 2007. 287 с.

Файрузова А. Р. Сопоставительный структурно-семантический анализ средств выражения отрицания в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 24 с.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. М.: Республика, 2001. 719 с.

Categories by Aristotle / translated by E. M. Edghill. https://homepages.uc.edu/~martinj/History_of_Logic/Aristotle/Aristotle%20-%20Categories%20-%20Edghill%20trans.pdf

Humboldt W. F. Uber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Jespersen O. Negation in English and Other Languages. Media: Franklin Classics, 2018. 160 p.

Johnson-Laird P.N., Tridgell J.M. When negation is easier than affirmation // Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1972, iss. 24, no. 1, p. 87–91.

Just M.A., Carpenter P.A. Comprehension of negation with quantification // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1971, iss. 10 no. 3, p. 244–253.

Khemlani S., Orenes I., Johnson-Laird P.N. Negation: A theory of its meaning, representation, and use // Journal of Cognitive Psychology, 2012, iss. 24, no. 5, p. 541–559. DOI: 10.1080/20445911.2012.660913

Larina T.V. «Sense of privacy» and «sense of elbow»: English vs Russian values and communicative styles // Bromhead H., Zhengdao Y. (eds). Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka. Canberra: Australian National University Press, 2020, 515 p., p. 421–440. <https://doi.org/10.22459/MLC.2020.22>

Sapir, E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Berkeley: University of California Press, 1958, 617 p.

Spychalska M., Haase V., Kontinen J., Werning M. Processing of affirmation and negation in contexts with unique and multiple alternatives: Evidence from event-related potentials // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, 2019, iss. 41, p. 2845–2851. <https://escholarship.org/uc/item/2q45j0hv>

Triandis H. Culture and Social Behavior. Boston: McGraw-Hill Inc., 1994, 320 p.

Turri J. A Peculiar and Perpetual Tendency: An Asymmetry in Knowledge Attributions for Affirmations and Negations. *Erkenn*, 2022, iss. 87, p. 1795–1808. <https://doi.org/10.1007/s10670-020-00274-9>

Whorf, B. L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1956. 278 p.

References

Adyghe proverbs and sayings (with their interpretations). Anthological collection of Adyghe folklore. Compiled by L.A. Gutova. *Nal'chik*, 2016. 364 p. (In Russian).

Apazhev M. L., Kokov Dzh. N. Kabardino-Circassian-Russian dictionary. Bizhoviev B. Ch. (scientific ed.). *Nal'chik*, 2008. 704 p. (In Russian).

Narts. Kabardian Epics. Bzhenikov M. M. (ed.). *Nal'chik*, 1995. 559 p. (In Russian).

Bondarenko V.N. Negation as a logical-grammatical category. Moscow, 1983. 212 p. (In Russian).

Bulakh N.A. On the question of expressing the grammatical category of negation in Indo-European languages. *Uchenye zapiski Yaroslavskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo instituta = Scientific notes of the Yaroslavl State Pedagogical Institute, 1957, iss. 30, p. 37–85. (In Russian).

Categories by Aristotle. Translated by E. M. Edghill. https://homepages.uc.edu/~martinj/History_of_Logic/Aristotle/Aristotle%20-%20Categories%20-%20Edghill%20trans.pdf

Fayruzova A. R. Comparative structural and semantic analysis of means of expressing negation in English and Russian languages. Abstract of Philol. Cand. Diss, Ufa, 2015, 24 p. (In Russian).

Philosophical Dictionary. Frolov I. T. (ed.), iss. 7, Moscow, 2001, 719 p. (In Russian).

Humboldt W. F. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Berlin, 1836. <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Ignat'eva T. S. On the structural and semantic features of interrogative sentences with negation in English and Chuvash languages. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* = Philology: scientific research, 2020, no. 7, p. 51–59. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.31542>. (In Russian).

Jespersen O. *Negation in English and Other Languages*, Media, 2018, 160 p.

Jespersen O. *Philosophy of grammar*. London, 1924 (Russ. ed: Passek V. V., Safronova S. P. *Filosofiya grammatiki*, Moscow, 1958), 404 p. (In Russian).

Johnson-Laird P. N., Tridgell J. M. When negation is easier than affirmation. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1972, iss. 24, no. 1, p. 87–91.

Just M. A., Carpenter P. A. Comprehension of negation with quantification. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1971, iss. 10, no. 3, p. 244–253.

Kabardino-Circassian Grammar. Bizhoyev B. Ch. (scientific ed.), Nalchik, 2023, 624 p. (In Kabardino-Circassian).

Kabardino-Circassian language. Author of the project and editor-in-chief Kumakhov M. A., Apazhev M. L., Bizhoyev B. Ch., Zekoreev N. N., Taov Kh. T. (eds), in 2 vols., vol. I. Nalchik, 2006, 550 p. (In Russian).

Khémelani S., Orenes I., Johnson-Laird P. N. Negation: A theory of its meaning, representation, and use. *Journal of Cognitive Psychology*, 2012, iss. 24, no. 5, p. 541–559. [10.1080/20445911.2012.660913](https://doi.org/10.1080/20445911.2012.660913)

Larina T. V. “Sense of privacy” and “sense of elbow”: English vs Russian values and communicative styles. H. Bromhead, Y. Zhengdao (eds). *Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka*, Canberra, 2020, 515 p., p. 421–440. <https://doi.org/10.22459/MLC.2020.22>

Larina T. V. Politeness category and communication style: Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. *Rukopisnye pamyatniki*

Drevney Rusi = Manuscript monuments of Ancient Rus», Moscow, 2009, 512 p. (In Russian).

Larina T. V. Linguocultural communicative interference. *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika IX. Vzaimodeystvie yazykov i yazykovykh edinits* = Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics IX. Interaction of Languages and Language Units, Tartu, 2006, p. 184–196. (In Russian).

Makarova G. N. The negation of not in modern English. Abstract of Philol. Cand. Diss, Kalinin, 1978, 16 p. (In Russian).

Peshkovskiy A. M. Russian syntax in scientific coverage, Moscow, 2001, 544 p. (In Russian).

Sapir E. *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*, Berkeley, 1958, 617 p.

Spychalska M., Haase V., Kontinen J., Werning M. Processing of affirmation and negation in contexts with unique and multiple alternatives: Evidence from event-related potentials. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 2019, iss. 41, p. 2845–2851. <https://escholarship.org/uc/item/2q45j0hv>

Ter-Minasova S. G. War and Peace of Languages and Cultures: Theory and Practice of Interlingual and Intercultural Communication, Moscow, 2007, 287 p. (In Russian).

Triandis H. *Culture and Social Behavior*, Boston, 1994, 320 p.

Turri J. A Peculiar and Perpetual Tendency: An Asymmetry in Knowledge Attributions for Affirmations and Negations. *Erkenn*, 2022, iss. 87, p. 1795–1808. <https://doi.org/10.1007/s10670-020-00274-9>

Vasil'eva S. A. On the nature of negation. *Collection of works of the Leningrad Technological Institute of the Food Industry*. Ivanov S. Z. (ed.), Leningrad, 1958, p. 137–157. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=275454> (In Russian).

Whorf B. L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, 1956, 278 p.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СЯТОЧНО-РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАССКАЗОВ М. ГОРЬКОГО

Д. В. Сердюк

Ключевые слова: М. Горький, сяточныи рассказ, календарная литература, жанровый канон, интертекст, пародия

Keywords: M. Gorky, Christmas short story, calendar literature, genre canon, intertext, parody

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-07)

Введение

«Клишированность» жанра сяточного рассказа в русской литературе была подмечена многими исследователями, так же как и его провокативная сущность, вызывающая у многих писателей желание пародировать традиционные сюжеты. Одним из таких авторов стал и Максим Горький. Речь идет о трех его сяточно-рождественских рассказах, опубликованных в нижегородской и самарской периодике 1890-х гг.: «О мальчике и девочке, которые не замерзли» (1894), «Извозчик» (1895) и «В сочельник» (1899). Обратимся к данным произведениям автора, чтобы на примере их интертекстуальной связи проследить деформацию канона сяточного жанра.

Методы и материалы исследования

В данной статье используется комплексный метод литературного анализа, который позволяет глубже понять интертекстуальную связь сяточно-рождественских рассказов Максима Горького с трансформацией традиции жанра. Анализ каждого произведения включает элементы сравнительно-исторического и жанрового подхода, что дает возможность выявить характерные черты сяточного жанра, а также проследить изменения, внесенные Горьким в праздничный рассказ. Кроме того, применяется также метод интертекста, который помогает проследить, как писатель, взаимодействуя с классическими текстами русской литературы, вводит чуждые жанру элементы пародии и критики.

В качестве материала для исследования выбраны три произведения автора, опубликованные в 1890-х гг.: «О мальчике и девочке, которые не замерзли» (1894), «Извозчик» (1895) и «В сочельник» (1899). Также важной частью анализа стали научные статьи следующих авторов:

А. Вдовин «Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета» [2023], Е. В. Душечкина «Русский святочный рассказ» [2023], А. В. Гик «Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский)» [2022], О. С. Сухих и В. Н. Плющ «Святочный рассказ в художественном осмыслении Ф. М. Достоевского („Мальчик у Христа на елке“) и М. Горького („О мальчике и девочке, которые не замерзли“)»¹.

Результаты исследования и обсуждение

При беглом взгляде на первый святочный текст Горького видно, что пародийный аспект заявлен самим писателем уже в «заглавии-перевертыше», а также в изначальной авторской полемической экспозиции: *«В святочных рассказах издавна принято замораживать ежегодно по несколько бедных мальчиков и девочек»* (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894), «я знаю, что они, авторы, замораживают бедных детей для того, чтоб напомнить о их существовании богатым детям, но лично я не решусь заморозить ни одного бедного мальчика или девочки, даже и для такой вполне почтенной цели...».

Сначала остановимся на первом и последнем текстах Горького. Главными героями двух праздничных рассказов становятся жулики. Если Мишка и Катька из рассказа «О мальчике и девочке, которые не замерзли» являются беспризорниками и пока только учатся воровским хитростям, то безымянный герой рассказа «В сочельник» вместе со своим компаньоном Яшкой уже полностью погружены в бурный поток преступной жизни. Во внешнем облике обеих пар героев Горький подчеркивает их «маленькость» и «худобу». Мальчик и девочка описываются так: *«маленькие фигурки», «подкатились два маленькие комка лохмотьев», «сунул ее в одну из протянутых к нему маленьких и очень грязных рук», «Лицо у него было худое»* (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894); про безымянного героя и Яшку автор пишет (Максим Горький. «В сочельник». 1899): *«Изредка вкусно поестъ — большое удовольствие для маленьких людей», «наши чахлые фигуры», «Был этот человек тонок»*. Мишка и Яшка отличаются сноровкой, находчивостью и умелостью, в то время как Катька и безымянный герой занимают роль менее мастеровитых напарников.

Герои обеих историй занимаются попрошайничеством. Но просьбы о милостыне длятся недолго. Зоркий Мишка замечает полицейского и сразу же оповещает об этом подругу: *«Катюшка, беги!!!»* («О мальчи-

¹ См. также: [Зименкова 2015; Калениченко, 2002; Напцок, Меретукова, 2017; Пузырева, 2018] и др.

ке и девочке, которые не замерзли». 1894). Яшка, явно опасаясь возможно скорого появления представителей правопорядка, просит товарища поторопиться: «*Айда, айда скорее!..*» («В сочельник». 1899). В данной ситуации есть еще одна параллель: более «матерый» подельник оказывается успешнее в проделанной работе. Мишка ловко обманывал Катьку, приуменьшая собранную ими сумму. Яшка, пользуясь эзоповым языком, сообщает, что великодушная барыня «подарила» ему деньги, кошелек и даже своей платок.

Мальчик и девочка направляются в кабак, а другая пара героев держит путь в лавку. В схожих формулировках они бранят хозяев своего жилья: «*Вишь сколько! Черта ей еще надо, ведьме?*» («О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894), — говорит сам с собой Мишка; «*За квартиру заплатим... Получи, ведьма!*» («В сочельник». 1899) — жалуется на хозяйку Яшка.

Дети завершают свой святочный вечер за ужином в теплом кабаке. Взрослые жулики, аккуратно припрятав «*коробку мармелада, бутылку прованского масла и две больших вареных колбасы*» (Там же), покидают лавку. Когда герои вышли на пустынные глухие улицы, им подвернулась очередная удача — некий пьяный одетый в шубу мужчина шел впереди них. Главный герой рассказа «В сочельник», от лица которого и ведется повествование, дает небольшое пояснение, почему именно этот наряд является наиболее предпочтительным для лиц его профессии — у шубы отсутствуют пуговицы, а значит, и насильно снять ее с человека проще, чем любую другую зимнюю одежду. Интересно, что у мальчика и девочки тоже есть свои соображения относительно данного предмета. Когда просишь милостыню, важно обращать внимание на то, во что одет человек. Если прохожий не имеет теплого пальто, то и шансов на хорошую сумму немного, если же пальто теплое — шансы увеличиваются, но если проплывшая мимо фигура укутана в шубу, то это лучший из всех возможных вариантов.

В соответствии с законами жанра святочного рассказа, счастливые случайности преследуют героев. Мишка и Катька находят своего «*ба-тюшку-барина*», и тот, с легкостью распахнув необремененные пуговицами полы своей шубы, вынимает для настырных попрошаек двугривенный. Яшке и безымянному герою не так повезло. Человек в шубе оказывается «*широкоплечий, росту немало*» («В сочельник». 1899) и, несмотря на пьяное состояние, вовремя замечает крадущихся позади негодаев.

Вкрапление интертекстуальных связей с произведениями других авторов начинается с эпизода неудачной попытки ограбления. Нельзя не заметить в нем намеренную аберрацию сюжета гоголевской «Шине-

ли». Горький в свойственной для него манере переворачивает классическую историю с ног на голову. На месте маленького человека оказывается не низенький титулярный советник, а высокий и широкогрудый податной инспектор, и на плечах у него не шинель, а шуба. Таким образом, данная ситуация является своеобразным спором с классиком, у которого в финале повести имеющее «*богатырскую наружность*» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 144) значительное лицо лишается своей шинели быстрее и проще самого Башмачкина. Если мы еще раз взглянем на семантику одежды, имея в виду указанные только что сюжетные перестановки, то станет очевидным, что шинель, застегнутая на шесть пуговиц спереди и туго затянутая хлястиком сзади, являет нам образ человека зажатого, стиснутого рамками внешних и внутренних ограничений, в то время как шуба, лишенная всей этой прижимающей ткань к телу атрибутики, предназначена для сильных людей с душой нараспашку.

Еще одна персонажная «рокировка». Замена «маленького человека» на «значительное лицо» не приводит к исчезновению образа угнетенного персонажа, а позволяет перейти к другим персонажам, в данном случае к новой версии тех самых грабителей, что лишили Башмачкина шинели. Посмотрим еще раз на приведенную выше цитату: «*Изредка вкусно поесть — большое удовольствие для маленьких людей*» («В сочельник». 1899). Не исключено, что эпитет «маленький» подбирается автором для усиления гоголевской реминисценции. Горький словно намеренно воспроизводит устоявшееся в русской литературе понятие, которое традиционно связывают именно с «Шинелью» Гоголя.

Помимо уже обозначенных горьковских «переделок», необходимо заострить внимание на более линейных связях, в основном касающихся похитителей. Из текста «Шинели» очень трудно вывести конкретную информацию относительно внешности и количества преступников, напавших на Акакия Акакиевича, однако можно строить предположения. Например, известно, что нападавших как минимум было двое: один говорит: «*А ведь шинель-то моя!*» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 134), — после чего хватает жертву за воротник, а второй приставляет к лицу кулак и добавляет: «*А вот только крикни!*». Конечно, важной «зацепкой» будут усы, которыми, к слову, точно обладает один из горьковских ворюшек: «*речь этого человека очень гладко лилась из его уст, полузакрытых жесткими и рыжими усами*» («В сочельник». 1899). Само городское пространство, послужившее местом преступления, представлено у обоих писателей как малолюдное и наводящее ужас. У Гоголя: «*Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторо-*

нам: *точное море вокруг него*» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 134]. У Горького: *«Места у нас в тех краях глухие были, пустынные, бывало, зимой после шести часов вечера на улицах — ни души! А ежи и появятся какая-нибудь фигура, так уж душу свою непременно в пятках несет»* («В сочельник». 1899).

Рассказ «В сочельник» определенно соотносится с «Шинелью» Гоголя. Как показывает статья О.С. Сухих и В.Н. Плющ, рассказ «О мальчике и девочке, которые не замерзли» имеет жанровые корреляции с классическим рождественским текстом Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». По мнению исследователей, мрачной концовке Достоевского Горький предпочитает оптимистичный настрой, более свойственный рождественскому творчеству Диккенса (2022). Достоевский постоянно расширяет художественное пространство, доводя его масштаб «до космоса» [Сухих, Плющ, 2015, с. 304], в то время как Горький, напротив, стремится художественное пространство сузить. В рассказе «О мальчике и девочке, которые не замерзли» неприятие писателем традиционного святочного сюжета педалируется как в начале, так и в конце произведения. Обрамление рассказа авторской интенцией и акцентный заголовок иллюстрируют эксплицитную модель горьковской деконструкции.

Еще один важный признак святочного рассказа — это наличие нечистой силы. Дети недобрым словом вспоминают сдающую им помещение тетку Анфису: *«Черта ей еще надо, ведьме?»* (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894). Данную характеристику Анфиса получила за постоянное пьянство и неприятную привычку пороть своих маленьких квартиросъемщиков. Были бы Мишка и Катька угодившими в ловушку ведьмы Гензелем и Гретель, если бы сами не оборачивались злыми духами: *«Убегли, чертенята!»*, — бурчит себе под нос прогнавший попрошайек полицейский. *«А чертенята бежали и хохотали»*, — вторит своему герою автор. Речь самого Мишки переполнена самыми разнообразными чертыханиями: *«Не видал, черт!»*, *«Чертова кукла!»*, *«Будет... ну те к черту!»*, *«Черта ей еще надо»* (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894).

В классическом святочном рассказе нечистая сила всегда амбивалентна: каждая пакость, учиненная встретившему ее герою, — это проверка на прочность искренности его праздничного чувства. Мишка и Катька нагло кидаются под ноги прохожим, бранятся у них за спиной, строят планы на кражу башмаков, в то же время они испытывают людские добродетели: щедрость барина и барыни, пожертвовавших детям немного денег, снисходительность полицейского, который добродушно улыба-

ется им вслед, терпеливость буфетчика. При этом нельзя не отметить, что «демонизация» детских образов не укладывается в жанровый канон.

Все вышесказанное в полной мере соотносится с сюжетом рассказа «В сочельник». «За квартиру заплатим... Получи, ведьма!» (Максим Горький. «В сочельник». 1899), — вспоминает Яшка «благочестивую» старушку, у которой герои снимают комнату в подвале. Когда инспектор спускается с нечистью в ее подземное царство, истинная роль встреченных им жуликов становится ему по-настоящему ясна: «У вас тоже гад-ко... Но слушайте вы, черти!». В дальнейшем монологе фраза о жене: «Привыкаешь к ней, заботишься о ней, чувствуешь к ней жалость, черт ее возьми!» частично повторяет автохарактеристику главного героя: «Я, видите ли, неудачник, черт бы меня взял...».

Как и подобает святочной нечисти, заманив несчастного в ведьмин дом, она старается обольстить его. Но инспектор проходит испытание. Только оказавшись в обществе двух откровенных негодяев, он осознает, что альтернативой наскучившей ему мертвой семейной жизни может быть этот адский подвал. Внутреннее родство с подобными существами — вот основание его страха. Уместно здесь будет вспомнить слова другого известного горьковского героя — также жителя «загробного» мира с характерной инфернальной фамилией Сатин: «Он... поддельствовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...» (Максим Горький. Собрание сочинений. Т. VI. 1950. С. 166).

Зафиксировав данную «игру» Горького со святочным жанром, вновь обратимся к гоголевскому интертексту. Теперь, когда становится ясно, что на образном уровне жулики тесно связаны с нечистой силой, сцена неудачной попытки ограбления еще больше становится похожа на аналогичную сцену у Гоголя. Вспомним, как, застав призрак Акакия Акакиевича, значительное лицо почувствовало «такой страх» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 144), что стало опасаться «болезненного припад-ка», после даже скинуло «поскорее с плеч шинель» и закричало кучеру: «Пошел во весь дух домой!». Сравним с тем, как горьковский инспектор покидает чертов подвал: надев шубу, он «с испугом посмотрел на меня большими телячьими глазами и вздрогнул, точно озяб» (Максим Горький. «В сочельник». 1899), а затем, поднявшись на улицу, крикнул: «Извозчик!...». Как видим, здесь значительное лицо оказалось чуть отважней, испугалось не сразу и одежду свою отстояло, однако, пусть и хитростью, но все же злобным духам удалось заполучить частичку инспекторской шубы — Яшка вытащил из кармана кошелек. Еще один показательный пример искажения канона — удача в финале рассказа должна ждать несчастных и невинных, а не подлых воришек.

Святочный рассказ «Извозчик» интересен по двум параметрам: повествование вновь строится через непрерывное наложение чужого классического сюжета на сюжет собственный, нечистая сила предстает в более традиционном для святочного жанра виде.

Главный герой горьковского рассказа Павел Иванович услышал от извозчика об одной старой купчихе, скопившей много денег. Вооружившись утюгом, накануне праздника мужчина направляется в дом старухи, где убивает сначала ее дочь, а потом и ее саму. На украденные деньги он делает целое состояние и становится известным и уважаемым человеком в своем городе. Мучимый переживанием о том, что он убил и ничего не почувствовал, Павел Иванович решает рассказать людям о своих преступлениях. После признания, как в самом типичном святочном рассказе, все события оказываются сном.

Несложно разглядеть в данной истории отпечаток «Преступления и наказания». Сам Горький в пародийной форме также намекает на выбранный им трафарет: «Я не Раскольников, не идеалист» (Максим Горький. «Извозчик». 1895), — говорит о себе герой, когда еще только рассуждает об убийстве. «Тем топориком, которым колют сахар?» — выбирает он далее орудие преступления. Но Горький производит целый ряд «знаковых» перестановок. Так, топору Раскольникова Павел Николаевич предпочел утюг. У Достоевского сначала убивают старуху-процентщицу, а затем ее сестру, Горький заменяет сестру на дочь и меняет местами порядок смертей. Как мы помним, Раскольников так и не воспользовался награбленным. Деньги, украденные Павлом Николаевичем, принесли много материальной пользы ему и его семье. В основе идеологии Раскольникова лежал волюнтаризм Наполеона, идеология Павла Николаевича сопрягается со стоицизмом Протагора (подробнее о других пересечениях сказано в статье А. В. Гик «Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский)»).

Если совершенные героем Горького убийства явно возникают в произведении под влиянием «Преступления и наказания», то фигура извозчика определенно списана с одного из персонажей «Братьев Карамазовых». Мы имеем в виду того таинственного незнакомца, с которым общается Иван в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича». Черт-извозчик Горького, как и черт-лакей Достоевского, появляются в качестве проекции внутреннего голоса героя. Общение Ивана Федоровича и Павла Николаевича с воображаемой нечистой силой приводит каждого к признанию совершенного им убийства. Таким образом, в признании Павла Николаевича сливаются и признание Раскольникова, и признание Карамазова.

Любопытен сам выбор Горького: почему демоном-искусителем становится именно извозчик? Интересную точку зрения высказывает А. Вдовин в статье «Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета». Как считает автор, выбор извозчика на роль искусителя отражает личную неприязнь Горького к «простому народу». Как известно, писатель был критически настроен к классу крестьян, среди которого встречались так называемые «ваньки» — крестьяне, приезжавшие со своей лошадью в город, чтобы временно подзаработать извозчицким ремеслом.

В статье Вдовина также анализируется генеалогия и морфология частотного в русской литературе XIX века сюжета об искушаемом деньгами извозчике. Традиционно в основе конфликта данного сюжета лежала ситуация «дьявольского искушения героя (как правило, неожиданным богатством) с последующим преступлением (где-то совершаемым, где-то нет)» [Вдовин, 2023, с. 112]. Автор подмечает, что, преобразовав искушаемого в искусителя, Горький «перекроил» сюжетный шаблон. С нашей стороны мы хотели бы дополнить данное умозаключение. В рассказе также сохранился и каркас традиционного варианта сюжета. Общаясь с Павлом Николаевичем, извозчик рассказывает, как зарождался его собственный помысел об убийстве ради кражи, а уже затем прививает этот помысел собеседнику.

Возможно, ответ на вопрос о возникновении образа извозчика кроется в первом святочном тексте Горького «О мальчике и девочке, которые не замерзли». К извозчикам направляется осчастлививший детей барин в теплой шубе. В один момент Катька наблюдает, как случайный человек только что покинул теплое здание и сразу запрыгнул в повозку. Понимание того, что у нее с Мишкой нет возможности воспользоваться услугами извозчика и поскорее добраться до дома, заставляет девочку еще сильнее чувствовать уличный холод. Обратим внимание на описание внутренней обстановки кабака, куда дети приходят отметить наступивший праздник: *«В густой, дымчатой мгле сидели за столами извозчики, босяки, солдаты, между столов сновали идеально грязные половые, и все это кричало, пело, ругалось...»* (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894). Среди *«всего этого»* также расположился и Мишка, который, *«откинувшись на спинку стула, с важной миной хорошо поработавшего ломового извозчика — сосредоточенно крутил себе сигарку из махорки»*. Извозчик в жизни двух подрастающих преступников становится, с одной стороны, объектом для чисто внешнего подражания, с другой стороны, неким жизненным ориентиром, человеком одновременно приближенным сразу к двум мирам: бо-

сяцкому миру бедности и грязи и миру плотно набитых кошельков, иногда готовых поделиться копеечкой или гривенником. В итоге дети, имеющие в основе своего образа святочного чертенка, на периферии образа также содержат свойства извозчика.

Не исключено, что и образ старой купчихи имеет корни не только в старухе-процентщице, но и в тетке Анфисе. Данное предположение также можно подкрепить текстологическим пересечением. Сопоставим слова Мишки: *«Черта ей еще надо, ведьме?»* (1894), и слова извозчика: *«Накопила, дьявол»* (1895). Обе героини обладают демоническими коннотациями.

Теперь перейдем от «Извозчика» к рассказу «В сочельник» (1899). Главным образом здесь придется говорить о двух семьянинах: Павле Николаевиче и податном инспекторе. Оба героя в сочельник бегут праздника. Павел Николаевич отгораживается ото всех стеной собственных мыслей, инспектор, напившись, слоняется один по городу. Вскоре каждый находит себе компанию, в диалогах с которой делится своими переживаниями. *«Ну, и отсохло у тебя сердце и все лучшие чувства с ним. И стал ты как дерево»*, — говорит Павлу Николаевичу извозчик. Сравним с монологом инспектора: *«От привычки ко всей этой деревянной дряни — сам деревенеешь»*, *«У меня жена ради мебели и существует, ей-богу! Она уже и сама стала деревянная...»*. Когда Павел Николаевич собирает гостей, чтобы признаться в убийствах, все окружающие ему неприятны: *«принимал поздравления и тосты и презрительно думал о людях, собравшихся вокруг него»* («Извозчик». 1995). Вот как отзываясь о постояльцах своего дома податной инспектор: *«это полумертвые люди»* («В сочельник». 1899), *«Мне с ними — невыразимо скучно, я задыхаюсь от запаха их речей...»*.

Для горьковских героев встреча с нечистой силой оказывается положительной, она помогает осмыслить и преодолеть свою проблему. История перевоплощения Павла Николаевича и податного инспектора во многом повторяет путь Эбенизера Скруджа из «Рождественской песни в прозе». Более очевидна данная связь в рассказе «Извозчик». Павел выполняет ту же роль, что и Скрудж, а извозчик, очевидно, ту же, что и Дух будущего Рождества.

Заключение

Подведем итог вышесказанному. Деформация канонических черт жанра рождественского рассказа происходит вместе с фрагментарным изменением как чужих, так и собственных литературных сюжетов. Каждый рассказ построен на фундаменте классического произведения.

«О мальчике и девочке, которые не замерзли» и «Извозчик» — на текстах Достоевского, «В сочельник» на «Шинели» Гоголя. Бедный ребенок из рассказа «Мальчик у Христа на елке» распадается на двух чертенят-беспризорников, призрак Акакия Акакиевича двоится на чертей-жуликов, бес из романа «Братья Карамазовы» впитывает популярный литературный сюжет об искушаемом извозчике и обретает семантику святочной нечисти.

Таким образом, святочные рассказы Максима Горького представляют собой значимый вклад в развитие жанра. Писатель внедряет интертекстуальную связь и преобразует традиционные элементы в новый контекст.

Пародийный подход Горького к классическим святочным рассказам служит не только критикой устоявшихся литературных норм, но и побуждает читателя к осмыслению современных ему этических и социальных вопросов.

Стремление автора к переосмыслению традиций подтверждает значимость Горького как прогрессивного писателя, который, опираясь на предшествующие литературные каноны, в том числе стремился создать произведения, по-новому отражающие реалии социального неравенства.

Библиографический список

Вдовин А. Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета // Новое литературное обозрение. 2023. № 4. С. 109–122.

Гик А. В. Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский) // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения писателя. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 157–165.

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. Становление жанра. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 552 с.

Зименкова Н. И. Рождественские рассказы М. Горького в контексте жанровой традиции // Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Книги, 2015. С. 35–41.

Калениченко О. Н. Святочные и пасхальные рассказы М. Горького и искания начала XX века // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения: материалы Международной конференции. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2002. 130 с.

Напцок Б. Р., Меретукова М. М. Жанровые инварианты и своеобразие поэтики рождественской прозы (на материале русской литературы XIX — нач. XX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. Вып. 2. С. 144–149.

Пузырева Л. В. Спор в жанре святочного рассказа (Ф. М. Достоевский и М. Горький) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4. С. 17–28.

Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. Вып. 2. С. 113–127.

Сухих О. С., Пляущ В. Н. Святочный рассказ в художественном осмыслении Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке») и М. Горького («О мальчике и девочке, которые не замерзли») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 109–122.

Источники

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. III. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.

Горький М. В сочельник, 1899. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/v-sochelnik.htm>

Горький М. Извозчик, 1895. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/izvozchik.htm>

Горький М. О мальчике и девочке, которые не замерзли, 1894. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/o-malchike-i-devochke.htm>

Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VI. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. 568 с.

Диккенс Чарльз. Рождественская песнь в прозе / пер. с английского яз. Т. Озерской. СПб.: Издательство «Качели», 2022. 159 с.

References

Vdovin A. The Devilish Temptation of a Cab Driver: The Genealogy and Sociology of a Popular Literary Plot. *Novoeliteraturnoeobozrenie*=New literary review, 2023, no. 4, p. 109–122. (In Russian).

Gik A. V. A Holy story as a palimpsest (Gorky, Kuzminand, Dostoevsky). *MaterialyMezhdunarodnoynauchno-prakticheskoykonferencii, posvyashchennoj 200-letiyu so dnyarozhdeniyapisatelya*= Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 200th anniversary of the writer's birth. Moscow, 2022, p. 157–165. (In Russian)

Dushechkina E. V. Russian Yuletide short story. Formation of the genre, Moscow, 2023. 552 p. (In Russian)

Zimenkova N.I. Christmas stories by M. Gorky in the context of genre tradition. *Sbornikstatey po materialamVserossiyskoynauchnoykonferentsii s mezhdunarodnymuchastiem. NizhegorodskiyGosudarstvennyyuniversitetim. N.I. Lobachevskogo*= Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, 2015, p. 35–41. (InRussian).

Kalenichenko O.N. Christmas and Easter stories by M. Gorky and the searches of the early 20th century. *Maksim Gor'kiyiliteraturnyeiskaniya XX stoletiya. Gor'kovskiechteniya. MaterialyMezhdunarodnoykonferentsii*= Maxim Gorky and the Literary Searches of the 20th Century. Gorky Readings. Proceedings of the International Conference, Nizhny Novgorod, 2002, 130 p. (In Russian).

Naptsok B.R., Meretukova M.M. Genre invariants and the uniqueness of the poetics of Christmas prose (based on Russian literature of the 19th — early 20th centuries). *VestnikAdygeyskogogosudarstvennogouniversiteta*= Bulletin of the Adyge State University, 2017, iss. 2, p. 144–149. (InRussian).

Puzyreva L.V. Dispute in the genre of the Christmas story (F.M. Dostoevsky and M. Gorky). *Izvestiya Smolenskogogosudarstvennogouniversitet* = News of Smolensk State University, 2018, no. 4, p. 17–28. (InRussian).

Starygina N.N. Yuletide short storyas a genre. *Problemyistoricheskoypoetiki* = Problems of Historical Poetics, 1992, iss., 2. p. 113–127. (In Russian).

Suhih O.S., Plyushch V.N. A Christmas story in artistic comprehension of F. Dostoevsky (“The beggar boy at Christ's Christmas tree”) and M. Gorky (“About a boy and girl who were not frozen”). *VestnikNizhegorodskogouniversitet aim. N.I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2015, no. 3, p. 109–122. (In Russian).

List of Sources

Gogol N.V. Complete Works and Letters: in 17 vols. Vol. III, Kyiv, 2009. 688 p. (In Russian)

Gor'kiyM. On Christmas Eve, 1899. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/v-sochelnik.htm>

Gor'kij M. Cabman, 1895. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/izvozchik.htm>

Gor'kij M. About a boy and a girl who did not freeze, 1894. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/o-malchike-i-devochke.htm>

Gor'kij M. Collected works: In 30 vols. Vol. VI. Moscow, 1950. 568 p. (In Russian)

Dickens Charles. A Christmas Carol in Prose. Translation from English by T. Ozerskaya. Saint Petersburg, 2022. 159 p. (In Russian)

ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА И ПОНЯТИЯ ЧУДА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И. П. Черкасова

Ключевые слова: чудо, Николай Чудотворец, аксиология, доминанта, смысл, поэзия

Keywords: miracle, St. Nicholas, axiology, dominant, meaning, poetry

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-08)

Введение

Феномен поэтического слова является объектом осмысления на протяжении столетий, поскольку выступает одним из центров сопряжения многочисленных пространств: мышления и смыслообразования, семиотики и аксиологии, языка и литературы и др. «Мы живем в словах языка, в образах поэзии и изобразительного искусства и в формах музыки, в области религиозного представления и религиозной веры. И только здесь мы „знаем“ друг друга», — пишет Э. Кассирер [Кассирер, 1998, с. 83]. Словесным основанием бытия называет поэзию М. Хайдеггер [Хайдеггер, 2017, с. 16]. Обладая такими характеристиками, как сгущение смысла, синергия, концептуализация ценностных категорий, кристаллизация аксиологических доминант, поэтический дискурс апеллирует к рациональному познанию особым способом, формируя триаду: образ — чувственное познание — рациональное познание. Одновременно происходят три разнонаправленных процесса: а) демонстрация мира в его единстве и взаимосвязях посредством синергии, основанной на синестезии и метафорике; б) репрезентация палитры смыслов, казалось бы, определенного понятия посредством контекстного переосмысления слов, окказионализмов; в) возвращение к базовой дихотомии бытия «добро — зло», актуализируемой за счет оценочной лексики, эпитетов, антитезы и др. Р. Якобсон характеризует поэзию как язык в его эстетической функции, и, например, в качестве важнейшей черты поэзии А. С. Пушкина он называет неуничтожаемое внутреннее напряжение, именуемое «бессмертием поэта» [Якобсон, 1987, с. 218, 275]. В системе исследований дискурса, названного В. З. Демьянковым специальным термином наук о человеческой духовности [Демьянков, 2007, с. 95], поэтический дискурс занимает особое место. В. И. Карасик считает определение

поэтического текста одной из заманчивых задач, которую авторы пытаются решить веками, и в качестве ключевой характеристики поэзии он определяет высокую степень смысловой концентрации [Карасик, 2012, с. 260]. Современные исследования открывают новые и новые грани поэтического текста, связанные с феноменом лиризма, духовностью, культурными традициями и неподражаемостью индивидуально-авторских образов и языковых средств [Барановский, 2024, Захаркив, 2024, Лоскутова, 2023 и др.]. Ю. В. Казарин, отмечая непознаваемость, загадочность и глубинность объекта поэзии, выделяет внутреннюю и внешнюю поэтосферы, в которых, согласно мнению автора, наличествуют сферы вещества мира, звука, гармонии, красоты, времени и др., и которые, соединяясь, производят «огромной силы энергию» [Казарин, 2011, с. 25].

С другой стороны, при восприятии поэтического текста читателем одновременно актуализируются три типа рефлексии, названные Г. И. Богиним: 1) над опытом памяти при семантизирующем понимании; 2) над опытом знания при когнитивном понимании; 3) над опытом знающих переживаний при распредмечивающем понимании [Богин, 1982]. Размышляя о поэтическом языке, А. Тарковский называл его второй реальностью, сопряженной с чудом, воплощающим жизнь: «Жизнь — это чудо ... чудо и поэзия» [Тарковский, 1991, с. 224].

Приоритетными для поэтической концептуализации являются доминанты человеческого бытия. Обращаясь к основам общественного развития, мыслители акцентируют внимание на основополагающей дихотомии парадигм: аксиологической и технократической, предпочитая сосредоточиться на одной из сторон (Н. А. Бердяев, М. Гартман, Х. Ортега-и-Гассет, В. Соловьев и др.). В основе базовой дихотомии, по сути, лежит классическое взаимодействие духовного и материального, эмоционального и рационального, индивидуального и общечеловеческого начал. При этом результативность достижений определяется, прежде всего, результативностью мышления и силой веры в значимость конкретной идеи, сообразно этому выстраивается кратчайший путь между замыслом и его воплощением в жизнь. В данной связи лингвоконцептология, аксиологическая лингвистика и герменевтика обращаются именно к вопросам изучения концептов и концептосфер (Н. Ф. Алефиренко, О. А. Алимуратов, А. Вежбицкая, В. Б. Волкова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, М. А. Ткачев, А. С. Черкасова и др.). Д. С. Лихачев пишет о неоднозначности понимания сути науки и познания, утверждая возможность разных взглядов и определений: «Есть две науки: наука объясняющая и наука открывающая непосредственную данность...

Искусство как познание первично; наука же вторична» [Дихачев, 1999, с. 6, 12]. Мышление связывает парадигмы, способы познания мира, времени (прошлое, настоящее и будущее) в пространстве превращения не-реального в реальное и одновременно формирует пространство чуда.

Методы и материал исследования

Основными методами исследования стали: контекстуальный анализ, демонстрирующий изменение значения слова при появлении его в различных контекстах, а также связь лингвистического и экстралингвистического факторов, и лингвистико-герменевтический анализ, позволяющий выявить смыслы, базирующиеся на индивидуальной рефлексивной реальности автора и реципиента, многоуровневость смысла, его наращивание и кристаллизацию, а также связь смыслового пространства конкретного поэтического текста с общекультурным метапространством.

В качестве материала избраны тексты русских поэтов XIX–XX вв. Использовалась также коллекция текстов, приведенная в Национальном корпусе русского языка, предоставляющем количественные данные, а также позволяющем сделать определенные выводы о палитре смыслов и репрезентации концепта в различных типах дискурса.

Результаты исследования

374 449 975 раз встречается слово «чудо» в Национальном корпусе русского языка, демонстрируя тем самым важность обозначаемого им понятия для русской культуры, его роль в системе русской ментальности. Статистические данные показывают очевидный рост использования слова с течением времени [Национальный корпус русского языка, 2024]. Прежде всего, концепт чуда восходит к религиозному дискурсу, понятиям церкви и веры в свете видения П. Флоренского: «Конечно, вЪ св. Церкви все — чудо: и таинство — чудо, и водосвятнѢй молебѢнЪ — чудо, и каждая икона — чудо, и каждое пѢснопѢнїе — не иное что, какЪ чудо. Да, все — чудо вЪ Церкви, ибо все что ни естѢ вЪ ея жизни, — благодатно, а благодатѢ божїа и естѢ то единственное, что достойно имени „чудо“» [Флоренский, 1914, с. 122]. С другой стороны, детально рассматривая данное понятие, А. Ф. Лосев приводит широкую палитру точек зрения и аргументов, расширяя его смысловое поле. Определяя «чудо» как социальное и историческое явление, мыслитель утверждает, что весь мир и все его составляющие, все живое и неживое «одинаково суть миф и одинаково суть чудо» [Лосев, 1994, с. 158, 183]. Еще одну общечеловеческую грань называет Г. Г. Гадамер — это чудо понимания, обретение общего смысла в процессе взаимодействия, постижение «при-

частности душ» — несмотря на субъективность восприятия — к общему смыслу [Гадамер, 1991, с. 73].

Специфические трактовки ЧУДА существуют в различных типах дискурса: философском, религиозном, историческом, медийном, художественном и др. Словари предлагают широкую палитру значений, первое из которых состоит в том, что ЧУДО — процесс созидания, связанный с вмешательством божественных сил; также это необычное событие, которое трудно объяснить на конкретном этапе общественного развития, в конкретной ситуации [Толкавый словарь русского языка, 1940, с. 1303-1304]. Но чудо — это не только слово, но и концепт, и феномен, обретаемый в культуре [Литвинов, 2009].

Неповторимую репрезентацию концепт ЧУДО получает в религиозном дискурсе посредством христианских образов. В этой связи к памяти о нем и его образу обращались и обращаются священнослужители и верующие, историки, философы и филологи во все времена: первые литературные источники исследователи относят к IV веку (А. В. Бугаевский), размышляют они о святом и его деяниях и в наши дни (Блаженный Симеон Метафраст, архимандрит Антонин (Капустин), диакон Иеромонах Иаков (Воронцов) и др.; Н. М. Сперанский, А. И. Соболевский, А. В. Бугаевский, Т. Ф. Владышевская и др. [Добрый кормчий, 2011]). Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл называет Николая Чудотворца нашим национальным святым, традиция особого почитания которого стала важной составляющей русского народа [Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, 2023].

Высокая компрессия эссенциального смысла характерна для поэтического дискурса, в котором религиозные прочтения получают специфическое воплощение, дополнительные коннотации и индивидуально-личностную окраску, базирующуюся на неповторимой рефлексивной реальности реципиента, что делает смысл глубоким, персональным, многогранным и неисчерпаемым одновременно. Николай Чудотворец выступает в поэтических текстах прежде всего как символ веры, надежды, народных упований; прецедентное имя создает интертекстуальное пространство, восходящее к древнейшим славянским рукописям [Макеева, 2011]. Формируемое имплицитное сравнение могущества власти царской (высшей на земле) и силы духовной способствует утверждению первичности мира духовного по отношению к миру земному, иллюзорность всесия мирской власти и безграничное могущество Святости:

*К Николаю-чудотворцу,
Мирикийскому святому,*

Караван тащился русский,

А вести пришлось Толстому.

Все надежды, все надежды

В Алексее, царском сыне! К Николаю-чудотворцу

Караван его подходит... (Константин Случевский. О царевиче Алексее. 1881).

Повторы (*к Николаю-чудотворцу, караван, все надежды*), антитеза (*святой* — царская власть, символом которой становится *караван*), статичность — движение (*тащился, вести*) и акцентуация того, что караван был русским (*Караван тащился русский*), актуализируют достаточно широкие интертекстуальные и интердискурсивные связи, одновременно открывая значимость духовных ценностей для русской культуры, признание святости в качестве наивысшего духовного уровня бытия.

День Святого Николая воспевается авторами и предстает одним из самых светлых, радостных и счастливых. Величальные стихи по форме восходят к славянской гимнографии, славянским рукописным Октоихам [Йовчева, 2011]:

В день чудотворца Николая —

Сей день святее мне всего! —

Будь ложка вам колесовая

Символом сердца моего... (Николай Языков. Дорожные экспромты. 1830).

Учитывая субъектную организацию в поэтическом тексте феномена ментального «внутреннего» слуха, автокоммуникативную направленность и выбор слова с учетом смыслообразного звучания [Тюпа, 2001, с. 129], в стихотворении Н. Языкова глоссализация способствует созданию светлого праздничного настроения.

В «Песне про боярина Евпатия Коловрата» Л. А. Мей, следуя былинной традиции, открывает глубинные основы веры русского народа. Николай Чудотворец, в соответствии с народным обычаем, предстает как самый почитаемый святой, хранитель от бед, посланник Господа и заступник перед ним за праведных христиан. В «Песне» получает отражение проявление русской национальной ментальности, одной из черт которой является соизмерение поступков с христианскими заповедями и обращение к святым как в минуты радости с благодарностью, так и в минуты печали за помощью и поддержкой. Вера ведет к радости и духовной победе над злом, а безверие — к греху и наказанию:

Федор-князь,
На такой на великой на радости
В новоставленный храм **Николая Святителя,**
Чудотворца Корсунского, вкладу внес

Полказны золотой своей **княжеской...** (Лев Мей. Песня про боярина Евпатия Коловрата. 1859).

Отрывок имеет кольцевую структуру (**князь — вкладу внес полказны княжеской**), одновременно подчеркивающую русскую традицию делиться в радости всем, что имеешь. В центре круга добра — Николай Святитель, несущий Слово Божие.

Образ-смысл явления Николая Чудотворца в тексте способствует формированию четкой дихотомии, определяющей, что в мире является неприемлемым злом, а что — добром, находящимся под защитой «Божьих слуг»:

**«Не тебе, говорит ему старец, —
допрашивать
Божьих слуг, а тебя им допрашивать.
Ты скажи мне: какой лютый казнию
Подобает казнити изменника
И предателя, братоубийцу,
Окаянного кровопролителя.....»** (Там же).

Автор использует форму диалога, демонстрирующую возможность общения между святым ушедших времен и простыми людьми, живущими в разные эпохи. С другой стороны, произнесенные старцем слова раскрывают сущностную структуру бытия и подчинение мира земного миру небесному. При этом гармония между мирами зависит от соблюдения народом христианских заповедей. Единство повтора (**допрашивать, казнию — казнити**) и градации (**измена — предательство — братоубийство — кровопролитие**) указывают на безусловную неприемлемость данных деяний в христианском мире и несомненную неизбежность наказания за них.

В пространстве всей «Песни» именно явление Святого Николая выступает переломным пунктом представленной в тексте истории, позволяя утверждать, что именно заступничество «Божьего слуги» способствовало победе немногочисленного русского войска над вражескими «полками» и «тучами» хана.

В поэтическом дискурсе могущество Николая Святителя не ограничивается помощью верующим в годы войн и бедствий. В качестве еще одной добродетели *Чудотворца* авторы называют врачевание. В. Иванов, следуя традициям агиографии, представляет духовные силы Святого Николая, позволяющие ему исцелять больных или продлевать им жизнь:

Неугомонный богоборец
Критический затеял суд
С эпохами, что мифы ткут.
А мирликийский чудотворец,
Весь в бисере, в шелках цветных,

Над ним склонился, друг больных (Вячеслав Иванов. Младенчество. 1918).

Антитеза (*неугомонный богоборец — мирликийский чудотворец*), эпитеты (*неугомонный, критический*) и ирония (*неугомонный богоборец, суд с эпохами*) утверждают беспредельность и безусловность силы духовного мира, независимость веры от временного исторического этапа и идеологии.

В стихотворении Н. Клюева «Вешний Никола» раскрывается дар святителя лечить не только физическую, но и духовную боль.

Нет мочи ни ночью, ни днем.
В тоске распахнула оконце —
Все празелень хвой да рябь вод.
Гладь, в белом худом балахонце
По стежке прохожий идет.
Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль **Божий бегун**,
И слышу: «**Я Вешний Никола**», —

Усадней сказительных струн (Николай Клюев. Вешний Никола. 1915–1917).

Структура отрывка демонстрирует смену настроения и состояния говорящего: от тоски к духовной радости. Вешний Никола определяется антитезой внешнего облика (*в белом худом балахонце, прохожий, странник, подпасок, Божий бегун*) и целительного воздействия на душу случайно встреченного на пути человека. Фольклорные мотивы, просторечие, эпитеты создают неповторимую поэтическую атмосферу. Удивительная

синестезия (*усладней сказительных струн*) передает наивысший уровень восхищения Святителем и поклонения ему.

Следуя смысловой нагрузке текста, можно говорить о том, что абсолютное добро, милосердие и сострадание не знают границ и сословий. Метафорически представлена данная идея в стихотворении А. К. Толстого «Доктор божией коровке...»:

*Доктор божией коровке
Назначает randevu...
Кем наставлена, не знаю,
К чудотворцу Николаю
(Как то делалось встарь)
Обратилась **божья тварь**.
Грянул гром. В его компанье*

***Разлилось благоуханье ...** (Алексей Толстой. Доктор божией коровке ... 1868).*

Светлая ирония, базирующаяся на персонификации и гиперболизации, формирует идею абсолютной силы добра и демонстрирует, что могущество, данное Святителю, безгранично. Одновременно сочетание **божья тварь** является аллюзией к тексту Нового Завета и напоминает о единстве происхождения всех живых существ, единстве мира в целом.

В поэтическом цикле, созданном в стиле народной поэзии, С. Есенин именует святого *Миколой* и изображает простым и необыкновенным, одновременно близким людям и приближенным к Богу. Святой выступает символом гармонии, единения Божественных сил, природы и человека посредством веры, доверия и самоотдачи. Внешняя простота (*В шапке облачного скола, / В лапоточках, словно тень*) противопоставляется возможностям духовного созидания милостника Миколы (*И с земли гуторит с богом / В белой туче-бороде*):

*В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень...
Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с богом*

В белой туче-бороде (Сергей Есенин С. Микола. 1913–1914).

Слово «милостник» восходит к XII–XIII вв. и означает категорию княжеских слуг [Фроянов, 2012, с. 685]. В контексте поэтического цикла понятие милостник, связывая времена и эпохи, получает переосмысление и означает: получение благодати, способностей, дарованных свыше, и преданное служение Творцу. Аллитерации, ассонанс, повторы создают музыкально-мелодический эффект, сближая поэтический текст с народной песней. С. Есенин характеризует Миколу с помощью эпитета *ласковый*, позволяющего воспринимать святого как близкого и родного человека.

Автор обращается к персонификации, позволяющей ему «преобразить и одухотворить» мир природы:

*Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив...
Заневестилася кругом
Роща елей и берез...
Осень роищи подожгла...* (Сергей Есенин. Микола. 1913–1914).

Слияние физического, метафизического и интерфизического миров [Казарин, 2011, с. 29–30] создает неповторимый поэтический образ, открывая тем самым единение Миколы с природой, глубинное понимание им окружающего мира, диалогическое общение с растениями, животными.

В тексте формируется идея духовной близости Миколы русскому народу:

*...О мой верный раб Микола,
Обойди ты русский край...
Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют* (Там же).

Антитеза (*бедах — победах*) и экспрессивные конструкции, восходящие к оксюмору (*верный раб, нищий уют*), в сопряжении с негативно окрашенными эпитетами (*в черных бедах, вытерзанный люд*) и повелительными конструкциями характеризуют противоречивость мировых процессов и потребность человека в вере.

В стиле волшебного сказа представляет деяния святого А. Рославлев, называя его *Никола милостивый* и повествуя о том, как в бедный дом вдовицы он принес достаток:

К горемычной вдовице убогий

Пришел под окно.

Попросил Христа ради ночлега...

Диво дивное! Пучится тесто из кади,

Ползет через край (Александр Рославлев. Никола милостивый, 1915).

Образ Николая Чудотворца (*убогий — угодничек Божий*) определяет концепцию миропостроения: сотворение добра — умножение добра — утверждение веры.

Догадалась: угодничек Божий

Был в гостях у нее...

С той поры каждый день у вдовицы

В тесной жаркой избе, во дворе, у ворот

Нищий люд копотливо ютится,

Молитвы поет (Там же).

Утверждению концепции приумножения деяний способствует использование эпитетов (*горемычная вдовица, дивное диво, нищий люд, тесная жаркая изба*) и градации (*В тесной жаркой избе, во дворе, у ворот*).

Если следование правилам веры и почитание Николая Святителя ведут к духовному преображению, то отречение становится началом потрясений и бед. Разрушительные результаты отказа от веры образно передает в своем стихотворении М. Цветаева (1918):

Коли красною тряпкой затмили — Лик,

Коли Бог под ударами — глух и нем,

Надо бражникам старым засесть за холст,

Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам — ползть,

Конь на всаднике должен скакать верхом,

Новорожденных надо поить вином... (Марина Цветаева. 1994. С. 396–397).

Используя «механику безадресной речи», характерную для фольклора [Бродский, 1989], М. Цветаева передает всеобъемлющий характер

происходящего. Под Ликом понимается икона Николая Чудотворца. Учитывая тот факт, что пунктуация является эстетически рефлексивной категорией идиостиля М. Цветаевой, актуализирующей смысловой центр предложения [Сафронова, 2004, с. 5–6], расширяя функции пунктуационной системы, автор достигает приращение смысла. Параллелизм структур, анафора, градация и специфика использования пунктуации постепенно открывают безрассудство мира, предпочитающего вражду вере; следствием подобного выбора предстает безумие, переворачивающее все составляющие естественного человеческого бытия и ведущее к вырождению человечества.

В годы потрясений Николай Чудотворец становится символом спасения, знаком соединения стихий земли и моря. В ноябре 1941 г. А. Тарковский создает поэтический цикл «Чистопольская тетрадь», одно из стихотворений которого начинается следующими строками:

*Вложи мне в руку Николин образок,
Унеси меня на морской песок,
Покажи мне южный морской парусок.
Горше горького моя беда,
Слаще меда морская твоя вода.*

Уведи меня отсюда навсегда (Арсений Тарковский. Вложи мне в руку Николин образок... 1941).

В основе текста многоуровневый синтаксический параллелизм и антитеза: земля — море (вода), горе — счастье, здесь — там, горький — сладкий, беда — радость. В результате формируется дихотомия бытия, связывающая посредством образа *Никола Чудотворца* реальность с альтернативным метафизическим миром мечты.

С течением времени на базе накопленного исторического опыта значение образа святого претерпевает изменения, обретая умноженную силу, генерируя и кристаллизуя тайну и таинство силы веры и добра, подвиг человека Творцу, акцентируя необходимость созидания в мире:

*Великий праздник! И хозяйка рада,
Что Бог послал ей гостя в этот день...
Мы говорим о прадедах и дедах,
О старых бедах и о новых бедах...
Гори, лампада ясная, мерцай,*

Спаситель с нами, с нами Николай (Геннадий Иванов. На Николу. 2008).

Автор именует день памяти *Великим праздником*, объединяющим прошлое и настоящее (*Мы говорим о прадедах и дедах*), сохраняющим историю поколений. Лампада становится символом света, веры и единения народа, душевного мира, защитниками которого являются *Спаситель и Николай Чудотворец*.

День памяти Святого становится днем духовного преображения:

*Сегодня день **Николаы Чудотворца** —*

*Особая, **святая благодать**.*

Душа** поет, щемит приятно **сердце

*И хочется **молиться и познать***

Дела и тайны мудрого угодника,

Хранящего века родную Русь. (Константин Белый. К 19 декабря.

2010).

Лексика текстового пространства апеллирует к основополагающим понятиям праведного бытия: *святость, благодать, душа, сердце, откровение (молитва и познание), дела, таинства, мудрость, сохранение, родина, Русь*, структурируя тем самым пространство традиционного христианского бытия.

Соборность является одной из важнейших черт русского народа. Храмы и часовни, построенные в честь Святителя Николая, становятся свидетельством единения земного и небесного миров, почитания святого и благодарности ему. В России образ Николая Чудотворца также выступал в качестве символа и святыни крестных ходов в память о чудесных событиях и оградительных народных обрядах, передающих общее покаяние и смирение. В тексте И. Сергеевой часовня Николаю открывается в качестве символа покаяния, русского Храма и народной веры:

Часовня у вокзала,

*у двух стальных **дорог...***

Молилась и сказала:

«Родня, храни вас Бог!»

Жизнь в узелок связала.

***Дороги** в Храм ведут...*

Родни моей не мало —

весь православный люд (Ирэна Сергеева. Часовня Святителя Николая. 2004).

Метафора узелка (*Жизнь в узелок связала*) представляет дихотомию статического и динамического оснований бытия. Аксиологическую основу статики формирует словесно выраженное триединство: часовня — Храм — Бог (православие); динамическую триаду образуют: вокзал, стальные дороги (железная дорога), дороги (духовный путь). Еще одна триада формирует идею о единстве народа: я — родня — православный люд.

Важную роль в духовной культуре играют драгоценные иконы, издревле связывающие образ и деяния Святителя Николая, красота которых способствует восприятию их духовной сущности. Образы Николая Чудотворца широко представлены в христианской иконографии. Согласно исторически сложившимся традициям, храмы стали местом поклонения святым иконам, местом свершения основных таинств (крещение, венчание). И так как в русской традиции Николай Чудотворец выступает защитником моряков, в храмах Святого моряки присягают Отчизне:

И влажнеют глаза молодых моряков,

И колени касаются пола,

И присягу Отчизне на веки веков

Освящает с иконы Никола.

Николай Чудотворец

Николай Чудотворец (Валентина Ефимовская. В Никольском соборе. 2011).

Стихотворение представляет поэтический парадокс, связывающий поэтические ограничения с ростом возможностей значимых сочетаний элементов [Лотман, 1996, с. 45–46] и ростом смысловой палитры текста. Аллитерации, ассонанс и повторы в контексте морской темы формируют двойную ассоциацию: с морским прибором, равномерно накатывающимися на берег волнами и вечностью, неизменностью, незыблемостью основ и законов бытия.

Поэтическую молитву исследователи справедливо называют феноменом русской литературы [Афанасьева, 2021], восходящим к ранней славянской традиции почитания Святителя Николая в песнопениях Октоиха. В ней получают отражение ключевые идеи и ценности православных христиан, обращающихся за помощью в делах, взывающих о мире и защите. Николай Чудотворец в текстах молитв предстает как символ осознания смысла человеческого бытия в противовес сиюминутным настроениям. Например, в стихотворении протоиерея Николая Гурьянова мы читаем:

Вложи в нас истины познание,

Дорогу к свету укажи,

Во дни скорбей и испытанья

Нас защити и поддержи!

Отчизне нашей православной

И мир, и тишину подай,

Услыши нас, великий, славный,

Святитель Божий Николай! (Протоиерей Николай Гурьянов
Святителю Николаю. 1909–2002).

Контекстуальная синонимия, а также высокая частотность использования союза «и» формируют многозначность текста: это причастность человека к бытию святого, безмерная потребность человека в его помощи, дихотомия бытия в ее сущности и др. В молитвенном дискурсе образ Николая Чудотворца появляется в единстве с образами матери, ангела-хранителя, христианских святых и христианских праздников, храмов и отечества, формируя единую картину христианского мира, взывающего к благословению Всевышнего. Н. Рерих в книге «Держава света» справедливо называет святых великими Вестниками, великими Учителями, великими Миротворцами, которые светлым познанием побеждали тьму, так как «знали вечный закон, что, давая, мы получаем» [Рерих, 1992].

Заключение

Таким образом, ЧУДО предстает не только как многозначная лексическая единица, имеющая, как правило, позитивно окрашенные значения, коннотации, рождающие смыслы, но и как феномен, обретаемый человеком в культуре. Неповторимую репрезентацию данный концепт получает в поэтическом дискурсе посредством образа Святого Николая Чудотворца, который символизирует собой абсолютную реализацию чуда, объединяющую понятия добродетели и человеколюбия в различных ипостасях и проявлениях, включающих милосердие, истинную любовь, сопереживание и кротость. Образ Николая Чудотворца, рождающий концепт в текстовом континууме поэтического дискурса, существует в тесной связи с другими образами (и концептами), связанными с сотворением чуда, святостью, духовностью (ангел, Мадонна и др.), которые присутствуют в творчестве многих поэтов (Д. Мережковский, А. Коринфский, И. Анненский, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, В. Брюсов, А. Блок, И. Бунин, И. Северянин, А. Ахматова, В. Мамонтов, А. Перекрестова и др.). В единстве взаимодействия и взаимовлияния концепты создают неразрывную систему смыслов, репрезентирующую аксиологическую осно-

ву социума и формирующую целостную концептосферу общечеловеческого и отечественного понимания ЧУДА и добра.

Библиографический список

Афанасьева Э. М. Молитвенная лирика русских поэтов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 280 с.

Барановский П. С. Лексикографическое описание поэтической системы Бориса Рыжего: квантитативный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2024. 178 с.

Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 48 с.

Бродский И. Поэт и проза. 1979. <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7908>

Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. 2007. № 51. С. 86–95.

Добрый кормчий: Почитание святителя Николая в христианском мире: сб. ст. М.: Скиния, 2011. 600 с.

Захаркив Е. В. Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 20 с.

Йовчева М. Установление памяти святителя Николая Мирликийского в византийских и славянских Октоихах X–XIV веков // Добрый кормчий: Почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скиния, 2011. С. 222–231.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012. 448 с.

Казарин Ю. В. Поэзия и литература: книга о поэзии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 164 с.

Кассирер Э. Избранное. М.: Гардарики, 1998. 784 с.

Литвинов В. П. Феномен слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология (29). 2009. № 4. С. 101–119.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного. СПб.: БЛИЦ, 1999. 160 с.

Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.

Лоскутова С. В. Метафора как средство реализации авторского ракурса в поэтическом тексте: на материале произведений современных чешских поэтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 24 с.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.

Макеева И. И. Древнейшие славянские рукописи с чудесами Николая Мирликийского. К проблеме славянского перевода // Добрый кормчий:

Почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скинния, 2011. С. 176–187.

Сафронова И. П. Эстетические функции пунктуации в поэзии Марины Цветаевой (на материале циклов «Стихи к Блоку» и «Стихи к Пушкину»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 23 с.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл слово в день памяти Святителя Николая Мирликийского. 2023. <https://pravoslavie.ru/157862.html>

Тарковский А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза. М.: Худож. лит, 1991. 270 с.

Тюпа В. И. Аналитика художественного: Введение в литературоведческий анализ. М.: Лабиринт, 2001. 226 с.

Флоренский П. Столп и утверждение истины М.: Путь, 1914. 490 с.

Фроянов И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.

Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль. М.: Водолей, 2017. 240 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. Прогресс, 1987. 464 с.

Источники

Константин Белый. 19 декабря. 2010 <https://stihi.ru/2010/12/24/2155>

Сергей Есенин. Микола, 1913–1914. <https://ilibrary.ru/text/3956/p.1/index.html>

Валентина Ефимовская. В Никольском соборе // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 905.

Вячеслав Иванов. Младенчество, 1913–1918. <https://wysotsky.com/0009/144.htm#389>

Геннадий Иванов. На Николу // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология М.: Вече, 2011. С. 782

Николай Клюев. Вешний Никола // Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 276–277.

Лев Мей. Песня про боярина Евпатия Коловрата, 1859. <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/mej/texts/vol1/95.htm>

Национальный корпус русского языка. 2024. <https://ruscorpora.ru/?ysclid=m09lm3erge919622974>

Толковый словарь русского языка в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1940. 1502 с.

Протоиерей Николай Гурьянов. Святителю Николаю // Слово Жизни, 1909–2002. <https://azbyka.ru/fiction/slovo-zhizni/>

Александр Рославлев. Никола милостивый // Молитвы русских поэтов. XX-XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 204.

Ирэна Сергеева. Часовня Святителя Николая // Молитвы русских поэтов. XX-XXI. Антология. М.: Вече, 2011. С. 634.

Константин Случевский. О царевиче Алексее // Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2004. 816 с.

Арсений Тарковский. Вложи мне в руку Николин образок... // Чистопольская тетрадь, 1941. <https://primoverso.ru/stihi-russkie/stihi-arseniy-tarkovskiy/stihi10264.shtml>

Алексей Толстой. Доктор божией коровке... // Медицинские стихотворения, 1868. <https://www.culture.ru/poems/48066/medicinskie-stikhotvoreniya>

Марина Цветаева. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640с

Николай Языков. Дорожные экспромты, 1830. <https://poesias.ru/rus-stihi/stihi-yazykov/stihi-yazykov10078.shtml>

References

Afanasyeva E. M. Prayer lyrics of Russian poets, Moscow, 2021, 280 p. (In Russian).

Baranovsky P. S. Lexicographic description of Boris Ryzhy's poetic system: a quantitative aspect. Cand. of Art Diss. Kaliningrad, 2024, 178 p. (In Russian).

Bogin G. I. Philological hermeneutics, Kalinin, 1982, 48 p. (In Russian).

Brodsky I. Poet and Prose, 1979. Retrieved from <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7908>. (In Russian).

Gadamer G. G. The relevance of beauty, Moscow, 1991, 367 p. (In Russian).

Demyankov V. Z. Text and discourse as terms and as words of everyday language. *Voprosy filologii* = Questions of Philology, 2007, no. S1, p. 86-95. (In Russian).

The good helmsman: The veneration of St. Nicholas in the Christian world: collection of art, Moscow, 2011, 600 p. (In Russian).

Zakharkiv E. V. Discursive words in the latest Russian and English poetry. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2024, 20 p. (In Russian).

Yovcheva M. The establishment of the memory of St. Nicholas of Myra in the Byzantine and Slavic Octoechos of the X-XIV centuries. *Dobryj kormchij: Pochitanie svyatitelya Nikolaya v hristianskom mire* = The Good Helmsman: Veneration of St. Nicholas in the Christian world: collection of art, Moscow, 2011, p. 222-231. (In Russian).

Karasik V. I. The linguistic matrix of culture, Volgograd, 2012, 448 p. (In Russian).

Kazarin Yu. V. Poetry and literature: a book about poetry, Yekaterinburg, 2011, 164 p. (In Russian).

Cassirer E. Selected works, Moscow, 1998, 784 p. (In Russian).

Litvinov V.P. The phenomenon of the word. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2009. Philology series (29), no., 4. p. 101–119. (In Russian).

Likhachev D.S. Essays on the philosophy of art, St. Petersburg, 1999, 160 p. (In Russian).

Losev A.F. Myth — Number — Essence, Moscow, 1994, 919 p. (In Russian).

Loskutova S.V. Metaphor as a means of realizing the author's perspective in a poetic text: based on the works of modern Czech poets. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2023, 24 p. (In Russian).

Lotman Yu. M. About poets and poetry: An analysis of the poetic text, St. Petersburg, 1996, 846 p.

Makeeva I.I. The most ancient Slavic manuscripts with the miracles of Nicholas of Myra. On the problem of Slavic translation. *Dobryj kormchij: Pochitanie svyatitelya Nikolaya v hristianskom mire* = The Good Helmsman: The veneration of St. Nicholas in the Christian world: collection of art, Moscow, 2011, p. 176–187. (In Russian).

Safronova I.P. Aesthetic functions of punctuation in Marina Tsvetaeva's poetry (based on the material of the cycles "Poems to Blok" and "Poems to Pushkin"). Abstract of Philol. Cand. Diss., Izhevsk, 2004, 23 p. (In Russian).

His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia gave a speech on the Memorial Day of St. Nicholas of Myra, 2023. <https://pravoslavie.ru/157862.html> (In Russian).

Tarkovsky A. Collected works, in 3 vols, vol. 2. Poems; Poems of different years; Prose. Moscow, 1991, 270 p. (In Russian).

Tyupa V.I. The analysis of fiction: An introduction to literary analysis, Moscow, Labyrinth, 2001, 226 p. (In Russian).

Florensky P. The Pillar and the affirmation of Truth, Moscow, 1914, 490 p. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Ancient Russia of the IX–XIII centuries. Popular movements. Princely and veche power: a textbook, Moscow, 2012, 1088 p. (In Russian).

Heidegger M. About poets and poetry: Helderlin. Rilke. Trakl, Moscow, 2017, 240 p. (In Russian).

Yakobson R. Works on poetics: Translations, Moscow, 1987, 464 p. (In Russian).

List of Sources

Bely K. December 19, 2010. <https://stihi.ru/2010/12/24/2155/> (In Russian).

Yesenin S.A. Mikola, 1913–1914. <https://ilibrary.ru/text/3956/p.1/index.html>. (In Russian).

Efimovskaya V. In St. Nicholas Cathedral. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011. p. 905. (In Russian).

Ivanov V. Infancy, 1913–1918. <https://wysotsky.com/0009/144.htm#389>. (In Russian).

Ivanov G. On Nikola. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 782. (In Russian).

Klyuev N. Veshny Nikola. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 276–277. (In Russian).

May L. The song about the boyar Evpaty Kolovrat, 1859. <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/mej/texts/vol1/95.htm>. (In Russian).

National Corpus of the Russian Language (NCRR), 2024. <https://ruscorpora.ru/?ysclid=m09lm3erge919622974>. (In Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes / edited by D. N. Ushakov, vol. 4, Moscow, 1940, 1502 p. (In Russian).

Archpriest Nikolai Guryanov to St. Nicholas. *Slovo Zhizni* = The Word of Life, 1909–2002. <https://azbyka.ru/fiction/slovo-zhizni/>. (In Russian).

Roslavlev A. Nikola the Merciful. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 204. (In Russian).

Sergeeva I. Chapel of St. Nicholas. *Molitvy russkih poetov. XX–XXI. Antologiya* = Prayers of Russian poets. XX–XXI. Anthology, Moscow, 2011, p. 634. (In Russian).

Sluchevsky K. K. About Tsarevich Alexei. *Stihotvoreniya i poemy* = Poems, St. Petersburg, 2004, 816 p. (In Russian).

Tarkovsky A. “Put Nikolin's icon in my hand...”. *Chistopol'skaya tetrad* = Chistopol notebook, 1941. <https://primoverso.ru/stihi-russkie/stihi-arseniy-tarkovskiy/stihi10264.shtml>. (In Russian).

Tolstoy A. “Doctor to ladybug...”. *Medicinskie stihotvoreniya* = Medical poems, 1868. <https://www.culture.ru/poems/48066/medicinskie-stikhotvoreniya>. (In Russian).

Tsvetaeva M. Collected works: in 7 vols, vol. 1. Poems Moscow, 1994, 640 p. (In Russian).

Yazykov N. M. Road impromptu, 1830. <https://poesias.ru/rus-stihi/stihi-yazykov/stihi-yazykov10078.shtml>. (In Russian).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО И МИХАИЛА БУЛГАКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Н. Карпухина, А. А. Мансков

Ключевые слова: художественный мир, художественный метод, мифопоэтика, С.Д. Кржижановский, М.А. Булгаков

Keywords: fiction world, artistic method, mythopoetics, Sigizmund Krzhizhanovsky, Mikhail Bulgakov

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-09](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-09)

Введение

Статья посвящена рассмотрению художественных установок и становлению художественного метода С.Д. Кржижановского и М.А. Булгакова в 1920–1930-е гг. Этот художественный метод формировался в общем контексте — историческом и культурном, — в котором существовали рядом два писателя начала двадцатого столетия, получившие признание гораздо позже того времени, в котором им пришлось жить. В случае с Булгаковым — через двадцать лет, в случае с Кржижановским — почти через сорок лет после ухода.

Современная научная рецепция текстов Сигизмунда Кржижановского достаточно часто происходит через призму булгаковедческих исследований [Белобровцева; Белобровцева, Кульюс, 2007; Яблоков, 1997; 2014; Карпухина, 2020; Karpukhina, 2023]. В данных исследованиях, однако, не представлен сопоставительный анализ художественного метода Булгакова и Кржижановского. Научная новизна настоящей статьи заключается в представлении комплексного анализа художественного метода рассматриваемых писателей в лингвокультурологическом и аксиологическом аспектах.

Основополагающие аксиологические константы художественного метода М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского были сформированы в историческом контексте эпохи (дореволюционный Киев, Первая мировая и Гражданская войны, Москва 1920–30-х гг.), в литературном и театральном кругах их общения. Вслед за одним из ключевых исследователей творчества Кржижановского, В. Перельмутером, мы с уверенностью можем утверждать, что писатели были знакомы и, более того, в их про-

изведениях имеется обширная аллюзионная «переключка», свидетельствующая об общности их художественного метода.

Методы и материал исследования

Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления специфики художественного метода двух писателей-модернистов начала XX века с точки зрения наиболее активно использующейся на сегодняшний день литературоведческой методологии в рамках семиотики, мифопоэтики и лингвокультурологии.

Методы, использующиеся в работе, включают лингвокультурологический и семиотический анализ текста, а также элементы сопоставительного и компонентного анализа текстовых единиц.

В качестве материала исследования выступают публицистические и художественные тексты С.Д. Кржижановского и М.А. Булгакова, а также дневниковые записи и воспоминания о них, написанные их современниками.

Общий для рассматриваемых писателей контекст эпохи создается сначала в дореволюционном Киеве. Оба родились в этом городе. Булгаков окончил Первую киевскую мужскую Александровскую гимназию в 1909 г., Кржижановский — Четвертую гимназию в 1907 г. Затем последовали годы учебы в университете с его классическим образованием. В год получения аттестата зрелости Кржижановский поступил на юридический факультет Киевского университета, где проучился до 1913 г. Одновременно с юриспруденцией он занимался в университете классической филологией и слушал лекции по истории философии. В 1909 г. Булгаков был зачислен на медицинский факультет того же Киевского университета.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война — еще одна составляющая контекста исторической эпохи формирования обоих писателей. Несмотря на то что университетское образование освобождало Кржижановского от воинской повинности, он пошел добровольцем на фронт, но вскоре был демобилизован по причине слабого зрения и занимался судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного.

Булгаков, напротив, в полной мере испытал на себе тяготы войны, будучи оперирующим хирургом, работавшим в госпиталях Красного Креста. Этот этап биографии писателя не закончился после демобилизации. В 1919 г. он был призван повторно на военную службу в ряды Белой армии (для пополнения действующих частей требовались врачи и медработники) и отправлен во Владикавказ, где шли ожесточенные бои на фронтах Гражданской войны.

Впоследствии киевские воспоминания о переломных моментах Гражданской войны нашли отражение в иронической текстовой переключке писателей. В очерке «Киев-город» (1923) Булгаков пишет: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Навивутся тогда книгоиздатели на грандиозном памятнике 1917–1920 годам. Пока что можно сказать только одно: по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил» (Михаил Булгаков. Собрание сочинений. Т. 2. 1989. С. 307–308). Эта же фраза отзовется потом и в авторских историко-философских отступлениях романа «Белая гвардия». Два года спустя Кржижановский устами рассказчика новеллы «Автобиография трупа» (1925) даст свою версию событий, происходивших тогда в Киеве: «Вся эта игра в помирушки могла бы длиться и длиться, если бы вдруг не застучали пушки.... Случай забросил меня на южный плацдарм. Город, в котором я жил, был попеременно под тринадцатью властями. Придут. Уйдут. Возвратятся. И снова. И каждая власть ввозила: пушки и штемпельные приборы» (Сигизмунд Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. 1991. С. 403–404).

М.А. Булгаков приехал в Москву в сентябре 1921 г., С.Д. Кржижановский — в марте 1922 г. В первый год жизни в столице оба писателя занимались журналистикой. Булгаков писал фельетоны, Кржижановский — короткие очерки о Москве. Позже сотрудничество с А.Я. Таировым позволило Кржижановскому преподавать в Экстемас (Экспериментальные театральные мастерские при Камерном театре). Булгаков тоже оказался связан с этим театром (постановка А.Я. Таировым «Багрового острова»).

Оба писателя принадлежали к одному и тому же московскому литературному кругу. Их общими знакомыми были известные современному читателю Андрей Белый, Борис Пастернак или не столь широко известные Георгий Шторм, первый московский сослуживец Булгакова, впоследствии сделавший все возможное, чтобы книги другого талантливого киевлянина вышли в печать; Петр Зайцев, создавший в двадцатых годах литературный кружок, где оба писателя были почетными гостями; издатель Михаил Левилов, с которым неоднозначно сложились отношения у автора «Белой гвардии» и который был большим поклонником творчества Кржижановского; блестящий актер театра Вахтангова Р.Н. Симонов и многие другие. Оба писателя выступали с чтением своих текстов на Никитинских Субботниках. С разницей в год пи-

сатели побывали еще в одном «сакральном» литературном убежище — в Доме Поэта у Максимилиана Александровича Волошина в Коктебеле (Булгаков с Л. Е. Белозерской-Булгаковой — в 1925 г., Кржижановский с А. Г. Бовшек — в 1926 г.).

Личное знакомство было, об этом упоминают многие исследователи, изучающие творчество Кржижановского и Булгакова¹. Биограф Кржижановского В. Перельмутер пишет в комментариях к повести «Автобиография трупа»: «Между этими писателями еще с киевской поры установились дружеские, хотя без особой близости, отношения; в двадцатых годах они довольно часто виделись: Булгаков бывал на выступлениях Кржижановского и (по свидетельству С. Макашина) у него в гостях»; цит. по (Сигизмунд Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. 1991. С. 685). В эссе «Прозеванный гений» В. Перельмутер приводит рассказ литературоведа С. А. Макашина, который в 1920-х гг. работал секретарем музыкальной редакции в издательстве «Энциклопедия», где Кржижановский был контрольным редактором. «Однажды за обедом в Доме Герцена (рядом с которым Кржижановский предлагал открыть частную лавочку, торгующую темами, заглавиями, концовками и прочим дефицитным „писательским“ товаром) он представил Макашина Михаилу Булгакову, подсевшему к их столу запросто, на правах давнего, еще киевского, знакомого. Кржижановский увлеченно рассказывал — и разыгрывал — эпизоды из сценария „Праздника святого Йоргена“, который писал для Протазанова, а Булгаков уморительно комментировал это представление. Позже — опять-таки с Булгаковым — Макашин побывал в гостях у Кржижановского, в его крохотной арбатской „квадратуре“» (Сигизмунд Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. 1991. С. 11–12).

Упоминание посещений Кржижановского Булгаковым обнаруживается и в комментариях В. Перельмутера к новелле «Квадратурин»: «Эпизод с комиссией переключается с соответствующим фрагментом повести М. Булгакова „Собачье сердце“, и, вероятно, не случайно: Булгаков бывал у Кржижановского и его жены на Земледельческом в ту пору, когда работал, в частности, и над этой повестью» (Сигизмунд Кржижановский. Сочинения. Т. 1. 2001. С. 677).

Общее театральное пространство 1920–1930-х гг. было для Булгакова и Кржижановского еще одним локусом формирования аксиологических ориентиров их художественного метода. Булгаков и Кржижановский были свидетелями творчества целой плеяды талантливых режиссеров, определивших пути развития современного театра. «Кржижанов-

---

¹ См. исследования [Ливская, 2009; Белобровцева; Белобровцева, Кульюс, 2007 и др.].

ский — современник и очевидец, быть может, единственного в истории театра „парада планет”: Станиславский и Курбас, Марджанов и Мейерхольд, Вахтангов и Михоэлс, Таиров и Михаил Чехов (кстати, со всеми, кроме Вахтангова, он был знаком)» (Там же, с. 12). Кржижановский был известен не только как прозаик-новеллист, но и драматург. Однако судьба его постановок не была счастливой. По идеологическим причинам «не увидели сцены ни предназначавшаяся Таировскому театру „условность в семи ситуациях” — „Писаная торба”, ни исторический фарс-мюзикл „Поп и поручик” (композитор С. Василенко), за право постановки которого спорили семь городов и, в частности, такие режиссеры, как Рубен Симонов, Николай Акимов, Валерий Бебутов» (Там же, с. 58).

Таким же образом обстояла ситуация и с произведениями для сцены М.А. Булгакова. А. Смелянский полагает: «Большинство пьес, которые реально могли бы развернуть перед современниками „театр Булгакова”, равно как и большинство его инсценировок, либретто, остались невостребованными» (Михаил Булгаков. Собрание сочинений. 1990. Т. 3. С. 573).

Опыт творческой работы в московском Художественном театре, в вахтанговском театре и плодотворное сотрудничество с А.Я. Таировым, активное общение с актерами и режиссерами Красного театра в Ленинграде дали Булгакову возможность тонко чувствовать и понимать особенности языка современной сцены. Писателю были известны практически все только что поставленные в Москве — в любом театре — пьесы, в том числе все музыкальные новинки² [Дневник Елены Булгаковой. 1990], его позиция театрального критика была достаточно жесткой в отношении театра Вс. Мейерхольда, что нашло отражение в литературно-драматической полемике Булгакова и Маяковского. Богатейшие возможности Булгакова-драматурга отражают его великолепные инсценировки гоголевских «Мертвых душ», толстовского романа «Война и мир», а также «Дон Кихота» Сервантеса, браться за которые отважился бы только человек, профессионально владеющий всеми тонкостями сценического воплощения прозаического текста.

В 1927 году «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» шли с аншлагами на сценах знаменитых московских театров. К ним присоединился еще «Багровый остров», к сожалению, с непродолжительной сценической жизнью. Период прижизненной славы Булгакова был слишком кратковременным. В скором времени имя его стало нарицательным и при-

---

² Из наиболее интересных ситуаций творческого сотрудничества Булгакова с талантливыми современными композиторами стоит отметить его совместную работу с Б. Асафьевым, И. Дунаевским, личное знакомство с Д. Шостаковичем.

обрело одиозный характер, далее последовали запреты на постановки и травля. И если публикаторы булгаковских текстов сумели представить их в 1960-е гг., то тексты Кржижановского стали известны широкому кругу читателей только в 1990-е гг. А. Г. Бовшек, жена Кржижановского, сумела отдать в фонд РГАЛИ все его рукописи — в большинстве своем неопубликованное прежде художественное и научное наследие писателя. Третья жена Булгакова, Елена Сергеевна, еще в 60-е гг. сумела познакомить читателей с главной книгой мастера. Благодаря биографам, текстологам и литературоведам Вадиму Перельмутеру, Лидии Яновской, Рите Джулиани, Мариэтте Чудаковой читатели получили великолепные обширные комментарии ко всем текстам авторов.

Результаты исследования

Хронологически время писательской деятельности Кржижановского и Булгакова совпадает с основными этапами развития модернизма в России. В их творчестве находят отражение черты, свойственные модернистскому сознанию: интертекстуальность, мифологизм, феномен игры и т.д. Эта тенденция объясняется общим историко-культурным контекстом и художественными установками исследуемых авторов.

Модернизм в России, в отличие от западного, не мог полноценно развиваться, он был идеологически запрещенным явлением. Если на Западе существовали модернистские школы, а также целые направления внутри данной парадигмы, то русские писатели не имели возможности для этого. Обозначенная особенность русского модернизма определяет специфику произведений Кржижановского и Булгакова. С одной стороны, в произведениях писателей выкристаллизуются основные черты, характерные для западноевропейского модернизма, с другой стороны, они не укладываются в рамки стандартных представлений о модернизме (см., например, работы: [Топоров, 1995; Лотман, 2000; Капрусова, 2020; Кольшева, 2021; Мансков, 2022; 2023; 2024; Карпухина, 2020; 2023; Weeks, 1996 и др.]).

Текстам Кржижановского свойственны типологические черты модернистских произведений [Моисеева, 2002; Ливская, 2009; Лунина, 2009]. Многие зарубежные исследования по творчеству Кржижановского подтверждают данную точку зрения. Например, в работе слависта Ф. Ф. Ингольда имя Кржижановского упоминается вместе с именами других писателей-модернистов — М. Булгакова, Б. Пильняка, Л. Леонова: «Erst mit der politischen Wende von 1989/1991 und der nachfolgenden Lockerung der staatlichen Zensur wurde das umfangreiche Werk des Schriftstellers Sigismund Krzyzanowski (1857 bis 1957) — auszusprechen “wie Kschischanowski” —

zu einem fassbaren Faktum der literarischen Moderne Russlands. Heute gilt der Autor, der in der einstigen UdSSR aus ideologischen Gründen während Jahrzehnten mit einem Publikationsverbot belegt war, als einer ihrer herausragenden Repräsentanten, vergleichbar mit den größten seiner Zeitgenossen — mit Bulgakow, Pilniak, Leonov» [Ingold].

Для Кржижановского обращение к мифологическим образам и сюжетам было связано не только с особенностями творческой индивидуальности, но и являлось своеобразным способом восприятия реальности, то есть мифотворчество служило призмой, особым образом преломляющей происходящие события. Реальность, изображаемая в произведениях, являлась не простым мимесисом, а видоизмененным посредством мифологических кодов художественным образом, обладающим сильным эффектом воздействия на сознание читателя. Характер и формы данного воздействия могли быть различными в зависимости от художественного дарования того или иного писателя. Кржижановский создает собственную индивидуально-авторскую мифологию, которая, в свою очередь, выступает определенного рода альтернативой реальности: мир становится тождественным мифу, а миф миру.

Булгаков считал себя продолжателем классических реалистических традиций в литературе и с большой долей раздражения писал о «новых веяниях» в искусстве 1920-х гг. Несмотря на это, в его романах обнаруживается большое количество интертекстуальных аллюзий и реминисценций, отсылающих читателя к различным произведениям русской и мировой литературы (см. [Джулиани, 2020, с. 138-139]). Так же обстоит ситуация и с мифотворчеством в его художественном мире. Лучшим подтверждением для этого является роман Булгакова «Мастер и Маргарита», сотканный из многочисленных мифологем. Наличие игрового начала в произведениях писателя также не вызывает сомнения, так как объясняется интермедийным аспектом его текстов.

Оба писателя считали себя реалистами, однако генезис реализма был различным. Кржижановский свой метод обозначал как «экспериментальный реализм». Эта мысль становится лейтмотивом литературоведческой работы писателя «Страны, которых нет»: «Техника изложения и у народных сказаний, и у Свифта, и в рассказах Дон Кихота сходна. Описания их чрезвычайно реалистичны, признаки вещей их соотношения взвешены на аптечных весах, логика не железная, а, я бы сказал, стальная, но самые-то вещи и их признаки либо чудовищно увеличены, либо фантастически уменьшены. Это живые воплощения гиперболы со знаком плюс или минус» (Сигизмунд Кржижановский. Сочинения. Т. 5. 2006. С. 132). По мнению писателя, в основе всех фантастических по-

строений сюжета находится гипербола. Это правило работает в художественном мире Кржижановского, но не полностью. По своему складу мышления автор «Сказок для вундеркиндов» стремился к рациональному объяснению действительности. При этом он сам оказывался пойманным в ловушку собственных интеллектуальных построений. Обозначенная особенность составляет одну из граней художественного своеобразия текстов Кржижановского, а также подтверждает исследовательскую установку о включенности его творчества в модернистскую парадигму.

Подобное утверждение справедливо и применительно к булгаковскому художественному методу. «У современников Булгаков пользовался репутацией консервативного художника. Катаев был поражен интересом Булгакова к Бунину: Катаеву казалось, что для Булгакова Бунин должен выглядеть „уже модернистом“» [Петровский, 1989, с. 390].

Основными своими учителями в литературе Булгаков неизменно считал Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, на протяжении всей жизни он обращался к текстам А. С. Пушкина и Ж.-Б. Мольера. Однако жанровая «эклектичность» каждого из произведений Булгакова, совмещающих фактически все жанры (от остросатирического гротеска до трагедии), определенно позволяет отнести его творчество к модернизму: «Михаил Булгаков и русский авангард — это тема большого размаха, систематические исследования которой еще впереди» [Джулиани, 1988, с. 312]; «в текстах Булгакова проявляется одна из его отличительных особенностей как писателя: его способность синтезировать все, чего достиг реализм XIX в. и модернизм XX в. Необходимо отметить, что это вовсе не обычный эклектизм, поскольку здесь выражается основная авторская идея континуальности культуры, демонстрирующая возможность принятия нового без категорического отвержения старого, что было характерно для многих писателей той эпохи» [Haber, 1998, p. 78]; см. также: [Russell, 1998]. «Мерцающая» интертекстуальная структура булгаковских текстов тоже позволяет говорить о его родстве скорее с писателями-модернистами, при этом диапазон межтекстуальных связей очень широк — от переосмысленных библейских и мифологических текстов до прецедентных текстов русской классики и актуальных для писателя текстов его собственной эпохи.

Заключение

С. Д. Кржижановский называл свой художественный метод «экспериментальным реализмом». Нередко в его произведениях понятие «реальное» доходит до крайней степени выражения, после которой наступает смещение акцента апперцепции и начинается ирреальное. Именно

на этой стадии активизируется мифологическое сознание, определяющее характер взаимодействия элементов художественного мира писателя. В сущности, за всеми художественными построениями Кржижановского оказываются те или иные мифологические системы. Автор может обращаться к ним осознанно, используя для своих текстуальных построений элементы различных мифологий, либо бессознательно (как в случае «бродячих сюжетов» или архетипических представлений, транслируемых в тексты).

М.А. Булгаков в своих текстах зачастую использует «сплав» жанров («Бег» начинается трагически, заканчивается откровенным фарсом; «Багровый остров», начинающийся как фарсовая пародия, заканчивается трагедией; «Зойкина квартира», по словам самого писателя, — «трагическая буффонада»). Он обращается к своему читателю / зрителю как к соавтору, как это делали художники-модернисты, конструируя общее пространство с воспринимающей аудиторией и одновременно моделируя «свою» аудиторию для текста. Практикуя в фантастических пьесах («Адам и Ева», «Блаженство») жанр социальной антиутопии, Булгаков идет не по пути социалистического реализма, как его оппонент Маяковский в этом жанре, а выбирает версию антиутопии, которая возникнет лишь в середине XX века в английской и французской литературе.

Таким образом, несмотря на разность мировоззрений и творческих установок, Кржижановский и Булгаков были писателями своего века: их художественный метод, «фантастический реализм», граничащий с модернистским экспериментализмом в области жанров и мифопоэтики, мог появиться только в историко-литературном контексте переломной эпохи начала XX столетия. Художественный мир текстов Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова, в котором пространство глубочайших философских прозрений граничит с прекрасно известным обоим писателям театральным пространством буффонады, является миром творения новых мифов — мифов нового социального пространства и времени, где в интермедияльном и интертекстуальном локусе действуют уже совсем иные персонажи неклассической культурной парадигмы.

Библиографический список

Белобровцева И. Услышанный мир: о «фоносфере» Сигизмунда Кржижановского. <https://sites.utoronto.ca/tsq/14/belobrovceva14.shtml>

Белобровцева И., Кульбис С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М.: Книжный клуб 36.6, 2007. 496 с.

Джулиани Р. Булгаков и герои «Мастера и Маргариты» в зеркале меланхолии // Роман Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современно-

стью: колл. монография. СПб.: Изд-во РХГА им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 137–149.

Джулиани Р. Жанры русского народного театра и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 312–333.

Капрусова М.Н. Мотив разрушения / нарушения нормы в жилище в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Acta Eruditorum. 2020. № 1. С. 120–124. <https://doi.org/10.25991/AE.2020.34.1.024>

Карпухина В.Н. Семиотика пространства в переводах текстов М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского на английский язык // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: колл. монография. СПб.: Изд-во РХГА им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 218–230.

Кольшева Е.Ю. Пространство «вечного дома» в истории текста романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 107–118. <https://doi.org/10.20339/PhS.1-21.107>

Ливская Е.В. Философско-эстетические искания в прозе С.Д. Кржижановского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 219 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

Лунина И.В. Художественный мир новелл С.Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. 166 с.

Мансков А.А. Зрение и слух в художественном мире С.Д. Кржижановского // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 63–72. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/5>

Мансков А.А. Процесс психического омертвления персонажа в новелле С.Д. Кржижановского «Автобиография трупа» // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 70–81. <https://doi.org/10.24412/2587-7844-2024-3-70-81>

Мансков А.А. С. Кржижановский и В. Брюсов: особенности художественного диалога // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 85–91.

Моисеева Е.Е. Художественный мир прозы С.Д. Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Петровский М. Михаил Булгаков и Владимир Маяковский // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 369–391.

Топоров В.Н. «Минус» — пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в обла-

сти мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 476–574.

Яблоков Е. А. Западно-восточный дурак: Смысловая гибридность в комедиях А. Платонова и С. Кржижановского // Гибридные формы в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 264–274.

Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997. 199 с.

Haber E. C. Mikhail Bulgakov: The Early Years. Cambridge, Mass.; London, England: Harvard Univ. Press, 1998. 285 p.

Ingold F. P. Der Augenblick der Wortlosigkeit. Eine Meistererzählung von Sigismund Krzyzanowski. <https://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-augenblick-der-wortlosigkeit-1.18696273>

Karpukhina V. N. Mikhail Bulgakov's Satire: Zoomorphic Semiotic Codes // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 71–76.

Russell R. The Modernist Tradition // The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel / Ed. by Malcolm V. Jones, Robin Feuer Miller. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 210–232.

Weeks L. D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov // The Master and Margarita: A Critical Companion / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.): Northwestern Univ. Press, 1996. P. 143–163.

Список источников

Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. М.: Худож. лит., 1989. 751 с.

Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Пьесы. М.: Худож. лит., 1990. 703 с.

Дневник Елены Булгаковой. М.: Издательство «Книжная палата», 1990. 400 с.

Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1991. 704 с.

Кржижановский С. Д. Сочинения: в 6 т. Т. 1. СПб.: Symposium, 2001. 687 с.

Кржижановский С. Д. Сочинения: в 6 т. Т. 5. СПб.: Symposium, 2006. 688 с.

References

Belobrovtsseva I. *The world which was heard: about the “phonetic sphere” of Sigizmund Krzhizhanovsky*. <https://sites.utoronto.ca/tsq/14/belobrovtsseva14.shtml>. (In Russian)

Belobrovtsseva I., Kul'yus S. The novel of M. Bulgakov “The Master and Margarita”. A commentary, Moscow, 2007, 496 p. (In Russian)

Giuliani R. Bulgakov and the characters of “The Master and Margarita” in the mirror of melancholy. *Roman Bulgakova “Master i Margarita”: dialog s sovremennost’yu* = The Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”: a dialogue with the current time, St. Petersburg, 2020, p. 137–149. (In Russian)

Giuliani R. The genres of Russian folk theater and the Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. *M.A. Bulgakov-dramaturg ikhudozhestvennayakul’tura ego vremeni* = M.A. Bulgakov-playwright and fiction culture of his time, Moscow, 1988, p. 312–333 (In Russian)

Kaprusova M. N. The motif of destruction / trespassing the norm in a dwelling in the Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. *Acta Eruditorum*, 2020, no. 1. <https://doi.org/10.25991/AE.2020.34.1.024>. (In Russian)

Karpukhina V. N. Space semiotics in the translations into English of M.A. Bulgakov’s and S. D. Krzhizhanovsky’s texts. *Roman M. Bulgakova “Master i Margarita”: dialog s sovremennost’yu* = The Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”: a dialogue with the current time, St. Petersburg, 2020, p. 218–230. (In Russian)

Kolysheva E. Yu. «An eternal home» space in the history of The Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. *Filologicheskienauki. Nauchnyedokladyvysheyshkoly* = Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 2021, no. 1, p. 107–118. <https://doi.org/10.20339/PhS.1–21.107>. (In Russian)

Livskaya E. V. Philosophical and aesthetic searches in the prose of S. D. Krzhizhanovsky. Philol. Cand. Diss., Moscow, 2009, 219 p. (In Russian)

Lotman Yu. M. Semiosphere, St. Petersburg, 2000, 704 p. (In Russian)

Lunina I. V. The artistic world of S. D. Krzhizhanovsky’s novels: person, space, communication. Philol. Cand. Diss., Krasnoyarsk, 2009, 166 p. (In Russian)

Manskov A. A. Vision and hearing in the fiction world of S. D. Krzhizhanovsky. *Sibirskiyfilologicheskizhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, p. 63–72. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/5> (In Russian)

Manskov A. A. The process of psychic death of a character in the novel by S. D. Krzhizhanovsky “A corpse autobiography”. *Sibirskiyfilologicheskiiy forum* = Siberian philological forum, 2024, no. 3 (28), p. 70–81. <https://doi.org/10.24412/2587–7844–2024–3–70–81> (In Russian)

Manskov A. A. S. Krzhizhanovsky and V. Bryusov: the specifics of fiction dialog. *Yazykiiliteratura v polikul’turnomprostranstve* = Languages and literature in the multicultural space, Barnaul, 2023, p. 85–91. (In Russian)

Moiseeva E. E. Fiction world of the prose by S. D. Krzhizhanovsky. Abstract of Philol. Cand. Diss., Ekaterinburg, 2002, 23 p. (In Russian)

Petrovskiy M. Mikhail Bulgakov and Vladimir Mayakovskiy. *M.A. Bulgakov-dramaturg ikhudozhestvennayakul’tura ego vremeni* = M.A. Bulgakov-playwright and fiction culture of his time, Moscow, 1988, p. 369–391. (In Russian)

Toporov V. N. "Minus" — space of Sigismund Krzhizhanovsky. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* = Myth. Ritual. Symbol. Image: the research in the field of mythopoetics, Moscow, 1995, p. 476–574. (In Russian)

Yablokov E. A. Western-Eastern fool: meaning hybrids in the comedies by A. Platonov and S. Krzhizhanovsky. *Gibridnye formy v slavyanskikh kul'turakh* = Hybrid forms in Slavic cultures, Moscow, 2014, p. 264–274. (In Russian)

Yablokov E. A. Prosaic motifs of Mikhail Bulgakov, Moscow, 1997, 199 p. (In Russian)

Haber E. C. Mikhail Bulgakov: The Early Years, Cambridge, Mass.; London, England, Harvard Univ. Press, 1998, 285 p.

Ingold F. P. Der Augenblick der Wortlosigkeit. Eine Meistererzählung von Sigismund Krzyzanowski. <https://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-augenblick-der-wortlosigkeit-1.18696273>

Karpukhina V. N. Mikhail Bulgakov's Satire: Zoomorphic Semiotic Codes *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve* = Languages and literature in the multicultural space, Barnaul, 2023, p. 71–76.

Russell R. The Modernist Tradition. The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel. Ed. by Malcolm V. Jones, Robin Feuer Miller, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998, p. 210–232.

Weeks L. D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov. *The Master and Margarita: A Critical Companion*. Ed. by Laura D. Weeks, Evanston (Ill.), Northwestern Univ. Press, 1996, p. 143–163.

List of Sources

Bulgakov M. A. Coll. works in 5 vols. Vol. 2. Diaboliada; Fatal eggs; The dog's heart; Stories; Feuilletons, Moscow, 1989, 751 p. (In Russian)

Bulgakov M. A. Coll. works in 5 vols. Vol. 3. Plays, Moscow, 1990, 703 p. (In Russian)

The diary of Elena Bulgakova, Moscow, 1990, 400 p. (In Russian)

Krzhizhanovsky S. D. Tales for children prodigy: Stories, Moscow, 1991, 704 p. (In Russian)

Krzhizhanovsky S. D. Works in 6 vols. Vol. 1, St. Petersburg, 2001, 687 p. (In Russian)

Krzhizhanovsky S. D. Works in 6 vols, vol. 5, St. Petersburg, 2006, 688 p. (In Russian)

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ ЛЕГЕНД ОСТРОВА СИЦИЛИЯ

А. А. Иванова, О. Ю. Муштанова

Ключевые слова: мотив, сюжет, легенда, Сицилия, Италия, фольклор
Keywords: motif, plot, legend, Sicily, Italy, folklore

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-10)

Введение

Сицилия известна культурным, историческим и языковым своеобразием. Колонизированный в VIII в. до н. э. греками, остров впитал в себя значительное количество мифологических элементов, представлений и персонажей Древней Греции. Специфика Сицилии, кроме того, состоит в том, что на протяжении своей истории эти земли становились объектом завоевания разных народностей. Данный факт способствовал взаимодействию множества языков, религий и культур в регионе. В XIX–XX вв. основным письменным источником, содержащим памятники устного народного творчества Сицилии, являлся труд писателя и этнографа Джузеппе Питре [Pitrè, 1904], где были представлены легенды острова на сицилийском диалекте с комментариями автора. В XXI в. интерес к фольклору острова возрос, что обусловило большее разнообразие произведений, посвященных изучению легенд и мифов Сицилии. В частности, в издании «*Cola Pesce e altre fiabe e leggende popolari siciliane*» [Pitrè, Lazzaro, 2016] на литературный итальянский были переведены вышеуказанные материалы, собранные Дж. Питре. На легендах средневековой эпохи сосредоточено внимание в издании Ф. Пурпура «*Leggende medioevali siciliane*» [Purpura, 2005], в то время как И. Калоджеро [Caloggero, 2022] в книге «*Culti dell'antica Sicilia*» проводит глубокий анализ в области фольклора и мифологии Древней Сицилии: автор рассматривает влияние древних культов на некоторые традиции, обычаи и поверья, характерные для христианского периода. Ряд легенд приводит Э. Ди Паскуале [Di Pasquale, 2012] в работе, посвященной мистическим местам и загадочным историям острова. А. Кризафи [Crisafi, 2019] рассматривает легенды Сицилии в исторической ретроспективе и определяет их как особо значимую часть культурного наследия Италии. Интерес к сицилийскому фольклору наблюдается и в России, о чем свидетельствует, например, появление путеводителя по мифологическим ме-

стам Сицилии [Салеева, 2015], где мифы, легенды и предания классифицированы согласно географическому принципу.

Стоит, однако, отметить, что большинство этих трудов, несмотря на безусловно высокую художественную ценность, по сути являются каталогизацией мифологического материала, который при этом не становится объектом системного научного исследования. Разработки итальянских литературоведов, например, созданный Р. Чезарани, М. Доминикелли и П. Фазано словарь-указатель основных литературных мотивов, сюжетов и персонажей [Dizionario dei temi letterari, 2007], сосредоточены на произведениях итальянской и мировой художественной литературы и обходят вниманием такой богатый материал, как локальные памятники устного народного творчества.

Обзор русскоязычных научных работ показал, что, несмотря на обилие трудов, посвященных анализу конкретных сюжетообразующих мотивов в художественных произведениях российских и зарубежных писателей [Дорофеева, 2018; Хагожеева, 2018; Синегубова, 2023; Нефедова, 2022; Павлова, Никитин, 2022], исследования в области мотивов в сицилийских легендах отсутствуют и в нашей стране.

Цель данной статьи — выявить устойчивые сюжетные мотивы в сицилийских легендах. Актуальность исследования, таким образом, обусловлена вниманием к изучению семантики мотива, в то время как новизна исследования определяется отсутствием системных научных исследований в области сицилийского фольклора.

Методы и материалы

Авторы статьи используют в качестве материала сицилийские легенды из разных источников, среди которых интернет-сайты¹, книга Д. Салеевой «Куда бежит Горгона? Путеводитель по мифологическим местам Сицилии» [Салеева, 2015], а также труды Джузеппе Питре [Pitrè, 1904] и И. Калоджеро [Caloggero, 2022]. Материал исследования при этом не ограничивался ни хронологическими, ни тематическими рамками.

Теоретико-методологической базой послужили основные положения и принципы теории мотива и сюжета, разработанные основоположником семантического подхода к исследованию мотива А. Н. Веселовским [Веселовский, 1989]; труды родоначальника морфологического подхода В. Я. Проппа [Пропп, 1998; 2000; 2001], работы Б. Н. Путилова [Путилов, 1994], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 2001; 2005] и С. Ю. Неклюдова [Неклюдов, 2004]. Высокую значимость для данного исследования име-

---

¹ www.siciliafan.it; www.eccellenzemeridionali.it; www.siciliapreziosa.it; www.globusmagazine.it

ет монография И. В. Силантьева, где представлен обзор фундаментальных исследований по теории мотива [Силантьев, 2004].

В качестве жанровой дефиниции легенды в данной статье мы будем опираться на определение, предложенное З. Ж. Кудаевой, согласно которой легенда — это «нарратив, сюжетообразующим элементом в котором является топонимический, мифологический и религиозный мотивы» [Кудаева, 2019]. В качестве дополнительного жанрового идентификатора нами было использовано определение «легенда» в названии.

Опорным принципом при трактовке мотива для нас будет выступать возможность разделения сюжета на минимальные с сюжетно-тематической точки зрения фрагменты [Неклюдов, 2004, с. 240], а также принцип их повторяемости за пределами одного произведения. Для обозначения мотива предполагается использовать ключевые слова — отглагольные существительные, обозначающие некие действия, с которыми семантически коррелирует соответствующий глагол.

Методической базой послужили следующие методы: описательно-аналитический, структурно-семантический, функционально-семантический, историко-типологический, а также метод перевода источников.

Результаты и обсуждение

Как уже отмечали исследователи, сюжету обычно соответствует целая серия мотивов [Неклюдов, 2004, с. 239; Типологические исследования по фольклору, 1975, с. 142]. По нашим наблюдениям, наиболее частотными сюжетообразующими мотивами в сицилийских легендах является комбинация *мотива любви*, представляющего конфликтную ситуацию, и *мотива превращения*, являющегося, в свою очередь, разрешением создавшейся коллизии. Такое сочетание типично для значительного количества этиологических легенд, что позволяет говорить о формировании инвариантной структурной модели, в которой один из персонажей испытывает любовь к другому персонажу, однако тот, не отвечая взаимностью и желая спастись от такого навязчивого преследования, обращается за помощью к высшим силам, которые превращают его в объект природы. Такая сюжетная схема обретает повествовательную реализацию, например, в легенде об Аретузе, которая рассказывает историю происхождения источника пресной воды на острове Ортиджия недалеко от Сиракуз. По преданию, Аретуза была нимфой, к которой воспылал страстью речной бог Алфей. Аретуза попыталась сбежать и обратилась с мольбой к богине Диане, которая превратила ее в водный источник.

На комбинации мотивов *любви*, *превращения* и *мести* основан сюжет легенды греческого происхождения об Акиде и Галатее. Согласно одной

из многочисленных версий, пастух по имени Акид очаровал речную нимфу Галатею, чем вызвал ревность влюбленного в нее циклопа Полифема, который убил юношу камнем. Боги, тронутые горем и мольбой Галатеи, превратили потоки крови Акида в реку, а саму нимфу — в морскую пену. Легенда, таким образом, объясняет происхождение находящегося неподалеку от Капомулини источника, чьи красноватые воды, очевидно богатые железом, напоминают кровь.

Сочетание *мотива превращения* и *мотива мести* характерно для древних легенд с мифологическим элементом. Превращение в таких легендах является наказанием, посланным каким-либо божеством человеку в качестве мести. На такой комбинации основана легенда о Медузе — красавице, превращенной в чудовище богиней Афиной. Однако схожие мотивы можно встретить и в эпоху Средневековья. С коммунной Эриче связана легенда о девушке по имени Беллина, к которой посватался гостивший в тех местах барон, однако та отказала ему. Тогда барон по совету одного волшебника украл у нее кольцо — единственную память об ушедшем в крестовый поход возлюбленном. По замыслу мага, наложившего заклятие на украшение, согласившись поцеловать барона в обмен на кольцо, девушка влюбилась бы без памяти в дворянина. Беллина же отказалась, в результате чего была превращена в черную змею [Салеева, 2015, с. 213].

Как видно из этого примера, со временем схема развития сюжета, объединенного *мотивами любви и мести*, трансформировалась: герои легенд обращаются за помощью уже не к богам, а к колдовству.

В некоторых случаях компонент «фантастического» был элиминирован. Так, легенда о колодце Гаммазиты, находящемся в Катании, повествует о событиях, происходивших во время господства на острове Карла I Анжуйского. Это был сложный период для острова, характеризующийся бесчинствами французов по отношению к коренному населению. Согласно легенде, девушке по имени Гаммазита докучал французский солдат, которому она приглянулась. Однажды, направившись по обыкновению к источнику, девушка поняла, что ей не удастся избежать насилия, и предпочла смерть бесчестию — Гаммазита бросилась в колодец. Эта легенда интересна также с точки зрения изучения региональной специфики сицилийского фольклора: с одной стороны, она является отражением явного недовольства коренного населения острова господством французов, с другой — имя девушки, по одной из версий арабского происхождения, подтверждает высокое влияние арабской культуры в регионе.

Другой пример, где сюжетобразующими мотивами являются *мотивы любви и мести*, представляет легенда периода арабского господ-

ства на острове. Действие происходило в Палермо, в квартале Кальса, где были расквартированы арабские солдаты, которых местное население называло маврами. Одна молодая женщина, выращивающая на своем балконе цветы, с первого взгляда полюбила арабского солдата, который ответил ей взаимностью. Через некоторое время мавр сообщил женщине о том, что на родине у него остались жена и дети, к которым он планировал вернуться. Женщина, охваченная обидой и ревностью, убила возлюбленного, отрезала его голову и превратила ее в горшок для базилика.

Анализируя сюжетные линии сицилийских легенд, можно выявить мотив *спасения бегством*, которое, по наблюдению исследователей, происходит преимущественно в лодке [Салеева, 2015, с. 12]. В частности, *мотив спасения бегством* представлен в топологической легенде, предположительно византийского происхождения [Салеева, 2015, с. 15], об основании Сицилии. Она повествует о юной ливанской принцессе по имени Сицилия, жившей в давние времена. Оракул предсказал ее родителям, что если их дочь не покинет свою родину, то не доживет до пятнадцати лет: ее поглотит чудовище. Тогда родители отправили Сицилию в море на маленькой лодке. Спустя три месяца девушка прибыла на остров сказочной красоты. Появившийся юноша открыл ей, что произошло: все жители острова погибли от чумы, но боги хотели создать новую расу на этой богатой и прекрасной земле, и именно им двоим выпало исполнить волю богов. Молодые люди полюбили друг друга и дали начало первому новому поколению на острове.

Для апокрифических легенд традиционным является *мотив победы добра над злом*. Согласно одной из многочисленных легенд, к святому Георгию, бывшему в те времена простым пастухом, явился дьявол и предложил выяснить, кто из них превосходит другого. Они договорились, что поделят все, что увидят на своем пути, пополам, при этом у каждого будет возможность выбрать ту часть, которая ему больше нравится. Каждый раз выбор дьявола был неверным (на пшеничном поле он предпочел корни, на лакричном — вершки, в море — скалы и рифы). В этой легенде особенно прослеживается сближение со сказкой, которое отмечал В.Я. Пропп, обосновывая это явление родственными формами бытования и частичным совпадением структуры данных фольклорных жанров: сюжет о дележе урожая характерен как для русских сказок, где спор происходит между медведем и крестьянином, так и для западноевропейских стран, где главными героями выступали дьявол и святой Иоанн [Пропп, 1998, с. 283–284]. В другой раз дьявол предложил святому новое пари — кто построит дом красивее. Дом дьявола, построенный из застывшей лавы, получился ужасающе мрачным, в то время как дом святого Геор-

гия — восхитительно изящным и уютным. Отчаявшись, дьявол разрыдался, и тогда святой Георгий подарил ему свою виллу. Пытаясь зайти в дом, дьявол увидел у порога небольшой алтарь с распятием и в ярости убежал, понимая, что никогда ему не сравниться со святым Георгием.

В районе Мессинского пролива можно наблюдать необычную оптическую иллюзию — фата-моргана, получившую название в честь могущественной волшебницы, чье имя часто упоминается в сицилийском фольклоре и с которой связано множество легенд. В некоторых из них *мотив победы добра над злом* принял форму торжества христианской веры над колдовством. Согласно легенде, граф Роджер Отвиль не поддавался предложению явившейся ему волшебницы в мгновение ока переправить его на противоположную сторону Мессинского залива, ответив, что в помощи уповает лишь на Иисуса Христа, и в конечном счете благополучно достиг Сицилии и освободил ее от арабского господства. В противоположность ему, согласно другой легенде, в период нашествия варваров на Сицилию один из предводителей, увидев Фату Моргану, не устоял перед чарами колдуньи, в результате чего утонул, не добравшись до берегов острова.

Также *мотив победы добра над злом* реализуется через оппозицию христианство — язычество. Сицилия, как известно, становилась объектом завоеваний со стороны пунийцев, римлян, остготов, византийцев, норманнов и прочих племен и народов. Легенда о Мате и Грифоне, которую можно рассматривать как аллгорию освобождения от набегов сарацин, гласит, что сарацинский гигант по имени Хасан ибн-Хаммар, занимавшийся пиратством, во время одного из своих набегов влюбился в сицилийскую девушку по имени Марта (Мата, по всей видимости, является диалектальным искажением этого имени) [Салеева, 2015, с. 59]. Однако Марта отказала сарацину, который впоследствии понял, что единственный способ завоевать любовь и расположение девушки — изменить свой образ жизни. Хасан принял христианство, получив имя Грифон, и посвятил себя земледелию и благотворительности. Девушка, впечатленная этим поступком, ответила ему взаимностью. В браке родилось множество детей, поэтому Мату и Грифона называют прародителями Мессины.

Ряд демонологических легенд Сицилии основан на комбинации *мотива сговора человека с дьяволом* и *мотива хитрости*, которой, вопреки традиционным представлениям, наделяется не дьявол, а человек. В легенде о Пьетро Баэлардо и Люцифере юноша по имени Пьетро получил от своего дяди-волшебника табакерку, в которую были заключены демоны. Молодой человек научился управлять ими и заставлять их выполнять

свои желания, однако он осознавал, что таким общением с нечистой силой обрек свою душу на вечные мучения в аду после смерти. Однажды Люцифер, самый могущественный из дьяволов, показал Пьетро странные дома, каждый из которых не был достроен: одному не хватало крыши, другому — дверей. Дьявол объяснил человеку, что те дома представляли не что иное, как души людей, которые, совершая грехи, кирпичик за кирпичиком возводили здания. Завершение строительства же знаменовало то, что душа была готова отправиться в ад. Дому, олицетворяющему душу самого Пьетро, не хватало одного-единственного кирпича. Молодой человек спросил у Люцифера, чем он может заслужить себе прощение. Тот ответил, что для этого нужно в рождественскую ночь исповедаться в церквях трех разных столиц. Пьетро попросил помощи у самого дьявола, чтобы тот перенес его. Дьявол согласился, но при условии, что Пьетро отдаст ему половину того, что будет держать во рту, выходя из последней церкви, имея в виду гостию — кусочек пресного теста, используемый католиками во время евхаристического обряда. Пьетро, догадавшись о намерениях Люцифера совершить какое-то святотатство, выходя из последней церкви, проглотил гостию, положил в рот орешек, чем спас свою душу от вечных мучений в аду. Стоит отметить отличие легенды о Пьетро Базлардо от описанной выше легенды о святом Георгии и дьяволе. Святой Георгий одержал победу над Люцифером, не прибегая к хитрости и обману: по преданию, неверный выбор во время пари совершал именно дьявол, не оставляя святому альтернатив. Можно предположить, что святой, будучи преисполненным добродетели и благочестия, в хитрости не нуждается. Вместе с этим хитрость как качество, присущее человеку, оправдывается и в других легендах. Одна из них, связанная с осадой города Кастроджованни, провинция Кальтаниссетта, Рожером I, гласит следующее. Граф, понимая, что осада затягивается, отправил в город послов на переговоры. Жители, желая показать, что им не страшен голод, демонстрировали многочисленные припасы — горы пшеницы, которые были всего лишь большими кучами песка, сверху присыпанными тонким слоем зерна.

Мотив божьей кары реализуется в легенде, которая повествует о событиях, произошедших в 1299 г. в провинции Рагуза. Группа французских солдат разграбила город Гульфи, ворвалась в церковь во время мессы и жестоко расправилась со священником и собравшимися на службу прихожанами. В полночь колокола церкви снова зазвонили, и на пороге в окровавленной рясе появился священник, за которым следовали убитые в тот день верующие. Через весь город процессия прошла к месту, где расположились французы, совершившие кощунство. Неведомая

сила заставила анжуйцев проследовать в церковь, где месса возобновилась с того момента, как была прервана. Затем, как гласит легенда, пол раскололся надвое, и бездна поглотила французских солдат.

В рассмотренных нами примерах *мотив превращения* подразумевал трансформацию человека в другой объект, однако существуют образцы легенд, где этот мотив предполагает оживление неодушевленных объектов при помощи магии или божественного вмешательства. Так, например, происходит в легенде о происхождении статуи черного слона — символа сицилийского города Катания. Считается, что название статуи — U Liotru — произошло от неправильного произношения имени Элиодоро — молодого сицилийского дворянина, жившего в VIII в. Элиодоро мечтал получить должность епископа, но, не добившись желаемого (вместо него епископом был назначен Леон, впоследствии совершивший множество деяний по укреплению христианской веры) [Салеева, 2015, с. 114], он стал усердно изучать магию и некроманию. Обратившись к дьяволу, в обмен на отречение от Христа он получил магическую силу и развлекался тем, что сеял хаос в городе. Используя лаву Этны, Элиодоро построил слона, оживил его и перемещался по городу, приводя в ужас жителей до тех пор, пока не был побежден Леоном. Сюжет этой легенды в то же время можно рассматривать как пример комбинации *мотивов превращения и победы добра над злом*, где добро представлено христианской верой, а зло — колдовством, а также *мотива сговора человека с дьяволом*.

Вместе с этим в исследуемом нами материале отсутствуют примеры легенд, где в основе сюжета находился бы *мотив оживления*, то есть возвращения к жизни убитого героя. Возможно, это связано с древнегреческой традицией: боги, несмотря на свое могущество, не обладали даром оживлять мертвых. Так, в уже рассмотренной легенде об Акиде и Галатее боги не оживили убитого пастуха, но превратили его в источник, даровав таким образом влюбленным возможность быть вместе.

Сюжет легенды, связанной с названием улицы Discesa dei Giudici (дословно — Спуск Судей), которая ведет от площади Святой Анны до площади Беллини в Палермо, строится на *мотиве справедливости*. Главный герой истории, мальчик из богатой семьи, остался сиротой и воспитывался опекуном, который распоряжался его состоянием. Став взрослым, юноша попытался вернуть свое имущество, но получил отказ. В поиске справедливости он обратился к пяти известным судьям. Однако те, подкупленные хитрым опекуном, вынесли решение против сироты, после чего тот в отчаянии попросил аудиенции у Карла V, который на тот момент как раз был в городе. Король переоделся простым аббатом и явил-

ся на заседание, где снова было вынесено решение в пользу опекуна. Услышав это, Карл V раскрыл свою личность и приказал привязать судей к хвостам лошадей и пустить тех по улице. После с судей была снята кожа, которой обили кресла для новых судей как напоминание об их долге — вершить правосудие.

Мотив поиска кладов является сюжетообразующим для ряда легенд, получивших в итальянской культуре название плутонических [Салеева, 2015, с. 61; Pitre, 1904, с. 272] и считающихся результатом взаимодействия с культурой сарацинов. Отличительной особенностью этих легенд, во-первых, является наличие в них ритуальных действий. Например, для того чтобы добраться до сокровищ, спрятанных неподалеку от церкви Санта Мария делле Грацие в Ачиреале, необходимо съесть целиком сырую рыбу и выпить кувшин вина. Вторым обязательным условием получения клада в сицилийских легендах является общение с духами или какими-либо другими сущностями, которые охраняют эти сокровища. В частности, желающему получить клад, скрытый неподалеку от коммуны Джарре, предстоит вызвать дьявола, чтобы тот побрил ему бороду, и во время этой процедуры охотник за сокровищами не должен продемонстрировать страх.

Заключение

В результате исследования в легендах острова Сицилия были выявлены устойчивые комбинации мотивов и сюжетных схем. В этиологических легендах с мифологическим элементом наиболее частотной является комбинация *мотива любви*, представляющей завязку сюжета, и *мотива превращения* как разрешения создавшейся конфликтной ситуации. Ключевым элементом в такого рода легендах предстает компонент «фантастического», который, однако, исчезает в эпоху Средневековья, что, возможно, связано с возрастающей исторической достоверностью легенд.

С приходом христианства выделяется объемный кластер апокрифических легенд, традиционными сюжетообразующими мотивами которых становятся: 1) *мотив победы добра над злом*, в которых часто добро представлено христианством, а зло — язычеством или колдовством; 2) *мотив сговора человека с дьяволом* — целью такой сделки является получение сверхъестественных способностей человеком в обмен на его душу. *Мотив хитрости*, также встречающийся в этом типе легенд, имеет свою специфику: данным качеством наделяется преимущественно человек или дьявол, причем демону, прибегающему к хитрости, не удается осуществить свои замыслы.

Мотивы божьей кары и справедливости являются логическим завершением конфликта ряда легенд, завязка которых предполагает ущемление прав обездоленных, надругательство над символами религии и прочие преступления, в связи с чем можно говорить о воспитательной функции такого рода легенд.

Мотив превращения может быть также реализован в повествовании как наделение жизнью неодушевленных предметов и при этом употребляться в комбинации с *мотивом сговора человека с дьяволом и победы добра над злом*. *Мотив поиска кладов* в сюжете сочетается с выполнением героями легенд определенных обрядовых действий.

Перспективы исследования мы видим в компаративном анализе сюжетов и мотивов легенд Сицилии и других областей Италии, а также в изучении легенд Сицилии с позиции культурологии — как одного из возможных элементов формирования локальной идентичности сицилийцев.

Библиографический список

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
Дорофеева А. Г. Мотив Рая в сказках Г. Х. Андерсена // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 55–63.

Кудаева З. Ж. Легенды: к проблеме определения и классификации жанров адыгской несказочной прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 4 (247). С. 129–136. <http://vestnik.adygnet.ru/files/2019.4/6108/129–136.pdf>

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М., СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 237 с.

Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 168 с.

Некляудов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). М.: Индрик, 2004. 496 с.

Нефедова О. И. Реализация мотива «бесплодная земля» и образа Короля Рыбака в романе «Код да Винчи» Д. Брауна // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 45 (1). С. 70–77. <https://doi.org/10.25688/2076–913X.2022.45.1.07>

Павлова А. В., Никитин К. Д. Мотив тайны в творчестве Г. Ф. Лавкрафта // Балтийский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 3 (40). С. 30–34. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_03_07

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998: 352 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.

Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.

Синегубова К. В. Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент» // Сиб-Скрипт. 2023. № 25 (4). С. 587–594. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594>

Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В. Я. Проппа. (1895–1970). М.: Наука, 1975. 320 с.

Хагожеева А. С. Мотив гостеприимства в адыгских сказках // Научные известия. 2018. № 11. С. 75–79.

Список источников

Салеева Д. А. Куда бежит Горгона? Путеводитель по мифологическим местам Сицилии. М.: Издательские решения, 2015. 330 с.

Caloggero I. Culti dell'antica Sicilia. Ragusa: Centro Studi Helios, 2022, 225 p.

Crisafi A. Misteri e leggende di Sicilia. Fra mitologia, storia e cronaca. Messina: Kimerik, 2019, 152 p.

Di Pasquale E. Misteri, crimini e segreti della Sicilia. Enigmi archeologici, miti e leggende, delitti insoliti e molte altre storie inspiegabili. Roma: Newton Compton Editori, 2012, 287 p.

Pitrè G., Lazzaro B. Cola Pesce e altre fiabe e leggende popolari siciliane. Roma: Donzelli, 2016, 347 p.

Pitrè G. Studi di leggende popolari in Sicilia e nuova raccolta di Giuseppe Pitrè. Torino: C. Clausen, 1904, 895 p.

Purpura F. Leggende medioevali siciliane. Siracusa: Trinakria, 2005. 128 p.

Eccellenze meridionali. <http://www.eccellenzemeridionali.it>

Globus Magazine. <http://www.globusmagazine.it>

Siciliafan. <http://www.siciliafan.it>

Sicilia preziosa. <http://www.siciliapreziosa.it>

References

Veselovskiy A. N. Historical Poetic, Moscow, 1989, 406 p. (In Russian)

Dorofeeva L. G. The motif of Paradise in G. H. Andersen's fairy tales. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*=Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University, 2018, no. 4, p. 55–63. (In Russian)

Kudaeva Z. Zh. Legends: to the Problem of Definition and Classification of Genres of Adyghe Non-Fairy Tale Prose. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. = Bulletin of Adygeya State University, 2019, no. 4 (247), p. 129-136. Retrieved from <http://vestnik.adygnet.ru/files/2019.4/6108/129-136.pdf> (In Russian)

Meletinskiy E. M. The hero of the fairy tale: the origin of the image. Moscow, St. Petersburg, 2005, 237 p. (In Russian)

Meletinskiy E. M. From myth to literature. Textbook for the course "Theory of Myth and Historical Poetics of Narrative Genres", Moscow, 2001, 168 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Motif and text, Moscow, 2004, 496 p. (In Russian)

Nefedova O. I. Realisation of the motif "barren land" and the image of the Fisher King in the novel "The Da Vinci Code" by D. Brown. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. = Bulletin of Moscow City Pedagogical University, 2022, no. 45 (1), p. 70-77. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.45.1.07> (In Russian)

Pavlova A. V., Nikitin K. D. The motif of mystery in the works of H. F. Lovecraft. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* = Baltic Humanitarian Journal, 2022, vol. 11, no. 3 (40), p. 30-35. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_03_07 (In Russian)

Propp V. Ya. The historical roots of the magic tale, Moscow, 2000, 336 p. (In Russian)

Propp V. Ya. The morphology of the fairy tale, Moscow, 2001, 192 p. (In Russian)

Propp V. Ya. The poetics of folklore, Moscow, 1998, 352 p. (In Russian)

Putilov B. N. Folklore and popular culture, St. Petersburg, 1994, 235 p. (In Russian)

Silant'ev I. V. Poetics of the motif, Moscow, 2004, 294 pp. (In Russian)

Sinegubova K. V. The motif of laughter in Xenia Buksha's novel *Advent*. *SibSkript* = SibSkript, 2023, no. 25 (4), p. 587-594. <https://doi.org/10.21603/sibskript-2023-25-4-587-594> (In Russian)

Typological studies on folklore (Text): Collection of articles in memory of V. Y. Propp. Moscow, 1975, 320 p. (In Russian)

Khagozheeva L. S. The motif of hospitality in Adyghe tales. *Nauchnye izvestiya* = Scientific News, 2018, no. 11, pp. 75-79. (In Russian)

List of Sources

Saleeva D. A. Where does the Gorgon run to? A guide to the mythological sites of Sicily, Moscow, 2015, 330 p. (In Russian)

Caloggero I. Ancient Sicilian cults, Ragusa, 2022, 225 p.

Crisafi A. Mysteries and Legends of Sicily. Between mythology, history and chronicle, Messina, 2019, 152 p.

Di Pasquale E. *Mysteries, crimes and secrets of Sicily. Archaeological enigmas, myths and legends, unsolved murders and many other unexplained stories*, Roma, 2012, 287 p.

Pitrè G., Lazzaro B. *Cola Pesce and other Sicilian folk tales and legends*, Roma, 2016, 347 p.

Pitrè G. *Studies of popular legends in Sicily and a new collection by Giuseppe Pitrè*, Torino, 1904, 895 p.

Purpura F. *Sicilian medieval legends*, Siracusa, 2005, 128 p.

Eccellenze meridionali. <http://www.eccellenzemeridionali.it>

Globus Magazine. <http://www.globusmagazine.it>

Siciliafan. <http://www.siciliafan.it>

Sicilia preziosa. <http://www.siciliapreziosa.it>

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ОХОТНИЧЬЕЙ ПРОЗЕ А. К. ТОЛСТОГО

С. М. Пронченко

Ключевые слова: А. К. Толстой, ранняя проза, имяупотребление, типология, семантика, функции

Keywords: A. K. Tolstoy, early prose, name usage, typology, semantics, functions.

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-11)

Введение

Как отмечает А. Ф. Роголев, «поэтическую ономастику нередко рассматривают как комплексную дисциплину, развивающуюся на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, эстетикой слова, лингвистикой текста» [Роголев, 2007, с. 8]. Особенности употребления имен собственных в художественном тексте (представленность ономастических классов, специфика семантики онимов, выполнение ими стилистических функций) являются значимой характеристикой идиостиля писателя. Имяупотребление обусловлено литературной традицией эпохи, художественным методом автора, идейно-тематическим своеобразием его произведений. Для исследователя ономастики художественного текста принципиальными оказываются выводы, основанные на сопоставлении имени реального и имени литературного — в частности, понимание того, что собой представляет имя в художественном тексте (это существующий в сознании писателя и рождающийся в воспринимающем сознании читателя идеальный образ вымышленного или реального объекта, находящийся в обстановке вымысла и игры [Калинкин, 2018, с. 70]), как воспринимается реальное имя в художественном тексте (его восприятие осложнено преобразующим воздействием творящего сознания автора [Калинкин, 2017, с. 10]), как формируется семантика имени в тексте (она зависит от контекста [Калинкин, 2017, с. 11]), какие стилистические функции может выполнять имя в тексте (эстетическую, номинативно-изобрази-

тельную, текстообразующую, характеристическую, экспрессивную, апеллятивную, культурно-историческую, локально-темпоральную функции [Фонякова, 1990]). Детальное изучение функционирования имени собственного в художественном тексте позволило ученым Донецкой ономастической школы (В. М. Калинкину, Н. В. Усовой, М. В. Буевской, К. С. Федотовой) обсуждать вопрос о специальной ономастической терминологии — в большинстве своем переосмысленной с точки зрения поэтической ономастической терминологии «Словаря» Н. В. Подольской [Подольская, 1988]. Эта терминология употребляется и в данной публикации.

Изучением идейно-тематического и художественного своеобразия художественных сочинений Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) занимались такие исследователи, как И. Г. Ямпольский, В. А. Котельников, А. В. Федоров, Д. А. Жуков, С. Ф. Васильев, В. Ю. Троицкий, A. Lirondelle [Ямпольский, 1969; Котельников, 2020; Федоров, 2012; 2017; Жуков, 1982; Васильев, 1989; Троицкий, 1994; Lirondelle, 1912 и др.].

Ранняя проза писателя в ономастическом аспекте изучена недостаточно. В ней, с одной стороны, представлены художественные произведения, появление которых было вызвано влиянием творчества дяди писателя Алексея Алексеевича Перовского (Антония Погорельского) (1787–1836), рецепцией готической традиции (диалогия «Встреча через триста лет» и «Семья вурдалака»; рубеж 1830–1840-х гг., повести «Упырь»; 1841 и «Амена», 1846). С другой стороны, в раннюю толстовскую прозу входят произведения, иные по своему идейно-тематическому своеобразию. Они раскрывают впечатления повествователя, отражают влияние литературного процесса эпохи на Толстого. Речь идет об охотничьей прозе писателя — очерках «Два дня в Киргизской степи» (1842) и «Волчий приемыш» (1843), имеющих «очевидную связь с итоговым писательским замыслом А. К. Толстого — „Охотничьими воспоминаниями“...» [Федоров, 2012, с. 35]¹, не дошедшими до нас, и рассказе «Артемий Семенович Бервенковский» (1845), созданном в традициях Натуральной школы.

Природа имела для мироощущения Толстого и его творчества колоссальное значение (см. более подробно: [Котельников, 2020, с. 56–62]). Интерес к охоте сохранялся у писателя до конца жизни, о чем впоследствии рассказывал, к примеру, его камердинер Захар [Федоров, 2012, с. 23–24]. На известной картине К. П. Брюллова 1836 г. юный Толстой изображен в охотничьем костюме, с ружьем и сеттером. До нашего времени дошла и фотография 1860-х гг., на которой запечатлен Толстой-охотник. Алексей Константинович о своей страсти к охоте писал:

---

¹ См. также: [Жуков, 1982, с. 83].

«С двадцатого года моей жизни она стала во мне так сильна и я предавался ей с таким жаром, что отдавал ей все время, которым мог располагать» (цит. по [Жуков, 1982, с. 72]).

В селе Красный Рог, во времена А. К. Толстого относящемся к Мглинскому уезду Черниговской губернии (в настоящее время — Почепский район Брянской области), располагалось имение писателя. Здесь Толстой ощущал единение с природой и увлеченно охотился. В письме к Б. М. Маркевичу от 15 апреля 1869 г. он отмечал: «Я теперь в час ночи сажусь на лошадь и еду за десяток верст в лес, где у пылающего костра жду зари, чтобы стрелять великолепных глухарей» (цит. по [Захарова, 2009, с. 195]). Приглашая А. А. Фета на охоту в краснорогские леса, Толстой 23 июня того же года писал: «Ускорьте Ваш приезд, вместе с г-м Борисовым, ибо молодые глухари не только летают, но летают высоко и далеко. Теперь самая пора их стрелять. Сверх того, есть полевые тетерева и молодые бекасы и дупели. Уток гибель. Можно за ними охотиться в лодке в так называемом Каменном болоте» (цит. по [Захарова, 2009, с. 198]). Характерна высокая «охотничья» оценка Алексеем Константиновичем своего краснорогского имения в одном из писем Б. М. Маркевичу 1871 г., в котором говорится, что Париж стоит обедни, а Красный Рог с его лесами и медведями — всех Наполеонов.

Методы и материалы исследования

При изучении функционирования имен собственных в охотничьей прозе А. К. Толстого применялись: историко-литературный метод, сплошная выборка, классификационный, контекстный и семантико-стилистический анализы, описательный метод.

Материал исследования — произведения «Два дня в Киргизской степи» и «Волчий приемыш». История возникновения первого очерка связана со следующим эпизодом биографии писателя: «Несколько летних дней с 22 июня 1841 г. он провел в степи под Оренбургом, поехав в гости к дяде Василию Алексеевичу Перовскому (1795–1857), бывшему в 1833–1842 гг. оренбургским военным губернатором. Там Толстой охотился с местным казаком Репниковым...» [Котельников, 2020, с. 59]. Второй очерк впервые был напечатан в «Журнале коннозаводства и охоты» в 1843 г. (№ 13) [Захарова, 2013, с. 37]. Эти произведения раскрывают мысли и чувства рассказчика, повествуют о приключениях, связанных с охотой на сайгаков, содержат этнографические зарисовки о башкирах и киргизах, наблюдения над жизнью казаков, сообщают об удивительном случае, произошедшем в краснорогских лесах, где в язве (волчьей норе) вместе с волчатами была найдена лисичка.

Результаты исследования

Охарактеризуем особенности типологии поэтонимов, специфику их семантики и функции в толстовских охотничьих очерках.

По специфике референтивного значения в очерке «Два дня в Киргизской степи» представлены топопоэтонимы (названия географических объектов) с такими подклассами, как астиопоэтонимы (названия городов): *Оренбург*; потамопоэтонимы (названия рек): *Сакмара*, *Урал*; оропоэтонимы (названия элементов рельефа земной поверхности): *Губерлинские горы*, *Кук-Таш*, *Уральский хребет*; хоропоэтонимы (названия любых территорий): *Киргизская степь*, *Оренбургская губерния*, *Сухореченская крепость*, а также антропоэтонимы (имена персонажей): *Иван Иванович*, *Репников*, *Решетаев*, зоопоэтонимы (клички животных): *Буффон* / *Буффка*, хронопоэтонимы (названия исторически значимых отрезков времени): *Хивинская экспедиция*.

В ономастическом пространстве очерка «Два дня в Киргизской степи» преобладают топопоэтонимы, участвующие в формировании хронотопа, выполняющие различные функции.

Эстетическая функция имени проявляется в гармоничном соединении формы и содержания (онима и его контекстного окружения), формирующем у читателя чувство удовлетворения прочитанным. Текстобразующая функция имени заключается в способности участвовать в создании текста, связывать его части в единое целое с учетом авторских интенций. Номинативно-изобразительная функция онима выражается в назывании референта, введении в текст определенных тем и мотивов, развитии художественных образов, осмыслении повествователем описываемых событий.

Так, эстетическая функция топопоэтонимов в очерке «Два дня в Киргизской степи» ярко проявляется, например, в лирически окрашенных пейзажных зарисовках (на них обратил внимание и французский исследователь толстовского творчества А. Лирондель [Lirondelle, 1912, pp. 42–43]):

«Места, чрез которые мы проезжали, были очень разнообразны и живописны; сначала такие же холмы, как и на кочевке, потом широкие долины, Сакмара, отсвечивающая сквозь лес серебряных тополей, зеленая, цветущая степь, а вдали голубые Губерлинские горы» (Алексей Толстой. Собрание сочинений. 1969. Т. 2. С. 128)²;

«Солнце едва начинало всходить, а тарантас наш уже ехал по берегу Урала... <...> Крутые берега, утесы, тарантас, до половины колес по-

² Далее цитирование очерков производится с указанием номеров страниц в круглых скобках по источнику: Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 2: Художественная проза. М.: Правда, 1969. 528 с.

грузенный в воду, прыгающие лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающие кинжалы, все это, освещенное восходящим солнцем, составляло прекрасную и оригинальную картину. **Урал** в этом месте не широк, но так быстр, что нас едва не унесло течением» (с. 128–129).

Текстообразующая функция географических названий реализована, например, в следующем контексте:

*«Кочевка расположена между высокими холмами, составляющими начало **Уральского хребта** и покрытыми дубняком и березником. <...> Почти все они имеют ту же оригинальную форму, почти все увенчаны стенообразным гребнем сланцеватого камня, и в каждой долине протекает небольшой ручей, с обеих сторон скрытый кустарником»* (с. 126).

Номинативно-изобразительная функция топонимов может быть проиллюстрирована следующими контекстами из очерка:

*«Мы продолжали путь и вскоре стали различать кибитки, расположенные у подножия высокого и длинного утеса синего и лилового цвета, который, как я узнал после, назывался **Кук-Таиш**, то есть синий камень, и состоял из яшмы»* (с. 129);

*«Вместо степи, сожженной солнцем, у подножия синего утеса **Кук-Таиш** расстиралось прекрасное озеро, отражавшее, как светлое зеркало, и утес, и расположенные близ него кибитки»* (с. 136).

Можно указать и на такие семантико-стилистические функции географических названий, как характеристическая, культурно-историческая и локально-темпоральная.

Характеристическая функция топонимов проявляется в описании отличительных свойств референта и его оценке повествователем:

*«Езда в **Оренбургской губернии** невероятно быстра, степные дороги гладки, как паркет, а башкирские лошади неустойчивы»* (с. 128).

Культурно-историческая функция географических названий состоит в отсылке читателя к народным традициям, истории и культуре. Так, культурно-исторический фон онима **Оренбург** связан с расположением города на стыке Европы и Азии, его особой ролью в развитии связей между Россией и Средней Азией:

*«Уже около месяца жили мы на кочевке, верстах в полутораста от **Оренбурга**...»* (с. 126).

Культурно-историческую функцию выполняет и топоним *Киргизская степь*, вынесенный в заглавие очерка и обозначающий значительную территорию северной части русских среднеазиатских владений от реки Урал до предгорий Тянь-Шаня на востоке, до Аральского моря на юге и до пределов Тобольской губернии на севере.

Локально-темпоральная функция связана с участием топопоэтонимов в моделировании художественного пространства и времени очерка:

«Тетеревиная стрельба наша напомнила мне кровопролитные охоты в немецких парках, охоты, которых, откровенно сказать, я терпеть не могу.

После этого сознания легко себе можно представить, как я обрадовался, когда пришло на кочевку известие, что за Уралом, в Киргизской степи, показались сайгаки» (с. 127).

Остальных классов поэтонимов в очерке значительно меньше, чем топопоэтонимов, — этой особенностью определяется специфика ономастического пространства произведения.

Антропоэтонимы *Иван Иванович*, *Репников*, *Решетаев* участвуют в развитии действия, выполняют различные функции. Хорунжий назван только по имени и отчеству Иваном Ивановичем, а казаки — только по фамилиям Репников и Решетаев.

Эстетическая функция антропоэтонимов может быть проиллюстрирована следующим контекстом:

«Несколько казаков выехали к нам навстречу, и между ними хорунжий Иван Иванович, заведовавший на кочевке всеми охотами. Известия о сайгаках были самые удовлетворительные. Казаки говорили, что им нет и числа и что не помнят, когда бы их приходило на линию такое множество» (с. 129).

Текстообразующую функцию антропоэтонимы выполняют в следующем контексте:

«Когда мы вошли в кибитку, Иван Иванович, к удивлению нашему, показал нам десять сайгачьих голов, с красивыми рогами и с безобразными горбатыми носами, напоминающими своєю длиною и мягкостью носы индейских петухов» (с. 129).

Номинативно-изобразительная функция антропоэтонимов реализована в следующем контексте:

«Мы пустились рысью, и вскоре Репников (так звали казака) опять увидел сайгаков.

Этот раз мне удалось доползти к ним шагов на восемьдесят, но руки мои дрожали, пот катился в глаза и мешал мне смотреть, я целился минут с две, наконец выстрелил и дал промах» (с. 132).

Апеллятивная функция антропоэтонимов (функция обращения, побуждения собеседника к восприятию речи) может быть проиллюстрирована следующим фрагментом:

«Ты, Решетаев, оставайся с лошадьми да поглядывай по сторонам, а вы ложитесь на землю и ползите за мною» (с. 131).

Характеристическая функция антропонимов проявляется в следующем фрагменте очерка, который создает представление о личных качествах казаков:

— Правда ли, — спросил я между прочим, — что киргизцы переносят боль с необыкновенным терпением и никогда не жалуется, как бы тяжело они ни были ранены?

— Правда, ваше благородие, — отвечал **Репников**. — Намедни я откусил одному киргизцу ухо, так нисколько и не поморщился, собака! (с. 133)

Далее Репников сообщает, что откусил ухо одному из киргизов за угон табуна из станицы и убийство коня, на котором казак бросился в погоню за ним. Он рассказывает, как откусил ухо:

«Тут **Решетаев** с ребятами навалились на молодца и скрутили ему руки, а я как подскакал к ним да как увидел эту киргизскую рожу, так сердце и закипело, — бросился на него и отхватил зубами ухо...» (с. 134).

В очерке употреблен зоопоним (кличка пса), представленный вариантами **Буффон** и **Буффка**.

Эстетическая функция данного зоопонима проявляется в его гармоничной взаимосвязи с контекстным окружением, формирующей у читателя чувство удовлетворения прочитанным. Текстобразующая функция онима **Буффон** реализована в фрагменте, рассказывающем о случае, произошедшем на одной из охот, и связанном с другими частями текста, повествующими об особенностях охот, в которых ранее участвовал рассказчик. Номинативно-изобразительная функция онима **Буффон** выражается посредством развертывания в очерке темы недостатка интереса к охоте, когда она представляет собой лишь стрельбу по тетеревам и когда в ней отсутствует истинный азарт, связанный с «ожиданием неизвестного». Апеллятивная функция зоопонима проявляется при обращении рассказчика к псу, характеристическая — в экспрессии, связанной, с одной стороны, с авторской иронией относительно внешнего вида и качеств пса, с другой — с сочувствием животному:

«Правда, что у нас была отличная собака: бедный **Буффон** был глух и крив, но имел такое чутье и такую стойку, каких я никогда не видывал. Я помню, однажды он стал над куропаткой. „Пиль!“ — сказал я. **Буффон** ни с места. „Пиль, **Буффка**!“ **Буффон** не шевелится. „Пиль, дурак!“ — закричал я и пихнул его ногой. **Буффон** перекувырнулся и стал ко мне лицом, нисколько не теряя ни хладнокровия, ни стойки. Куропатка сидела между им и мною, и я поймал ее руками. Таков был бедный **Буффон**...» (с. 127).

Хропоним **Хивинская экспедиция** употреблен в фрагменте очерка, развертывающем тему легендарной быстроты обладающих обостренным чувством опасности сайгаков и потому вызывающих неподдельный

интерес и азарт у преследователей, антилоп, являющихся достойной добычей для охотников. Оним *Хивинская экспедиция* выполняет различные семантико-стилистические функции. Его эстетическая функция проявляется в гармоничном включении в контекст, текстообразующая — в соединении частей текста, номинативно-изобразительная — в назывании референта. Культурно-историческая функция онима *Хивинская экспедиция* состоит в обращении к неудачному завоевательному походу В.А. Перовского 1839 г. с целью подчинения Хивинского ханства России, когда охотники, участвовавшие в этой кампании, безуспешно пытались настичь встреченных сайгаков. Локально-темпоральная функция хронопоэтонима заключается в отсылке к месту и времени проведения экспедиции:

«Я вспомнил об описаниях этого животного (сайгака. — С. П.) в натуральных историях, где об нем всегда говорится как об одном из быстрейших и недоступнейших антилопов. Некоторые из охотников, бывшие в Хивинской экспедиции, рассказывали нам, как на возвратном пути, весною, им случалось встречать сайгаков и как они тщетно старались догнать <их> лучшими скакунами. Однажды им удалось окружить целый табун и вогнать его в средину обоза, но сайгаки без всякого усилия перепрыгнули через навьюченных верблюдов и тотчас скрылись из виду» (с. 127–128).

В очерке «Волчий приемыш» повествуется об удивительном случае нахождения Толстым в волчьей норе вместе с волчатами лисички. Писатель приютил их у себя и мог наблюдать за их поведением. Толстой-охотник не нашел для себя объяснения, почему волчица не загубила детеныша лисицы и почему лисичка, впоследствии находясь у писателя, мирно играла с волчатами, поэтому решил посредством публикации этого рассказа в журнале обратиться к общественности и получить возможный ответ.

По специфике референтивного значения в очерке выделяются только топопоэтонимы, что составляет особенность его ономастического пространства. Географические имена рассказа делятся на следующие подклассы: хоропоэтонимы: *Черниговская губерния, Мглинский уезд* и комопоэтонимы (названия сельских поселений): *Красный Рог*.

Эстетическая функция данных топопоэтонимов состоит в гармоничном их включении в контекст, описывающий место действия, текстообразующая — в связывании частей очерка, участия в создании когезии текста, номинативно-изобразительная — в назывании географических объектов, культурно-историческая — в отсылке к культурно-исторической специфике называемых географических реалий, локально-темпоральная — в моделировании хронотопа очерка. Употребленные в очерке географические названия *Черниговская губерния* и *Мглинский уезд* на се-

годняшний день являются историзмами. В толстовские времена географические объекты (в том числе и село Красный Рог), обозначаемые этими онимами, входили в состав Малороссии. Данные имена с течением времени стали связывать с таким культурно-историческим понятием, как *Стародубье*, называющим земли, прилегающие к городу Стародубу как центру *Северщины*. В настоящее время это западная часть Брянской области России, где сохраняется уникальная локальная специфика в области народных культурных традиций, говоров, религиозных верований, обусловленная территориальной близостью Белоруссии и Украины:

«1839 года, весною, был я свидетелем такого странного случая, какому в летописях охоты едва ли отыщется подобный. В Черниговской губернии, Мглинского уезда, в селе Красном Рогу лесничие донесли мне, что нашли убитую волчицу. Охотиться без ведома моего у меня запрещено, и я тотчас отправился в означенное лесничими урочище удостовериться, не чужими ли охотниками убита волчица» (с. 140).

Заключение

Таким образом, специфика функционирования имен собственных в охотничьей прозе А. К. Толстого заключается в том, что, во-первых, в ней количественно преобладают топопоэтонимы, что связано с идейно-тематическим своеобразием произведений: с одной стороны, восхищением рассказчиком окружающей природой и охотой, стремлением раскрыть перед читателем собственные мысли и чувства, определить значение описанных событий для становления и развития собственной личности и мировоззрения (очерк «Два дня в Киргизской степи»), с другой — целью получить возможный квалифицированный ответ на вопрос об удивительной охотничьей находке — нахождении в волчьей норе личички (очерк «Волчий приемыш»). Во-вторых, особенности семантики онимов в очерках состоят в том, что Толстой употребляет реальные имена, но их значение преобразовано в соответствии с авторскими интенциями, связанными с идейно-тематическими особенностями произведений. В-третьих, проанализированные поэтонимы участвуют в формировании хронотопа, в развитии действия, выполняют такие стилистические функции, как эстетическая, текстообразующая, номинативно-изобразительная, характеристическая, культурно-историческая, локально-темпоральная и апеллативная.

Библиографический список

Васильев С. Ф. Проза А. К. Толстого: направление эволюции и контекст. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1989. 96 с.

Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М.: Молодая гвардия, 1982. 383 с.

Захарова В. Д. А. К. Толстой. Летопись жизни и творчества. Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2013. 164 с.

Захарова В. Д. По следам Алексея Константиновича Толстого. Вымыслы и правда. Изд. 2-е, испр. Брянск: [б. и.], 2009. 240 с.

Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 10–17.

Калинкин В. М. Поэтика онимов: неоспоримость правды вымысла // Культура в фокусе научных парадигм. 2018. № 6. С. 66–71.

Котельников В. А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 864 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.

Рогалев А. Ф. Имя и образ: художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках. Гомель: Барк, 2007. 224 с.

Троицкий В. Ю. А. К. Толстой. Духовные начала творчества и художественный мир писателя // Филологические науки. 1994. № 5–6. С. 19–26.

Федоров А. В. А. К. Толстой в жизни и творчестве. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2012. 144 с.

Федоров А. В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2017. 752 с.

Федоров Н. Слуга знаменитости (Материалы для биографии графа А. К. Толстого) // Красный Рог и его обитатели: воспоминания / сост. В. Д. Захарова. Брянск: БГИТА, 2012. С. 10–29.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1990. 104 с.

Ямпольский И. А. К. Толстой // Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 1: Лирические стихотворения. Баллады, былины, притчи. Сатирические и юмористические стихотворения. Поэмы. Переводы. М.: Правда, 1969. С. 3–50.

Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï: l'homme et l'œuvre. Paris: Librairie Hachette & Cie, 1912. 677 p.

Источник

Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 2: Художественная проза. М.: Правда, 1969. 528 с.

References

- Vasil'ev S. F. Prose of A. K. Tolstoy: direction of evolution and context, Izhevsk, 1989, 96 p. (In Russian)
- Zhukov D. A. Alexey Konstantinovich Tolstoy, Moscow, 1982, 383 p. (In Russian)
- Zakharova V. D. A. K. Tolstoy. Chronicle of life and creativity, Bryansk, 2013, 164 p. (In Russian)
- Zakharova V. D. In the footsteps of Alexei Konstantinovich Tolstoy. Fiction and truth, Bryansk, 2009, 240 p. (In Russian)
- Kalinkin V. M. Meet: Poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. = Bulletin of Tambov University, 2017, vol. 3, no. 1 (9), p. 10–17 (In Russian)
- Kalinkin V. M. Poetics of onyms: the indisputability of the truth of fiction. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm* = Culture in the focus of scientific paradigms, 2018, no. 6, p. 66–71 (In Russian)
- Kotel'nikov V. A. Alexey Konstantinovich Tolstoy in life and literature, St. Petersburg, 2020, 864 p. (In Russian)
- Podol'skaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology, Moscow, 1988, 192 p. (In Russian)
- Rogalev A. F. Name and image: the artistic function of proper names in literary works and fairy tales, Gomel, 2007, 224 p. (In Russian)
- Troitskiy V. Yu. A. K. Tolstoy. Spiritual principles of creativity and the artistic world of the writer. *Filologicheskie nauki* = Philological sciences, 1994, no. 5–6, p. 19–26 (In Russian)
- Fedorov A. V. A. K. Tolstoy in life and work, Moscow, 2012, 144 p. (In Russian)
- Fedorov A. V. Aleksey Konstantinovich Tolstoy i russkaya literatura ego vremeni, Moscow, 2017, 752 p. (In Russian)
- Fedorov N. Servant of celebrity (Materials for the biography of Count A. K. Tolstoy). *Krasnyy Rog i ego obitateli: vospominaniya* = Red Horn and its inhabitants: memories, Bryansk, 2012, p. 10–29 (In Russian)
- Fonyakova O. I. *Proper name in art text: textbook*, Leningrad, 1990, 104 p. (In Russian)
- Yampol'skiy I. A. K. Tolstoy. *Tolstoy A. K. Sobranie sochineniy* = Tolstoy A. K. Collected works: in 4 vols, vol. 1: Lyric poems. Ballads, epics, parables. Satirical and humorous poems. Poems. Translations, Moscow, 1969, p. 3–50 (In Russian)
- Lirondelle A. Le poète Alexis Tolstoï: l'homme et l'œuvre, Paris, Librairie Hachette & Cie Publ., 1912, 677 p.

Source

- Tolstoy A. K. Collected works: in 4 vols, vol. 2: Artistic prose, Moscow, Pravda Publ., 1969, 528 p. (In Russian)

СЛОВА НОВЫЙ И НОВЕНЬКИЙ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ

Чжан Цзин

Ключевые слова: семантика, коннотация, многозначное слово, диминутив, функция слова в художественном тексте, русская языковая картина мира

Keywords: semantics, connotation, polysemous word, diminutive, function of the word in a literary text, Russian language picture of the world

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-12)

Введение

Говоря о тематике цикла И.А. Бунина «Темные аллеи», исследователи, как правило, ссылаются на высказывание самого писателя, который считал: «Все рассказы этой книги только о любви, о ее *темных* и чаще всего мрачных и жестоких аллеях» [Сухих, 2023, с. 75]. Однако с позиций сегодняшнего времени можно утверждать, что тематика цикла намного шире и в своих рассказах Бунин запечатлел драматические события русской общественной и частной жизни и при этом создал образ той России, которая безвозвратно ушла в прошлое. Вероятно, поэтому как мир образов и идей, объединяющих рассказы цикла «Темные аллеи», так и семантическое своеобразие писательского слова остаются в центре внимания современных исследований [Борзых, Чересюк, 2023; Власова, Корзунова, 2023; Лу, 2024; Марченко, 2023; Фархутдинова, Киеу, 2024]. В этом же русле находится и данное исследование, посвященное анализу семантики слов *новый* и *новенький* и их функционированию в цикле Бунина.

Актуальность данной статьи определяется также и тем, что она включается в круг работ, посвященных изучению творческого наследия писателя в аспекте авторского самовыражения, поскольку лингвосмысловой анализ позволяет объективно интерпретировать как смысл самого текста, так индивидуально-авторский концептуальный смысл [Мещерякова, 2002]. Цель статьи — представить анализ семантики слова *новый* и диминутива *новенький* и описать их функционирование в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи», чтобы выявить особенности авторского словоупотребления.

Материал и методы исследования

Материал исследования — 61 словоупотребление, включающее однокоренные слова, входящие в словообразовательное гнездо с вершиной *нов-*: *новый, новенький, ново, новизна, снова, вновь* и другие (21 рассказ из 38, входящих в цикл). К описанию привлечены прилагательные *новый* и *новенький*.

Языковой материал изучался с помощью методов описательного, семантического, контекстуального и лексикографического анализа. В основе методологических подходов лежат идеи разграничения значения слова в тексте и слова в языке (в словаре), представления об авторе как организующем центре произведения, разграничение сознания автора и его персонажей (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, М. М. Бахтин).

Результаты исследования

Первую позицию по количеству употреблений в рассказах занимает прилагательное *новый*, представленное разными словоформами (*новая, новые*) (31 раз). Это соответствует данным частотных словарей, которые включают его в первую сотню самых частотных слов в языке художественных произведений для взрослых¹.

Современные Бунину словари русского языка выделяли у слова *новый* следующие значения: «недавно созданный, сделанный, явленный»; «незадолго конченный, происшедший»; «нашего века, этого года, месяца, дня»; «другой, иной, не тот, что был прежде», «доселе неведомый или не бывший»; «недержанный, неношенный» [Даль, 1955, т. II, с. 549]. Словари нашего времени отмечают у слова *новый* несколько иные значения: «такой, который не существовал ранее»; «впервые созданный, выведенный, открытый или только что появившийся, вышедший, возникший», «недавно купленный, приобретенный или поступивший, прибывший куда-либо», «ранее не использовавшийся; не бывший в употреблении», «относящийся к настоящему времени; современный»; «пришедший на смену старому», «следующий, очередной»².

Чаще всего слово *новый* употребляется в значении «недавно приобретенный», «недавно купленный», «недержанный, неношенный»: «и в новой шинельке с серебряными пуговицами» («Поздний час»), «горничные, блестя новыми платьями, то и дело прибежали по двору из кухни в дом и из дома в кухню» («Зойка и Валерия»), «я в новом гарусном коричневом платье под суконной жакеткой, на мне белые бумажные чулки и новые полсапожки с медными подкопками!» («Таня») и др. Но-

¹ Текстометр: <https://textometr.ru/frequency-check>

² Словари и энциклопедии на Академике: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/197790>

вая одежда и обувь персонажей свидетельствует не только о материальном достатке, позволяющем героям покупать недешевые вещи и носить их, но и о их желании выглядеть красиво, нарядно и соответствовать ситуации.

Значение «недавно изготовленный»: писатель использует его, когда ведет речь о новом предмете интерьера. Так, описывая опрятную горницу, где останавливаются проезжающие, писатель обращает внимание на то, что посетитель отметил не только чистоту скатерти и полов, но и «*новый золотистый образ в левом углу*» («Темные аллеи»). Новый образ (икона) тоже свидетельствует о материальном благополучии хозяев. То есть даже в основном значении прилагательное различается компонентами семантики: объективным и субъективным.

Специфика значения слова *новый* заключается в том, что оно называется как то, что объективно появилось недавно, так и то, что уже объективно существовало, но стало новым для конкретного человека, недавно узнавшего об этом объекте. Яркий пример такого совмещения значений отмечается в следующем словоупотреблении: «*вечера нередко проводил в дешевых ресторанах с разными новыми знакомыми из богемы*» («Муза»). Новые знакомые — это те люди, с которыми рассказчик не был знаком раньше, сами люди существовали до знакомства с героем. Семантика слова *новый* оказывается антропоцентричной, потому что новизна определяется не только временем возникновения, но и субъективным опытом личности, которая сама осознает, что имеет дело с «*другим, иным*» или «*не с тем, что был прежде*». Последнее проявляется, например, в словоупотреблении «*Каким совсем новым существом стала она для него!*» («Руся»). В отдельных случаях семантика объективной и субъективной новизны совпадает: «*новая книжка Аверченки*» («Антигона»).

В рассказах Бунина слово *новый* может становиться контекстуальным синонимом к слову *чужой*: «*чужие, новые люди живут в нем теперь*» («Поздний час»).

В значении прилагательного *новый* отражаются и периодические обновления, связанные с цикличностью существования, с привычным ходом событий, которые определяют человеческую жизнь и подчиняют ее себе. Так, в рассказе «Волки» упоминание об *ометах новой пахучей соломы* отражает календарность ритма сельской жизни: август, молотба на гумне, свежая солома с ее особым запахом. Это все — часть традиционного деревенского уклада. В этом случае Бунин употребляет прилагательное в том значении, которое приведено в словаре Даля: *новый* — *этого года*. Данное значение включает не только сему «этого года», но и сему «повторяющийся» <из года в год, из раза в раз>. Поэтому зна-

чение «повторившийся» находится в отношениях смежности с предыдущим значением: «*молчание, потом новый стук*» («Муза»). Еще одно значение: *новый* — взятый взамен другого, прекратившего существование: *запалил новую лучину* («Дубки»). Это значение реализуется через социокультурный контекст повседневности российской деревни начала XX в.: современникам Бунина не нужно было объяснять необходимость обновления лучин для освещения жилища. К тому же *новая лучина* означала, что в доме (в избе) еще не собираются спать. Но со временем семантика выражения становится затемненной главным образом из-за слова *лучина*, являющегося историзмом (этнографизмом).

В семантике прилагательного могут проявляться особенности хронотопа, отражающие течение времени. В этом случае *новое* противопоставляется *старому*, то есть маркирующему более давний или предшествующий отрезок времени. Говоря о художнике-любителе Ганском, рассказчик вспоминает, что тот *загромождал свой дом... старыми и новыми картинами* («Гая Ганская»). Здесь *старые картины* — написанные или приобретенные в прежнее время, а *новые картины* — написанные или купленные недавно, в то время, пока рассказчик не бывал в доме Ганского.

В качестве составного компонента имен собственных прилагательное *новый* маркирует реалии национальной культуры и представляет социокультурный контекст эпохи. Это касается составного онима *Новый год*, который известен каждому представителю русской лингвокультуры. Как нарицательное словосочетание *новый год* обозначает наступление нового календарного периода, а как оним называет один из любимых русских праздников, с которым связано множество ритуалов. В тексте рассказа «Чистый понедельник» словосочетание *под Новый год* обозначает время, когда произошло важное для рассказчика событие: «*В четырнадцатом году, под Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный*».

Другой оним, связанный с реалиями описываемого Буниным периода, — название газеты «*Новое время*»³, которое встречается в тексте рассказа «Генрих». Популярную русскую газету герой купил во французской Ницце. Сама онимическая единица, маркирующая реалию, свидетельствует о духе эпохи, в которой происходят события, и подтверждает свойственную писателю точность деталей.

Прилагательное *новенький*, которое шесть раз встречается в рассказах цикла «Темные аллеи», можно определить как номинацию с умень-

³ Большая российская энциклопедия 2004–2017: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2667599

шительно-ласкательным суффиксом, выражающим эмоциональный и экспрессивный смысл ласкательности и содержащим отношение говорящего к участнику коммуникации, к ситуации [Шлыкова, 2018], к лицу, явлению, предмету и т.д. В тексте рассказов Бунина значение слова *новенький* совпадает с семантикой прилагательного *новый* — «недавно приобретенный, купленный, сшитый»: *«хотел вызвать в себе грусть, жалость воспоминаний — и не мог: да, входил в эти ворота сперва стриженный под гребенку первоклассник в новеньком синем картузе с серебряными пальмочками над козырьком и в новой шинельке с серебряными пуговицами»* («Поздний час»), *«Еще свежий с мороза, в новеньком мундире и от этого не в меру изысканно, с излишней вежливостью пробираясь в толпе по красному ковру лестницы, я поднялся на площадку»* («Натали»). Различия в словоупотреблении объясняются фигурой рассказчика: в одном случае постаревший герой вспоминает себя — маленького гимназиста или себя студента, в другом — немолодой мужчина с восхищением говорит о юной красавице, которую он случайно встретил много лет назад. В обоих случаях *новенький* и *новенькое* включаются в описание внешности юных героев, для которых новенькая одежда — это иной статус. Субстантивированное прилагательное *новенькое* использовано рассказчиком при описании молоденькой и хорошенькой Гали Ганской: *«И уже не подросток, не ангел, а удивительно хорошенькая тоненькая девушка во всем новеньком, светло-сером, весеннем. Личико под серой шляпкой наполовину закрыто пепельной вуалькой, и сквозь нее сияют аквамариновые глаза»* («Галя Ганская»). Диминутивы заполняют описание: *хорошенькая, тоненькая, шляпка, вуалька*. Здесь налицо та самая эмоциональность, которую особо выделяла А. Вежбицкая, анализируя культурные темы в русской культуре и языке [Вежбицкая, 1997]. Прилагательные на *-еньк-*, считает она, «могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес» [Вежбицкая, 1997, с. 54]. Именно это наблюдается в рассказе «Галя Ганская»: рассказчик с восторгом вспоминает очарование юной Гали.

Коннотации, представленные в диминутивах, делают диминутивы важной частью русской языковой картины мира [Земская, 1981, с. 124]. В лексеме *новенький* проявляется эмоциональная оценочность, которая в тексте эксплицируется сравнительным оборотом (*как новенький*) и словами окружения. Так, в рассказе «Зойка и Валерия» соединяются пейзажная зарисовка и описание поезда на железнодорожной станции: *«Иногда шел тот прелестный дождь сквозь солнце, когда зеленые вагоны, обмытые им, блестели, как новенькие, белые клубы дыма из паровоза казались особенно мягкими, а зеленые вершины сосен, стройно и часто*

стоявших за поездом, круглились необыкновенно высоко в ярком небе». Вагоны поезда, мокрые после дождя, блестят как новенькие, то есть как только что сделанные.

Проведенный анализ словоупотреблений слова *новый* и его деривата *новенький* в рассказах цикла И.А. Бунина «Темные аллеи» показал, что чаще всего писатель их применяет при описании предметов быта (обстановки, хозяйственно-бытовых реалий). Такие словоупотребления отражают характер жизни человека, его потребности в обновлении мира повседневности — того, что поддерживает нормальный уровень жизни или украшает человеческое жилище, как, например, *новый образ* (икона) в рассказе «Темные аллеи». Новыми могут быть не только вещи долгосрочного пользования, но и предметы однократного использования, которые заменяются независимо от уровня материального благополучия: *новая папироса* взамен докуренной (хотя, вероятно, папиросы курили люди с достатком), *новая лучина* взамен погасшей.

Часто в текстах рассказов слова *новый* и *новенький* связаны со словами тематической группы «Одежда»: герои особо отмечают, что героини появляются в новых платьях, жакетках или юбках, что у них на ногах новые ботинки или чулки, что гимназист одет в новую форму или что у балалаечника в речном трактире *чистенькие онучи и новенькие лапти*. Причем коннотации у слов *новый* и *новенький* в каждом случае различаются и передают широкий спектр эмоций героя (восхищение внешним видом, снисходительное отношение, констатация пошлости). Новизна одежды и обуви свидетельствует о материальном достатке владельца или его новом (более высоком) социальном статусе. Новая одежда всегда производит впечатление и на других людей.

Слово *новый* маркирует и культурные объекты. В цикле встречаются названия произведений искусства и литературы, созданные современниками повествователя, что позволяет актуализировать прецедентные имена писателей, премьерные постановки Художественного театра. Характеристика культурного пространства России активизирует семантику повторного действия, что свидетельствует о непрерывности культурного процесса, а введение в этот контекст имен зарубежных авторов уточняет культурную картину русского мира и наполняет ее новыми произведениями и новыми литературными именами («Чистый понедельник»). Если в литературной жизни нужна постоянная смена впечатлений, их обновляемость, то в архитектуре новое героями Бунина оценивается иначе. Специфика архитектурного сооружения как вида искусства предполагает длительный процесс его создания. Соответственно, архитектурное сооружение долго остается новым в восприятии людей. Вследствие

этого семантика новизны расширяется, осложняется дополнительными компонентами и характеристиками, которые являются контекстуально обусловленными: *слишком новая громада Христа Спасителя* («Чистый понедельник»). К этой тематической группе относятся и лексемы с общим значением: *новые работы, новые картины*.

Еще одна активная сфера применения прилагательного *новый* — характеристика людей и человеческих взаимоотношений: *новые знакомые, новые люди, новые лица, новая встреча, новый восторг, новый прилив готовности*. В первом случае семантика новизны включает в себя указание на активную социальную жизнь персонажа, который постоянно нуждается в смене впечатлений. Во втором случае речь идет о способности к сильным эмоциям, которые отличаются интенсивностью и устойчивостью, то есть указывает на эмоциональную зрелость героя.

Заключение

Текст художественного произведения, являясь отражением индивидуально-авторской картины мира, в то же время фиксирует состояние лингвокультуры в конкретный исторический период. В этом плане цикл рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» представляет собой богатейший материал для исследования. Глубочайший знаток реалий русского мира, культуры быта, чувств и отношений, И.А. Бунин отразил не только хорошо ему известный мир России до 1917 г., но и показал то новое, что было в укладе дореволюционной русской жизни. В рассказах цикла присутствуют семантические компоненты, которые со временем утратили актуальность в русской языковой культуре, но сохранились в лексикографических источниках.

Более того, описывая из глубины Европы далекую Россию прошлого, И.А. Бунин обращает внимание на то, что в ней было много нового, светлого, свежего и здорового.

Библиографический список

Борzych С.А., Чересюк П.А. Роль цвета в рассказе «Темные аллеи» И.А. Бунина // Дали Даля: сб. ст. по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Белгород: ООО «Эпицентр», 2023. С. 8–13.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /: пер. с англ. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

Власова Л.А., Корзунова А.А. Функционирование имен прилагательных в рассказах И.А. Бунина из цикла «Темные аллеи» // Русская литерату-

ра в меняющемся мире. 2022: сб. мат-ов Междунар. науч. конф. Ереван: Российско-Армянский университет, 2023. С. 78–87.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. II. М.: Русский язык, 1955. 779 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Семантика. М.: Наука, 1981. 276 с.

Лу П. Лексические средства выражения прекращения действия в произведении «Темные аллеи» И. А. Бунина // Роль и место русского языка в современном мире: сб. науч. ст. XVI Междунар. научно-практич. конференции. Белгород: БелГУ, 2024. С. 4–44.

Марченко Н. Г. Метафора в языке прозы И. А. Бунина (на материале рассказов цикла «Темные аллеи») // Молодой ученый. 2023. № 18 (465). С. 217–219. <https://moluch.ru/archive/465/102323/>

Мещерякова О. И. Авторская концептосфера и ее репрезентация средствами свето- и цветообозначения в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи»: автореф. дис.... канд. филол. наук. Орел, 2002. 24 с.

«Новое время» // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2667599

Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/> <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/197790>

Сухих И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! (От Блока до Бродского). СПб.: Азбука, 2023. 797 с.

Фархутдинова Ф. Ф., Киеу А. В. Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 103–114.

Шлыкова Л. А. Диминутивы в современном русском языке // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2018. № 5 (22). С. 270–274.

Источники

Бунин И. А. Темные аллеи: собр. соч. в 9 т. Т. VII. М.: Худ. лит., 1966. 400 с. Иван Алексеевич Бунин. <http://bunin-lit.ru/>

Текстомер: проверка частотности слов. <https://textometr.ru/frequency-check>

References

Borzykh S. A., Cheresyuk P. The role of color in the story “Dark Alleys” by I. A. Bunin. *Dali Dallya*=Dali Dahlya, Belgorod, 2023, p. 8–13 (In Russia)

Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition: Translated from English, Moscow, 1997, 416 p. (In Russia)

Vlasova L. A., Korzunova A. A. The functioning of adjectives in the stories of I. A. Bunin from the cycle “Dark Alleys”. *Russkaya literatura v menyayushchemsya mire* = Russian Literature in a Changing World, 2022, Yerevan, 2023, p. 78–87. (In Russia)

Dahl V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, vol. II, Moscow, 1955, 779 p. (In Russia)

Zemskaya E. A. Russian colloquial speech: General questions. Word formation, Moscow, 1981, 276 p. (In Russia)

Lu P. Lexical means of expressing termination in the work “Dark Alleys” by I. A. Bunin. *Rol' i mesto russkogo yazyka v sovremennom mire* = The role and place of the Russian language in the modern world, Belgorod, 2024, p. 42–44. (In Russia)

Marchenko N. G., Guk Yu. M. Metaphor in the language of I. A. Bunin's prose (based on the material of the stories of the cycle “Dark Alleys”). *Molodoj uchenyj* = A young scientist, 2023, no. 18 (465). <https://moluch.ru/archive/465/102323/>. (In Russia)

Meshcheryakova O. I. Aytorskaya The author's conceptual sphere and its representation by means of light and color designation in the cycle of short stories by I. A. Bunin “Dark Alleys”. Abstract of Philol. Cand. Diss. Orel, 2002, 24 p. (In Russia)

“Novoe vremya”. The Great Russian Encyclopedia. 2004–2017. https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2667599 (In Russia).

Dictionaries and encyclopedias on the Academic. dic.academic.ru/ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/197790>

Sukhikh I. N. Russian literature is for everyone. Great reading! (From Blok to Brodsky), St. Petersburg, 2023, 797 p. (In Russia)

Farhutdinova F. F., Kieu A. V. Words-names of weapons in the cycle of I. A. Bunin's short stories “Dark Alleys”: composition, semantics, functions. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* = Verkhnevolzhsky Philological bulletin, 2024, no. (37), p. 103–114. (In Russia)

Shlykova L. A. Diminutives in modern Russian. *Sovremennye problemy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk* = Modern problems of the humanities and social sciences, 2018, no. (22), p. 270–274. (In Russia)

List of Sources

Bunin I. A. Dark Alleys. Collected Works in 9 Vols, Moscow, 1966, vol. VII, 400 p. (In Russia)

Ivan Alekseevich Bunin. <http://bunin-lit.ru/>

Textometer: checking the frequency of words]. URL: <https://textometr.ru/frequency-check>

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ АБИТУРИЕНТАМИ ПОКОЛЕНИЯ Z

Д. Д. Старикова, Л. А. Селина

Ключевые слова: психолингвистика, когнитивная лингвистика, концепт ЛЕКЦИЯ, ассоциативный эксперимент, методы психолингвистики, поколение Z

Keywords: psycholinguistics, cognitive linguistics, concept of LECTURE, associative experiment, psycholinguistical methods, Z generation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-13)

Введение

На сегодняшний день преподаватели высшей школы все чаще сталкиваются со сложностями в обучении нового поколения студентов. Педагоги отмечают, что современный студент потерял способность к длительной концентрации, усвоению больших пластов информации и в общем утратил интерес к обучению. Однако с точки зрения обучающихся ситуация может выглядеть иначе — подача материала не соответствует их ожиданиям, знания преподавателей устарели, а содержание предмета больше неактуально для современного мира. Исследование, результаты которого представлены в данной статье, является первым шагом в попытке уменьшить имеющуюся разницу в видении образования студентами и преподавателями и выполнено посредством методики такой ветви языкознания, как психолингвистика.

Согласно теории поколений Штрауса — Хау, студентов, рожденных в период между 2001 и 2020 гг., можно отнести к социальному поколению Z [Strauss, Howe, 1997]. Под термином «социальное поколение» исследователи понимают совокупность людей, которые были рождены в общий период двадцати лет и объединены тремя критериями:

- 1) переживание одних и тех же исторических событий в схожем возрасте;
- 2) примерно одинаковые модели поведения;
- 3) чувство причастности к соответствующему поколению [Ожиганова, 2015, с. 94].

Условиями формирования поколения Z является резкий скачок в прогрессе информационных технологий, а среди часто выделяемых особен-

ностей — клиповое мышление, сложности с сохранением концентрации, проблемы с обработкой больших массивов информации, склонность к излишней тревожности и депрессии, замкнутость, популяризация неформального стиля общения и активная жизненная позиция, инфантильность [Тренина, Невolina, Харлова, 2022, с. 157; Кулакова, 2018; Никитина, 2021]. В связи с этими особенностями методы преподавания, которые были эффективны по отношению к предыдущим поколениям, неприменимы в условиях обучения поколения Z. В особенности это относится к лекционным дисциплинам, требующим высокой концентрации и запоминания больших пластов информации [Войцех, Селина, 2024, с. 2].

Таким образом, перед научным проектом стоит следующая задача — выяснить, каким образом современное поколение студентов воспринимает концепт ЛЕКЦИЯ, чтобы в перспективе вывести наиболее эффективные рекомендации к составлению лекций по научным дисциплинам, а перед данной статьей — выявить психолингвистические особенности концепта ИДЕАЛЬНОЙ ЛЕКЦИИ.

Методы и материалы исследования

Концепт, как комплексное явление, обладает сложной структурой. В широком смысле ее можно представить в виде концентрического круга, где в середине будет располагаться ядро концепта — концентрация его самых ярких когнитивных признаков, а на периферии будут закрепляться его второстепенные признаки, привнесенные культурой или личным опытом [Темиралиева, 2021, с. 84]. Исследование концепта может открыть взгляд на то, как именно то или иное понятие раскрывается в сознании индивида или целой группы. Существует множество методик, позволяющих исследовать внутреннюю структуру концепта. Однако если цель научной работы — выявить, как то или иное понятие концептуализируется в сознании группы, рассмотреть его живые, актуальные когнитивные признаки, одной из самых действенных методик будет ассоциативный эксперимент.

Согласно Н. И. Жинкину, ассоциативный эксперимент — это прием психологии, целью которого является изучение смысловой структуры слова, который основывается на предположении, что при восприятии слова происходит перекодирование информации с естественного языка на смысловой [Жинкин, 1970, с. 151]. А. А. Залевская называет данный метод одним из наиболее эффективных, если конечной целью исследования является доступ к информационно-когнитивной базе человека [Залевская, 2007], а Н. В. Уфимцева видит в нем надежный способ изучения языкового сознания [Уфимцева, 2000, с. 142]. Е. И. Горошко, говоря об ас-

социативном эксперименте, выделяет его ценность как инструмента исследования «овнешнений» образов сознания человека и «овнешнений» его неосознаваемых слоев [Горошко, 2001, с. 285]. Методика ассоциативного эксперимента, как правило, заключается в следующем:

- 1) подбирается подходящая для цели исследования аудитория. К ней могут быть выдвинуты различные критерии отбора, такие как гендер, возраст, социальная группа и др.;
- 2) составляется соответствующий опросник. Испытуемым могут быть предложены как ограничивающие вопросы (например, они могут быть ограничены в количестве ассоциаций или во времени на конкретный вопрос и т. п.), так и свободные формы;
- 3) сбор результатов (ассоциаций) эксперимента;
- 4) обработка результатов эксперимента. Данный шаг также может быть расширен до когнитивной интерпретации результатов эксперимента — осмысления и систематизации полученных данных исследователем. Стоит отметить, что, согласно И. А. Стернину, такая интерпретация будет неизбежно субъективна, ведь она строится на личном опыте и когнитивной базе интерпретатора [Стернин, 2020, с. 111].

Метод ассоциативного эксперимента особенно эффективен в выделении когнитивных признаков конкретного концепта и реконструкции его содержания и семантики [Архипова, 2013, с. 124; Умарова, 2017; URL], так как ассоциаты, полученные в ходе эксперимента, репрезентуют семы, представляющие в речи эти самые когнитивные признаки.

Результаты исследования

Так, первым шагом данного исследования стало формирование критериев к аудитории участников эксперимента. Было принято решение провести опрос среди абитуриентов Уфимского университета науки и технологий. Анкета была составлена посредством интернет-ресурса и распространена в беседах абитуриентов Института гуманитарных и социальных наук.

Гендер участников не является критически важным показателем в данном эксперименте, однако 86,25% испытуемых оказались женского пола и только 13,75% мужского. Такой широкий разброс в большей вероятности связан с гуманитарной направленностью выбранного абитуриентами института.

Возрастной критерий в данном исследовании является ключевым, так как цель научного проекта — сделать программу лекций наиболее комфортной именно для современного поколения. Процентное соотношение

возраста испытуемых представлено в диаграмме 1. Так, 90% испытуемых были рождены в период с 2000 г. и, соответственно, могут точно быть отнесены к поколению Z. Для чистоты эксперимента ответы испытуемых, которые указали возраст «23 и больше» (10%), учитываться не будут.

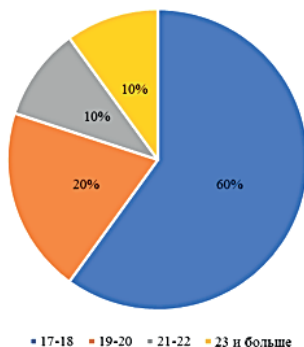

Диаграмма 1. Процентное соотношение возраста испытуемых

Далее испытуемым было предложено назвать две-три ассоциации со следующей формулировкой задания: «Как бы, по-вашему, выглядела идеальная лекция? Охарактеризуйте 2-3 словами-ассоциациями». Интересно, что большинство респондентов четко не придерживались формулировки задания и давали развернутые ответы. Это одновременно может характеризовать группу испытуемых как заинтересованную в данном вопросе, так и неспособную концентрироваться на четких критериях задания, что характерно для изучаемого поколения. Соответственно, такие полные ответы были подвергнуты большей интерпретации, так как из них приходилось выделять отдельные когнитивные признаки. Например, ответ «размеренность, увлекательность» сам по себе уже содержит два когнитивных признака *размеренность* и *увлекательность*, в то время как ответ «лояльный, но компетентный преподаватель, хорошая подача темы, даже если тема неинтересная, тихие и уважающие присутствующих одногруппники» был разбит на усмотрение исследователя на такие признаки, как *лояльный преподаватель*, *компетентный преподаватель*, *хорошая подача темы*, *тихие одногруппники*, *уважающие присутствующих одногруппники*.

По окончании сбора результатов ассоциативного эксперимента полученные ассоциаты разбиваются на соответствующие когнитивные признаки, следуя принципу схожести понятий, а группы когнитивных признаков могут быть объединены в еще большие группы — когнитивные

классификаторы. Например, такие ассоциаты, как *познавательная, информативная и полезная*, могут быть объединены в один когнитивный признак *познавательная*, а *без сухой теории и практика* — в *практическая ценность*. Оба полученных когнитивных признака могут быть объединены в общий когнитивный классификатор *информативность лекции*.

Следующим шагом может быть расположение полученных классификаторов по степени их яркости — классификатор с наибольшим содержанием когнитивных признаков будет считаться самым ярким и, соответственно, наиболее важным в восприятии респондентами концепта ИДЕАЛЬНОЙ ЛЕКЦИИ. Таким образом, результатом ассоциативного эксперимента стало выделение когнитивных классификаторов, расположенных по степени их яркости (диаграмма 2).

Диаграмма 2. Когнитивные классификаторы концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

По результату опроса наиболее важным показателем идеальной лекции для современного абитуриента является такой когнитивный классификатор, как ее *увлекательность*. При этом респонденты выделяют не только такой признак, как *интересная* (42), но также и *эмоциональная* (5). Абитуриентам сегодня важно, чтобы подача лекционного материала была развлекательной, даже *смешной* или *веселой*. Они хотят видеть преподавателя, эмоционально увлеченного своим предметом.

Следующими по яркости идут такие классификаторы, как *информативность лекции* и *общение преподавателя со студентами*. Классифи-

катор *информативности* вместил в себя такие признаки, как *познавательная* (13), *без лишней информации* (6), *актуальная* (4) и *практическая ценность* (2), что говорит о желании нынешнего поколения учиться новой, привязанной к современности информации. Коммуникация с преподавателем курса также важна для поколения Z. Будущим студентам проще усваивать информацию посредством живого общения с открытым, заинтересованным преподавателем. Помимо когнитивного признака *интерактив* (16), респонденты также выделили *хорошие отношения с преподавателем* (5) и *обоюдную заинтересованность* (2).

Хорошая структура лекции также немаловажна для студентов. Данный когнитивный классификатор содержит такие признаки, как *доступность* (13) и *четкость* (6), что тесно переплетается с таким классификатором, как *подача лекции*. В последнем респонденты выделяют такие признаки, как *темп речи преподавателя* (*манера, голос, размеренная дикция и др.*) и *интересная подача* (*не нудно, не монотонно, лаконично и др.*). *Образность лекции* также способствует усвоению поданного материала респондентами, содержа такие когнитивные признаки, как *наглядность* и *примеры из жизни*.

Немаловажной для абитуриентов поколения Z является *атмосфера на лекции*. Испытуемые выделили такие когнитивные признаки, как *комфорт* и *спокойствие*, и опасаются *чувства тревоги* на занятии. А выделенный в ходе эксперимента классификатор *отношения с одноклассниками* говорит о том, что абитуриенты поколения Z стремятся наладить отношения с будущими одноклассниками. Они хотят, чтобы на лекции царила дружественная атмосфера и присутствующие вели себя уважительно по отношению друг к другу.

Последним, но не по значимости, является когнитивный классификатор *личности преподавателя*. В первую очередь респонденты выделили преподавателя *доброго*. В это понятие входят такие ассоциаты, как *доброжелательный преподаватель*, *добрый преподаватель* и *лояльный*, а уже потом *компетентный* (2). Данный классификатор тесно связан с другим — *общение с преподавателем*, что только подтверждает, как для будущего студента важна налаженная коммуникация с лектором.

Заключение

Таким образом, понятие «идеальная лекция» в сознании абитуриентов поколения Z концептуализируется посредством таких классификаторов, как *увлекательность*, *наглядность* и *информативность*, *налаженное общение с преподавателем и одноклассниками*, *грамотная структура и подача лекции*, а также *комфортная атмосфера* и *доброжелатель-*

ный преподаватель. Следует упомянуть, что при обработке результатов аналогичного эксперимента среди студентов, результаты оказались схожими — 72,6% студентов отметили, что фактор успеха лекции — *интересная подача материала, наличие диалога между студентами и преподавателем и внедрение различных интерактивов* в процессе объяснения лекционного материала [Филиппова, Старикова, 2024]. Методы психолингвистики, в частности ассоциативный эксперимент, в очередной раз доказали свою широкую применимость на практике — изучив, как именно воспринимается концепт ИДЕАЛЬНОЙ ЛЕКЦИИ современными абитуриентами, преподаватели высшей школы смогут лучше понять новое поколение студентов.

Библиографический список

Архипова С. В. Методы исследования семантики в психолингвистике // Апробация. 2013. № 5 (8). С. 124–125.

Войцех К. Д., Селина Л. А. Преподавание лекционных курсов студентам поколения Z: вызовы и возможности // Бизнес и общество. 2024. № 4 (44). https://business-society.ru/2024/4-44/20_vojcekh.pdf

Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие: в 2 ч. / под ред. И. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 508–542.

Жинкин Н. И. Грамматика и смысл // Язык и человек. М.: Изд-во МГУ, 1970. Вып. 4. С. 63–85.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику / 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2007. 559 с.

Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10.

Никитина Д. О. Поколение Z: особенности и характеристики // Социология. 2021. № 3. С. 136–140.

Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya>

Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-interpretatsii-rezultatov-assotsiativnyh-eksperimentov>

Темиралиева Т. Т., Оморова Н. К. Сущность и структура концепта как категории когнитивного языкознания // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 2. С. 82–85.

Тренина П. Е., Неволина К. А., Харлова К. А. Особенности личностных черт поколения Z // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-2-169-176>

Умарова Ф. К. Психолингвистические методики реконструкции концептов культуры (ассоциативный эксперимент) // Филологические науки. 2017. <http://novaum.ru/public/p122>

Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000. 219 с.

Филиппова, Е. С., Старикова Д. Д. Анализ особенностей обучения поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8–2 (95). С. 66–68.

Strauss, W., Howe, N. The fourth turning: An American prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. Broadway, Great Falls, 1997. 400 с.

References

Arhipova S. V. Methods of Studying Semantics in Psycholinguistics, 2013, p. 124–125 (In Russian)

Vojcekh, K. D., Selina L. A. Teaching Lecture Courses to Generation Z Students: Challenges and Opportunities. *Prepodavanie lekcionnyh kursov studentam pokoleniya Z: vyzovy i vozmozhnosti. Biznes i obshchestvo = Bussiness and Socioty*. 2024. no. 4 (44). https://business-society.ru/2024/4-44/20_vojcekh.pdf (In Russian)

Goroshko E. I. Gender Issues in Linguistics. *Gendernaya problematika v yazykoznanii. Vvedenie v gendernye issledovaniya* = Introduction to Gender Studies, St. Petersburg, 2001, p. 508–542. (In Russian)

Zhinkin N. I. Grammar and Meaning. *Grammatika i smysl. Yazyk i chelovek* = Language and Man, Moscow, 1970, p. 63–85. (In Russian)

Zalevskaya A. A. Introduction to Psycholinguistics. *Vvedenie v psiholingvistiku*, Moscow, 2007, 559 p. (In Russian)

Kulakova A. B. Generation Z: Theoretical Aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* = Territorial development issues. 2018. no. 2 (42). p. 1–10. (In Russian)

Nikitina D. O. Generation Z: Features and Characteristics. *Pokolenie Z: osobennosti i harakteristiki. Sociologiya* = Sociology, 2021, no. 3, p. 136–140.

Ozhiganova E. M. The Theory of Generations by N. Howe and W. Strauss. Possibilities of Practical Application. *Teoriya pokolenij N. Houva i V. Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya. Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy* = Business Education in the Economics of Knowledge. 2015. <https://>

cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya (In Russian)

Sternin I.A. Problems of Interpreting the Results of Associative Experiments. *Problemy interpretatsii rezul'tatov associativnykh eksperimentov. Voprosy psiholingvistiki* = Problems of Psycholinguistics, 2020. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-interpretatsii-rezultatov-assotsiativnykh-eksperimentov> (In Russian)

Temiralieva T. T., Omorova N. K. The essence and structure of the concept as a category of cognitive linguistics. Sushchnost' i struktura koncepta kak kategorii kognitivnogo yazykoznaniiya. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* = International Journal of Experimental Education, 2021, no. 2, p. 82–85. (In Russian)

Trenina P. E., Nevolina K. A., Harlova K. A. Features of the Personality Traits of Generation Z. Osobennosti lichnostnykh chert pokoleniya Z. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki* = Scientific Notes of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2022. <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-2-169-176> (In Russian)

Umarova F. K. Psycholinguistic Methods for Reconstructing Cultural Concepts (Associative Experiment). Psiholingvisticheskie metodiki rekonstruktsii konceptov kul'tury (associativnyy eksperiment). *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences, 2017. <http://novaum.ru/public/p122> (In Russian)

Ufimceva N. V. Ethnic character, self-image and linguistic consciousness of Russians. Etnicheskij harakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh. *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie* = Language consciousness: formation and functioning, Moscow, 2000, 219 p. (In Russian)

Filippova, E. S., Starikova D. D. Analysis of the characteristics of the education of generation Z. Analiz osobennostej obucheniya pokoleniya Z. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2024, no. 8-2 (95), p. 66–68.

Strauss, W., Howe, N. The fourth turning: An American prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny, Broadway, Great Falls, 1997, 400

АНТОН ЧЕХОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛУ СИНЯ

Чжан Хуэйчжэнь

Ключевые слова: Антон Чехов, Лу Синь, рецепция, влияние, типология

Keywords: Anton Chekhov, Lu Xun, reception, adoption, influence, typology

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-14)

Введение

Сравнительное литературоведение — продуктивное направление современной филологии. В. Жирмунский, ученик А. Веселовского, сравнивал генетически predetermined литературные явления на основе культурных взаимодействий, влияний, заимствований, обусловленных близостью народов, схожестью общественно-исторических обстоятельств [Жирмунский, 1979, с. 194]. В этом плане актуально рассмотрение разного рода связей творчества Антона Чехова с современной китайской литературой.

Чехов творил в кризисный период Российской империи. Начало XX века было чрезвычайно сложным и для китайского народа. В 1911 г. Синьхайская революция свергла монархию, просуществовавшую в Китае в течение тысячи лет. В конце второго десятилетия наступившего века зарождалась новая в китайской историографии современная литература. В этот период китайские литераторы стремились заимствовать художественный опыт зарубежной литературы, в большой степени русской, развитие которой приходилось на схожие переломные для страны годы.

Результаты исследования и обсуждение

В ряду особенно привлекательных для китайских литераторов российских авторов выделился Антон Чехов. Первым очевидным учеником школы Чехова можно назвать основоположника современной китайской литературы Лу Синя (1881–1936). Настоящее имя писателя Чжоу Шу-жэнь. Будущий классик с юности читал Чехова, называл его своим «любимым писателем» (李何林, 1930, 頁. 146). С начала творческой деятельности он стал переводить чеховские рассказы на родной язык. Лу Синь, особенно ранний, писал под глубоким влиянием Чехова. Это часто подчеркивается в литературоведении Китая. Влияние было столь очевидно, что их называли «писателями-близнецами» [郭沫若, 1958, 頁. 196–199].

Можно отметить, что сходство есть и в биографии того и другого писателя. Обоим в детстве приходилось сдавать в ломбард семейные вещи в материально тяжелые времена. Оба пришли в литературу после получения медицинского образования. Врачебный опыт оказал на них существенное положительное влияние. Чехов писал, что ему благодаря близости к медицине удалось избежать многих ошибок (Антон Чехов. А. П. Чехов о литературе. 1955. С. 211). Под этими словами вряд ли отказался бы подписаться Лу Синь. Биографических и творческих совпадений много до самого факта их кончины. Оба писателя страдали заболеванием легких и умерли от туберкулеза. Можно сказать, что типологическая близость этих писателей была предопределена и субъективными, и объективными обстоятельствами.

Известность Лу Синю принес рассказ «Записки сумасшедшего» (1918). Это первое произведение новой литературы на живом, повседневном китайском языке, которым затем пользовались писатели-современники и писатели последующих поколений. «Записки сумасшедшего» — своеобразный ремейк одноименной гоголевской повести. В этом рассказе в форме дневника от первого лица отображается паническое состояние, бесконечный бред безымянного сумасшедшего, который видит всех окружающих не просто убийцами, а каннибалами, жаждущими пожрать друг друга, а прежде всего — его самого.

При этом китайскому безумцу важно вникнуть в философию человеческого поступка. Он читает книги по истории и замечает, что слова «гуманность», «справедливость», «добродетель» уравновешены противоположными словами (Лу Синь. Повести и рассказы. 1971. С. 52). Несчастный приходит к мысли о лицемерии человечества: маска гуманизма не мешает «пожирать людей» [邱子桐, 2022, 頁. 3]. Критики из России тоже отмечают, что это сочинение имеет подтекст, что бред сумасшедшего отражает скрытую истинную жестокость человеческого бытия [Ветрова, 2023, с. 82].

Литературоведы в Китае, анализируя «Записки сумасшедшего», обратились и к Чехову, к его «Палате № 6», уже переведенной тогда на китайский язык. Следует заметить, что это чеховское произведение очень сильно впечатлило не только Лу Синя, но и многих других китайских писателей, подвигло их написать сюжетно и идейно схожие сочинения. Главная идея «Палаты № 6» в Китае воспринята так же, как в России, — «изображение большого Сахалина — царской России» [Гущин, 1954, с. 75].

Лу Синь предпочитал русскую литературу, поскольку в ней, по его мнению, всегда живет надежда, также много «крика и сопротивления» (鲁迅, 1973, 頁. 82). Лу Синь и другие литературоведы узрели эту наде-

жду в словах протеста Громова, убеждавшего окружающих, что «*воссияет заря новой жизни, восторжествует правда, и — на нашей улице будет праздник*». Китайский безумец, по мнению литературоведов, по своему пафосу и поиску добра и справедливости близок безумцу Громову [刘碧波, 2009, 頁. 132]. Его разоблачения очень глубоки, уходят в критику конфуцианской этики, говорят о ее лживости, несостоятельности. Можно обратить внимание на специфику реализма Антона Чехова и Лу Синя, на схожесть их символики — палата, ночь, тьма, луна и т.д. В традиции обоих писателей, и Чехова, и Лу Синя, ставить диагноз больному обществу, но не выписывать рецепт излечения.

Влияние Чехова можно обнаружить и в рассказе «Кун Ицзи» (1919). Кун Ицзи, главный персонаж этого сочинения, напоминает известного несчастного «злодея» учителя Беликова. Рассказ «Человек в футляре» был переведен на китайский еще в 1916 г. и до сих пор входит в школьную программу по литературе. Героев связывает консерватизм, почитание власти, желание поучать окружающих. Есть и внешнее сходство: Беликов всегда ходил в пальто, Кун Ицзи — в халате. «Футлярность» обоих вызывает у окружающих презрение и насмешки. Оба антигероя в конце рассказов умирают. Хоронить Беликова, заключает автор-повествователь Чехова, «большое удовольствие», собственно, такое же заключение мог сделать и повествователь Лу Синь.

Известно, что Чехов был внимателен к внутреннему миру маленького человека, он один из первых классиков, которые реформировали взгляд на данный тип героев. Нельзя сказать, что писатель не сочувствует бедным и чиновным, но эти образы персонажей у него могут быть лицемерными, пошлыми. Более того, Чехов мог видеть в них «завтрашних тиранов и деспотов» [Бердников, 1961, с. 36]. Об этом чеховский рассказ «Торжество победителя», в котором главный персонаж, некогда несчастный Козулин, стал более жестоким и злобным, чем его бывшие притеснители.

С «Торжеством победителя» Чехова коррелирует рассказ Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921). Он об опасности, таящейся в маленьком человеке, о зле, которое ходит по кругу и имеет особенность бу- меранга — возвращаться. Крестьянин А-кью, униженный и оскорбленный, позволяет себе угнетать более, чем он, униженных и оскорбленных. Литературоведы говорят о жизненности характеров Лу Синя и Чехова. Оба описывали «моменты жестокости, несправедливости не только власти к народу, но и простых людей друг к другу» [Ручина, 2015, с. 167].

Примечательно, что оба писателя работали в жанре малой прозы, писали рассказы и повести. Лу Синь, несомненно, знал известное чеховское

изречение «краткость — сестра таланта». Китайский писатель чаще всего показывал только одно событие с некоторыми героями, или же писал об одной встрече, о беседе, о впечатлении. Китайские исследователи полагают, что данный стиль повествования сформирован под влиянием Чехова [王富仁, 2008, с. 84].

Таков рассказ «Родина» (1921), он — о встрече на родине повествователя с другом детства, сыном домработника. Спустя годы бывший друг стал запуганным и подавленным. Разница в статусе, которая не замечалась в детстве, стала препятствием для взаимопонимания. Когда друг принял почтительную позу и обратился к собеседнику «господин», тот понял, что их разделяет стена. Нет сомнения, что этот рассказ и генетически, и типологически связан с чеховским рассказом «Толстый и тонкий». Однако рассказ у Чехова выдержан в юмористических тонах, а у Лу Синя — в драматических. Литераторы разоблачают рабскую психологию, глубоко укоренившуюся в повседневной жизни, в простых житейских эпизодах. Оба рассказа включены в обязательные учебные программы китайских школьников.

Важно отметить, что у обоих прозаиков много рассказов, где так или иначе фигурируют дети. Можно предположить, что их занимали вопросы воспитания, тема взаимоотношения детей и взрослых. У Лу Синя есть изящный трогательный рассказ «Кролики и кошка» (1922). В нем описывается, как дети переживали за несчастных зайцев, которых съела уличная кошка. Этот небольшой рассказ, вероятно, был очень важен для писателя. Он оказался единственным произведением, которое Лу Синь лично переводил на иностранный язык. Китайские литературоведы полагают, что к написанию данного сочинения Лу Синя подтолкнуло чтение столь же трогательного чеховского рассказа «Событие» [张宇飞, 2023, с. 88]. В нем автор описал детские восторги от встечи с маленьким котенком и их драматичные переживания в конце, когда пушистый комочек разорвала собака. Оба автора тонко отображают детские переживания, их неприятие зла окружающего мира, также передают само ощущение детства.

Творческое соответствие обоих писателей раскрывается и в их внимании к людской черствости, апатичному отношению к чужой боли. Рассказ «Моление о счастье» (1924) вызывает в памяти читателя чеховский рассказ «Тоска». В китайском рассказе описывается судьба бедной женщины, домработницы Сян Линь, похоронившей первого мужа, потом второго, затем и единственного сына. Ее тоску обостряет тот факт, что ей не с кем разделить свою горе, а те, с кем она пробовала поделиться, только насмехались над ней. Таково было и положение чеховского Ионы.

Заметим, вряд ли случайно Чехов дал своему герою имя, напоминающее библейского страдальца. Финал рассказа китайского писателя тоже остроенно драматичен. Сян Линь потеряла место, стала попрошайкой. Она задает вопрос о существовании ада, вероятно, полагая, что ад она переживает на земле, но никто не дает женщине ответа на этот вопрос. Сян Линь умирает, однако никому нет дела до ее смерти: окружающие заняты наступившим праздником. Отметим, что оба рассказа связывают схожие сюжетные детали: в частности, герой Чехова и героиня у Синя в конце концов беседуют сами с собой.

К рассказам «Тоска» и «Моление о счастье» примыкает чеховская повесть «Скучная история», где говорится о том, что «равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть». Лу Синь написал свой рассказ вскоре после публикации этой повести на китайском языке. О чувственных переживаниях, по Чехову, не должен говорить автор-рассказчик, все, что на душе героя, по мнению писателя, должен чувствовать сам читатель (Антон Чехов. 1955. С. 297). Лу Синь относился к тем почитателям русского классика, которые вняли этому суждению. Он подчеркивал черствость человека посредством объективного, нейтрального описания, избегая подробностей, резких противопоставлений, в итоге у читателей формировалось «самостоятельное» сочувствие к страдающим персонажам.

По мнению Чехова, лучшие из писателей «реальны и пишут жизнь такую, какая она есть» (Антон Чехов. 1955. С. 167). Все это было близко китайским деятельным участникам литературной революции. Лу Синь и следовавшие за ним писатели старались показать действительность, народную жизнь как она есть. Они порвали со старой традиционной установкой — писать о верхах, начали брать в качестве своих героев простых людей, искали и создавали типические образы. Это было замечено и китайскими литературоведами, и литераторами-синологами в России.

Лу Синь создал тогда ряд ярких образов женщин, вызывающих в памяти образы именно чеховских героинь, кроме «Моления о счастье», можно вспомнить еще такие сочинения, как «Завтра» (1919), «Развод» (1925). В этом ряду, например, есть запоминающийся образ интеллигентки из рассказа «Скорбь по ушедшей» (1925), в котором повествуются о женщине, стремящейся к любви и браку в согласии со своими чувствами. По сути, Цзы Цзюнь боролась за человеческое достоинство, составляя против общественного мнения. Рассказ заканчивается трагически: молодая женщина кончает с собой, не выдержав расставания с любимым человеком. Эти и другие рассказы писателя были актуальны в контексте обсуждаемой тогда в китайском обществе темы женской эманси-

пации. Отметим, что именно тогда в китайском языке появилось местоимение «она» в параллель с местоимением «он». Как известно, Чехов, автор «Бабьего царства», «В родном углу», «Невесты», нередко упоминается в ряду писателей, поднимавших вопрос женской эмансипации. Цзы Цзюнь типологически напоминает Зинаиду Федоровну, героиню повести Чехова «Рассказ неизвестного человека».

Заключение

В своем творчестве Лу Синь прежде всего старался «обнажать болезни общества, чтобы двигаться к их исцелению» (鲁迅. 1981. 頁. 512). Чехов тоже вполне сознательно воплощал в своих произведениях не только эстетические, но и этические устремления, прикладывая творческие усилия, чтобы «показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы» (Антон Чехов. 1955. С. 123). Отсюда в подтексте прозы обоих классиков звучит схожее авторское утверждение — так больше жить нельзя. Художественный диалог основывается здесь на классическом гуманизме, на разоблачении социального зла, на сострадании тем, кто этого заслуживает. Лу Синь — младший современник Антона Чехова, основоположник новейшей китайской литературы, был благодарным доброжелательным учеником русского предшественника. Он вводит в свой художественный мир узнаваемые китайские характеры, образы, но подход к целому ряду этих характеров и образов ему указал Чехов. В этом нет ничего необычного, великие во все времена учились у великих, это касается и того, что писать, и того, как писать. Лу Синь — художник слова, имеющий мировое признание, особенно высоко его чтят во многих странах Азии. Следовательно, через Лу Синя школа Чехова оказывала и оказывает воздействие на всю азиатскую словесность. Выявленные конкретные генетические и типологические связи творчества двух писателей могут быть полезны для дальнейшего изучения рецепции чеховской прозы в восточной литературе.

Библиографический список

Бердников Г. П. А. П. Чехов — идейные и творческие искания. Л.: Гослитиздат, 1961. 506 с.

Ветрова А. А. Художественное осмысление социальных противоречий Китая в сборнике малой прозы Лу Синя «Клич» // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2023. № 1 (98). С. 79–91. http://vestnikdvgnb.ru/pdf/archive/VEST_98_2023.pdf

Гущин М. Творчество А. П. Чехова. Очерки. Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1954. 211 с.

Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: избранные произведения. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 493 с.

Ручина А. В. Гуманистические проблемы в рассказах Лу Синя // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 1158-1160. <https://moluch.ru/archive/88/17728/>

郭沫若. 沫若文集. 北京: 人民文学出版社, 1958.

刘碧波. 试论契诃夫对鲁迅小说中「狂人」形象创造的影响 // 西南农业大学学报 (社会科学版). 2009, 第七卷, 第五期.

邱子桐. 疯癫的产生与消亡 — 比较鲁迅的《狂人日记》与契诃夫的《第六病室》 // 新纪实. 2022, 第五卷, 第三期.

王富仁. 鲁迅前期小说与俄罗斯文学. 天津: 天津教育出版社, 2008.

张宇飞. 契诃夫的《变故》与鲁迅的《兔和猫》之比较 // 中国俄语教学. 2023, 第42卷, 第一期.

Источники

Чехов А. П. А. П. Чехов о литературе. М., Гослитиздат, 1955. 403 с.

Лу Синь. Повести и рассказы. М.: Изд-во Художественной литературы, 1971. 496 с.

李何林. 鲁迅论. 上海: 上海北新书局, 1930.

鲁迅. 鲁迅全集第四卷. 北京: 人民文学出版社, 1981.

鲁迅. 南腔北调故事集. 北京: 人民文学出版社, 1973.

References

Berdnikov G. P. A. P. Chekhov — ideological and creative searches, Leningrad, 1961, 506 p. (In Russian)

Vetrova A. A. Artistic understanding of social contradictions in China in the collection of short prose by Lu Xun “The Call”. *Vestnik Dalnevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki* = Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library, 2023, no. 1 (98), p. 79-91. http://vestnikdvgnb.ru/pdf/archive/VEST_98_2023.pdf

Gushchin M. The work of A. P. Chekhov. Essays. Kharkov, 1954, 211 p. (In Russian)

Zhirmunsky V. M. Comparative literary criticism: East and West: selected works, Leningrad, 1979, 493 p. (In Russian)

Ruchina A. V. Humanitarian problems in the stories of Lu Xun. *Molodoy uchenyy* = Young scientist, 2015, no. 8 (88), pp. 1158-1160. <https://moluch.ru/archive/88/17728/> (In Russian)

郭沫若. 沫若文集. 北京: 人民文学出版社 = Guo Moruo. The Collected Works of Guo Moruo, 1958. (In Chinese)

刘碧波. 试论契诃夫对鲁迅小说中「狂人」形象创造的影响 // 西南农业大学学报 (社会科学版) = Liu Bibo. The Influence of Chekhov on the creation of the Image of «madman» in Lu Xun's novels. 2009, 第七卷, 第五期. (In Chinese)

邱子桐. 疯癫的产生与消亡 — 比较鲁迅的《狂人日记》与契诃夫的《第六病室》 // 新纪实 = Qiu Zitong. The creation and demise of madness: A comparison of Lu Xun's «Diary of a Madman» and Chekhov's «Ward 2022, 第五卷, 第三期. (In Chinese)

王富仁. 鲁迅前期小说与俄罗斯文学. 天津: 天津教育出版社 = Wang Furen. Lu Xun's early novels and Russian Literature, 2008. (In Chinese)

张宇飞. 契诃夫的《变故》与鲁迅的《兔和猫》之比较 // 中国俄语教学 = Zhang, Yufei. A comparison of Chekhov's «The change» and Lu Xun's «The rabbit and the cat», 2023, 第42卷, 第一期. (In Chinese)

List of Sources

Chekhov A. P. A. P. Chekhov about literature, Moscow, 1955, 403 p.

Lu Xun. Novels and Short Stories. Moscow, 1971, 496 p. (In Russian)

李何林. 鲁迅论. 上海: 上海北新书局 = Li Helin. Lu Xun's Essays, 1930. (In Chinese)

鲁迅. 鲁迅全集第四卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. (In Chinese)

鲁迅. 南腔北调故事集. 北京: 人民文学出版社, 1973. (In Chinese)

ДИНАМИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В ПОВЕСТИ Ю. Н. ТЫНЯНОВА «ВОСКОВАЯ ПЕРСОНА» (ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ)

Е. В. Тырышкина

Ключевые слова: «Восковая персона» Ю. Н. Тынянова, динамический герой, комбинаторика мотивов и метафор, неполнота владения смыслом

Keywords: «The wax person» by Yu. N. Tynyanov, combinatorics of motives and metaphors, incomplete mastery of the meaning

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-15)

Введение

Поэтика «Восковой персоны», основанная на теоретических взглядах Ю. Н. Тынянова, исследовалась в работе А. Блюмбаума, который акцентировал идею динамизации формы, вслед за ним Д. А. Матвеева разрабатывала концепцию динамического героя в малой исторической прозе писателя [Блюмбаум, 2002; Матвеева, 2015б, с. 88–118]. Ряд ценных наблюдений в связи с заявленной темой был сделан в работах [Калинина, 1998; Буренина, 2005; Плешкова, 2017].

Уже было отмечено, что Тынянов, как и многие представители европейской и русской модернистской литературы XX века, находился под влиянием философии А. Бергсона («Материя и память» и «Творческая эволюция»), философа, установившего, что человек не может охватить своим сознанием события и явления как целостность, картины прошлого в памяти складываются в «движущуюся киноленту», где главенствует монтажный принцип [Матвеева, 2014]. Этот принцип определяет структуру всех уровней художественного текста «Восковой персоны». Понятие динамического героя в теоретических трудах писателя сформулировано следующим образом: «Крупнейшей семантической единицей прозаического романа является *герой* — объединение под одним внешним знаком разнородных динамических элементов <...>»; «В динамике произведения герой оказывается столь устойчивой движущейся точкой, что возможно бесконечное разнообразие (вплоть до противоречий) как черт, обведенных кружком его имени, так и действий и речевых обнаружений, приуроченных к нему» [Тынянов, 1977, с. 56]; «статическое единство героя (как и вообще всякое статическое единство в литературе

ном произведении) оказывается чрезвычайно шатким; оно — в полной зависимости от принципа конструкции и может колебаться в течение произведения так, как это в каждом отдельном случае определяется общей динамикой произведения; достаточно того, что есть знак единства, его категория, узаконивающая самые резкие случаи его фактического нарушения и заставляющая смотреть на них, как на эквиваленты единства. Но такое единство уже совершенно очевидно не является наивно мыслимым статическим единством героя; вместо знака статической целостности над ним стоит знак динамической интеграции, целостности. Нет статического героя, есть лишь герой динамический. И достаточно знака героя, имени героя, чтобы мы не присматривались в каждом данном случае к самому герою» [Тынянов, 1924, с. 9].

Результаты исследования

«Движущаяся кинолента» памяти выстраивается в соответствии с принципами кадрирования — *дробления / разделения* на отдельные фрагменты, которые сливаются в некое *подвижное единство*, где *границы* и между кадрами, и между фрагментами, образующими образ / изображение, *размыты и весьма условны*. Эти теоретические положения воплощаются определенным образом в художественном тексте «Восковой персоны», определяя картину мира времен правления Петра I, куда вписана система персонажей — исторических и вымышленных по законам жанра исторического романа / повести.

В повести Ю. Н. Тынянова *дробление* — это «*membra disjecta*», разъятые члены, разрозненность элементов исторической картины как материально-телесно-вещной, где все персонажи «встроены» в интерьер и пейзаж как изображение в кадре. Разъятые члены — это и восковая персона Петра в процессе ее создания, включая подготовительный этап снятия маски, и кунсткамера с ее разнородными коллекциями минералов, таксидермированных животных, господином Буржуа (его заспиртованный желудок, скелет, кожа), головы младенцев, и головы Вильяма Менса и Анны Гамильтон в склянках; убранство похоронной залы Петра, где украшения и скульптуры представляют собой разборную композицию. Даже голос Петра какое-то время существует отдельно от него — им говорит попугай. Границы колеблются между вещью и живой / мертвой плотью, тем, что сотворено природой и создано человеком. Портретные характеристики персонажей, как будто составленные из деталей, подчиняются этому же принципу дробления и комбинирования. Настойчиво повторяются головы, руки, ноги, носы, жилки, значение этих частей тела колеблется в зависимости от контекста.

Соединение маркируется в тексте мотивикой спирта и воска. При том что эти вещества так различаются на первый взгляд, в повести они образуют двуединый код связывания, погружения всего живого и неживого в текучую, нестабильную субстанцию (спирт / вино). В спирт погружены экспонаты кунсткамеры, вино — пьют живые. Закономерно, что в тексте так много места уделено сюжетным ситуациям пьянства / опьянения, все — от Петра, Екатерины, придворных, царедворцев — до рабочих и двупалых монстров в кунсткамере неумеренно пьют алкоголь. Лежандр и Лебланк подробно обсуждают сорта вина в фортине и т.д. Спирт фиксирует мертвое, создавая иллюзию живого, и здесь *семантика спирта сопрягается с таковой воска — вещества, создающего иллюзию жизни*. Эта иллюзия может приводить к комическим эффектам (попытка съесть восковое яблоко Павлом Ягужинским, принявшим его за настоящее), так и к тем, которые принято описывать в терминах «жуткого» (восковая персона Петра в кунсткамере и эпизоды «встречи» с ним Якова и Ягужинского). Но у спирта есть и еще одна структурная функция — снятие / потеря границ, разгул дионисийской стихии подразумевает не просто опьянение, а исступление, *нетождественность* самому себе. Эта проблема личностной идентификации обыгрывается и на уровне фабулы, когда герои подчас испытывают трудности обретения границ своей личности, неподвластной им самим в определенные моменты жизни: Меншиков, у которого многократно меняются обличье, манеры, поведение, характер на протяжении его жизни; Ягужинский дома перед зеркалом разыгрывает различные роли «самого себя», а его жена оказывается здесь же в роли зрителя; Екатерина однажды просыпается Мартой, Петр, также просыпающийся несколько раз, и все разным. Изменение сознания и восприятия мира и себя на границе сна и яви в литературе — прежде всего, эстетическое открытие М. Пруста, но вряд ли можно определенно говорить о прямом влиянии Пруста на Тынянова, деятели ОПОЯЗ'а творчеством Пруста не заинтересовались [Михайлов, 2000; Таганов, 2023].

Воск в своих разнообразных функциях многозначен, он также пронизывает все сферы человеческой деятельности — из него изготавливают формы для пушек, косметические средства / лекарства, его даже едят, а в руках художника он становится материалом для создания произведения искусства. Это природное вещество пластично и создает иллюзорное впечатление жизнеподобия. При этом обе субстанции нестойки — спирт испаряется, воск не терпит высоких температур. И спирт, и воск сопрягают две сферы — живого и неживого с их подвижными границами, но только воск существует в нескольких пространствах — природы, быта и искусства.

Указанный принцип разделения-связывания-трансформации не только маркирован мотивами и метафорами этих веществ, но и функционирует на уровне языковой ткани: вещный мир и мир живых / мертвых существ представлен повторами словесных рядов, образующих своеобразную сетку, единое ризоматическое поле «колеблющихся» значений, движение и единство сюжета обеспечивается функционированием конструктивных элементов в различных контекстах.

Связь исторических лиц и вымышленных персонажей, обеспеченная случайностью, обозначена «столкновением» в пространстве и времени, общностью сюжетных ситуаций и, конечно, языковой игрой, повторами языковых конструкций в различных комбинациях. Эта связь может быть явной и «плотной», может быть менее заметной и неочевидной, но всегда значимой. Все персонажи повести «Восковая персона», согласно установившейся после В. Скотта традиции исторического романа / повести [Альтшуллер, 1996], представляют собой как «реальных» исторических лиц, так и выдуманных. Однако создаются они в процессе письма по принципу сложной, осциллирующей комбинаторики, особого пазла, где все связаны со всеми за счет сквозных мотивов / деталей и метафор, но эти повторы не являются тавтологией, а порождают «колебание» смысла. В научной литературе эти связи отчасти уже описаны (система двойников), но не с исчерпывающей полнотой.

Метафора «художество» делает двойниками Петра и Растрелли: *«На кого оставить ту великую науку, все то устройство, государство и, наконец, немалое искусство художества?»*¹[Тынянов, 1959, с. 360]; *«И Растрелли не любил делать портреты прямые, он любил делать медный портрет, гнутый. Такого человека, если б кто переманил, то мало дать миллион: у него в одном пальце было больше радости и художества, чем у всех немцев»* (с. 363). И Петр — царь, и Растрелли — художник творят вокруг себя мир по собственной воле, что их сближает; сближает и мотив насилия над «материалом» (сцена деформации восковой маски), но «художество» Растрелли — создание бессмертных произведений искусства, а Петра — создание государства, где «строительным материалом» являются люди. При том что искусство не может быть чистым мимесисом и является актом воли творца, а насилие — проявление энергетического «озарения» (эпизод с лошадью, которую ударяет Растрелли и внезапно понимает, как будет выглядеть конная статуя Петра), но стихийные действия художника описаны с помощью «природных» метафор: *«И на листах он написал великое количество несклади-*

¹ Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

цы, сумбура, недописи — заметки — и ясных чисел, то малых, то больших, кудрявых, — обмер. Почерк его руки был как пляс карлов или же, как если бы вдруг на бумаге вырос кустарник: с полетами, со свиными хвостиками, с крючками; внезапный грубый нажим, тонкий свист и клякса. Такие это были заметки, и только он один их мог понимать. А рядом с цифрами он чертил палец, и вокруг пальца собирались цифры, как рыба на корм, и шел объем и волна — это был мускул, и била толстая фонтанная струя — и это была вытянутая нога, и озеро с водоворотом был живот. Он любил треск воды, и мускулы были для него как *трещание струи*» (403). При том что мотив насилия объединяет Петра и Растрелли, творчество художника — это и состязание с природой, и уподобление ей, и эта со-природность входит в противоречие с агрессивной политической деятельностью царя.

Растрелли боится умереть от «отягощения пузыря» и опасается, что его отравят конкуренты, он проецирует на себя болезнь Петра и ситуацию, когда царь находит записку Вильяма Монса к Екатерине с «составом питья», то есть яда для «хозяина». Это сближение за счет мотивов болезни и боязни отравления не мотивируется фабульной логикой, зеркальный повтор гипотетической смерти Растрелли прочитывается как знак превратности судьбы двойников в эпоху барокко (*memento mori*). Момент двойничества маркирован и сценой поцелуя Растрелли восковой маски Петра (с. 419) [Ямпольский, с. 209–210].

Описание пальцев Растрелли коррелирует с описанием рук врача Лацаритти: «*Меньшиков с беспокойством следил за пальцами Растреллия. Маленькие пальцы, кривые от холода и водки, красные, морщинистые, мяли воздушную глину*» (с. 366); «*По лестнице граф Растреллий всходил бодро и щупал рукой перилы, как будто то был набалдашник его собственной трости. У него были руки круглые, красные, малого размера*» (363); «*В соседней комнате итальянский лекарь Лацаритти, черный и маленький, весь щуплый, грел красные ручки, а тот аглицкий, Горн, точил длинный и острый ножик, — резать его*» (с. 360). Маленькие красные пальцы Растрелли (ср.: «И малые руки пошли в ход», когда начинается создание «персоны») — и «красные ручки» врача, готовящегося «резать» больного Петра, опять-таки представляют собой «повтор / отражение» ситуации «преображения материала», неизменно связанной с насилием. Но если врач свидетельствует о приближающейся смерти царя (о чем Растрелли узнает раньше всех), то художник создает иллюзию жизни в виде восковой персоны.

Растрелли ощупывает перила в доме Меншикова, умирающий Петр «... *руками дополз до кресел. Кресла были дубовые, точеные, и вместо*

ручек — женские руки. Он в последний раз подержался за дубовые тонкие пальцы...» (с. 374). Герои вписаны в картину мира, где границы живого, неживого, подобного живому маркируются повтором детали, не являющейся тавтологией, так как приращение смысла обеспечивается наложением контекстов: *тонкие пальцы* — *тонкая рука* (жены Ягужинского) — *пальцы* Растрелли и Лацаритти — *шесть пальцев* Якова — *дубовые пальцы* — *дубовый торс* восковой персоны — *гробы из дуба* (разговор Лебланка и Лежандра). Колебание смысла образуется на стыке лексических полей, где каждое слово обрастает дополнительными значениями за счет пересечения / наложения контекстов: изящество, женская красота, соблазн, творческая сила, насилие и боль, монструозность как одаренность (о Якове сказано, что он умный), имитация жизни, долговечность произведения искусства, прочность природного материала (дерево), смерть. «Парная конструкция» Петр — Растрелли или Меншиков — Ягужинский эксплицирована в повести за счет исторических фактов и явной языковой игры. Последняя пара — соперники, которые борются за власть, и, при всей их непохожести, все же сравниваются с птицей, что обыгрывается в художественной целостности текста отсылками к описанию кунсткамеры с ее чудесными экспонатами, и в том числе — с голубой птицей. Когда Меншиков сближается с Екатериной после смерти Петра, он радостно размышляет о «птице в руке», эта метафора проблематизирует все значения «птичьего кода», порождая осцилляцию семантики власти, неожиданности случая, игры судьбы.

Но можно наблюдать и парное «уподобление» героев, которые на первый взгляд представляют собой скорее пример «расподобления». Например, Растрелли и Екатерина, телесность которых намеренно подчеркнута, телесность чисто природная — толстые икры Растрелли, и сильные, сильнее, чем у всех, ноги Екатерины (семантика устойчивости, близость к земле). Но внутреннее напряжение задается очевидной антитезой рук и ног (только руки могут созидать): *маленькие красные* руки художника и *большие красные* ступни царицы. Красный цвет по определению — цвет крови, страсти, жизненной энергии. Очевидно, что Екатерина живет только телесной жизнью, где на первом плане — физиология, эротические порывы, так как этот «язык» дается ей лучше всего. Знание латгальского, шведского, немецкого, русского языков — это знание тела, естественного, как дыхание. Растрелли не знает русского, кроме одного слова «Работа!», он объясняется руками — и его понимают. Коммуникация как обмен телесными знаками объединяет обоих, но если для Екатерины — это секс, природа как таковая, для Растрел-

ли — творчество, в котором он состязается с природой. И это «уподобление природе» двух столь разных героев подкрепляется сравнением: *«И тут Растреллий захохотал, как смеется **растущее дитя**: его глаза скрылись, нос сморщился...»* (366); *«А понимала она только один человеческий язык, и тот язык был как **дитя растущее**, или листья, или сено, или те девки на молодом дворе...»* (с. 408).

Заключение

Примеры можно множить, но очевидно, что принцип повтора деталей в различных вариациях воплощается в сложной языковой игре, где за счет лексической, синтаксической валентности, ассоциативных связей образуется сложно построенная «подвижная» конструкция текста.

Т.Д. Венедиктова в своей статье «Остранение в составе эстетического опыта: к прагматике литературного стиля» обращается к проблеме исторических версий остранения и ссылается на К. Гинзбурга, который различает «классическое» и «модернистское» использование этого приема [Гинзбург, 2006]. Если в первом случае «остранение» снимает завесу ложного и обнажает всеобщую истину, то во втором — результатом становится сомнение «в отношении всех... объясняющих конструкций, претендующих на объективность и истинность» [Венедиктова, 2022, с. 142].

Творчество Ю.Н. Тынянова, в частности, цикла малой исторической прозы («Подпоручик Киже», «Малолетний Витушишников» и «Восковая персона») является ярким примером подобного модернистского «остранения». Индивидуальный / субъективный опыт человека в его восприятии себя, других, истории как жизненного потока становится центральной проблемой, где нет и не может быть единого знания и смысла конструируются по принципу динамической модели — как автором, так и читателем. Тыняновское понимание истории, воплотившееся в литературных произведениях, это «... не только фантазия о том, что все могло быть иначе, но и способ продемонстрировать свое тотальное недоверие к официальному описанию исторического процесса, подчиняющемуся идеологии» [Матвеева, 2015а, с. 141].

В «Восковой персоне» при характеристике героев используется прием комбинаторного повтора мотивов и метафор при неопределенной «плавающей» референции. Одни и те же детали описания тела, внешности, поведения встречаются при характеристике героев, живых и мертвых, исторических деятелей, вымышленных персонажей, картины мира в целом, в связи с чем проблематизируется не только идентификация ге-

роя, лишённого привычной «определённости», возникает «эффект неполноты владения смыслом собственного повествования <...>, даже непостижимости описываемых явлений. Не только пишущий, но и читающий переживает произведение как *длящееся* „делание”» [Венедиктова, 2022, с. 142]. История конструируется как фикция, её воссоздание априори субъективно и в акте творения, и в акте рецепции.

Библиографический список

Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академический проект, 1996. 335 с.

Блюмбаум А. Конструкция мнимости: к поэтике «Восковой персоны» Юрия Тынянова. СПб.: Гиперион, 2002. 200 с.

Буренина О. Абсурдное и аномальное. Репрезентация анатомических аномалий руки // Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб.: Алетей, 2005. С. 263–285.

Венедиктова Т. Д. Остранение в составе эстетического опыта: к прагматике литературного стиля // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 140–50.

Гинзбург К. Остранение: предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006/4, № 80. С. 9–29.

Калинина И. А. Конструктивная функция метафоры в повести Ю. Тынянова «Восковая персона» // Культура и текст. Литературоведение. Часть II. СПб.; Барнаул, 1998. С. 47–55.

Матвеева Д. А. Влияние философии А. Бергсона на теоретические и художественные установки Ю. Тынянова // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 30–37.

Матвеева Д. А. Концепция исторической прозы Ю. Н. Тынянова (на примере рассказов «Подпоручик Киже», «Малолетный Витушишников» и повести «Восковая персона») // Сибирский филологический журнал. 2015а. № 3. С. 140–152.

Матвеева Д. А. Поэтика малой прозы Ю. Н. Тынянова: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015б. С. 88–118.

Михайлов А. Д. Русская судьба Марселя Пруста // Марсель Пруст в русской литературе. М.: Рудомино, 2000. С. 5–45.

Таганов А. Н. Рецепция Пруста в России в 1920-е гг. // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 241–264.

Плешкова О. И. Повесть Ю. Н. Тынянова «Восковая персона» в аспекте теории литературной эволюции: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 238 с.

Ямпольский М. Демон и лабиринт. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 336 с.

Источники

Тынянов Ю. Н. Поэтика; История литературы; Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: ACADEMIA, 1924. 139 с.

Тынянов Ю. Н. Сочинения в 3 тт. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. С. 359–464.

References

Al'tshuller, M. G. The era of Walter Scott in Russia. Historical novel from the 1830s, St. Petersburg, 1996, 335 p. (In Russian)

Blyumbaum A. Construction of mnimost': to the poetics of "Wax Person" by Yuri Tynyanov, St. Petersburg, 2002, 200 p. (In Russian)

Burenina O. Absurd and anomalous. Representation of anatomical abnormalities of the hand. *Simvolistskiy absurd i ego traditsii v russkoy literature i kul'ture pervoy poloviny XX veka* = Symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture of the first half of the twentieth century, St. Petersburg, 2005, p. 263–285. (In Russian)

Ginzburg K. Defamiliarization: the background of a literary device. *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Review, 2006/4, no. 80, p. 9–29. (In Russian)

Kalinina I. A. The constructive function of metaphor in Y. Tynyanov's story "The Wax Person". *Kul'tura i tekst. Literaturovedenie. Chast' II* = Culture and text. Literary studies. Part II, St. Petersburg; Barnaul, 1998, pp. 47–55. (In Russian)

Matveeva D. A. The influence of A. Bergson's philosophy on the theoretical and artistic attitudes of Y. Tynyanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University, 2014, no. 378, p. 30–37. (In Russian)

Matveeva D. A. The concept of historical prose by Yu. N. Tynyanov (on the example of the stories "Second Lieutenant Kizhe", "Little Vitushishnikov" and the story "The Wax Person". *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* = Siberian Philological Journal, 2015a, no. 3, p. 140–152. (In Russian)

Matveeva D. A. Poetics of short prose by Yu. N. Tynyanov. Abstract of Philol. Cand. Diss. Novosibirsk, 2015b, p. 88–118. (In Russian)

Mikhaylov A. D. The Russian fate of Marcel Proust. *Marsel' Prust v russkoy literature* = Marcel Proust in Russian literature, Moscow, 2000, p. 5–45. (In Russian)

Taganov A. N. Reception of Proust in Russia in the 1920s. *Literaturnyy fakt* = Literary fact, 2023, no. 2 (28), p. 241–264. (In Russian)

Pleshkova O. I. Story by Yu. N. Tynyanov's "The Wax Person" in the aspect of the theory of literary evolution, Barnaul, 2017, 238 p. (In Russian)

Venediktova T. D. Defamiliarization as part of aesthetic experience: towards the pragmatics of literary style. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, 2022, no. 2, pp. 140–50. (In Russian)

Yampol'skiy M. The Demon and the Labyrinth, Moscow, 1996, 336 p.
(In Russian)

List of Sources

Tynyanov Yu. N. Poetics; History of Literature; Movie, Moscow, 1977, 578 p.
(In Russian)

Tynyanov Yu. N. The problem of poetic language, Leningrad, 1924, 139 p.
(In Russian)

Tynyanov Yu. N. Works in 3 vols, vol. 1, Moscow; Leningrad, p. 359-464.
(In Russian)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ОЛЕЙНИКОВА: МЕТАБОЛА И ДЕКОНСТРУКЦИЯ

Е. Е. Волкова

Ключевые слова: метаболо, деконструкция, поэзия авангарда, ОБЭРИУ, ирония

Keywords: metabola, deconstruction, avant-garde poetry, OBERIU, irony

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-16](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-16)

Введение

Николай Олейников не входил в группу обэриутов, но был тесно связан с ними человеческими и литературными связями. Он был редактором легендарного журнала «ЁЖ», где сотрудничал с Даниилом Хармсом, Александром Введенским и многими другими поэтами, в дальнейшем объединенными аббревиатурой ОБЭРИУ. И. Бахтерев писал о собрании, где рассматривалось принятие Олейникова в объединение, следующее: «Он (Олейников. — Е. В.) даже написал заявление о приеме, полушуточное, правда, но мы рассматривали его со всей серьезностью [...] Таким образом, Олейников все же был обэриутом и был участником нашей декларации, которая впоследствии затерялась» [Назаров, 1987а, с. 50].

Первое, что обращает на себя внимание в поэзии Олейникова, — нарочитая несерьезность, развлекательность. Как будто поэт сразу отрицает любую попытку присоединения к традиции высокой литературы, отрицает всякую преемственность.

Николай Олейников всю жизнь собирал графоманские стихи, был их знатоком и ценителем. Составляя свои стихи «для случая» — застолья, именины, рождения, он ориентируется именно на эти образцы, выступая в роли великолепного стилиста. Традиция, которую продолжает Олейников, — «мнимая поэзия» Козьмы Пруtkова, Ивана Мятлева, поэтов «Сатирикона». Интересно, что, улавливая очевидную связь между ними, мы находим и различия. Татьяна Казарина указывает, что Прутков, претендуя на высокий сан поэта, старательно скрывал свою неумелость, тогда как «Олейников готов принять в качестве наследства и скудоумие, и дурные манеры, и саму поэтическую несостоятельность пред-

шественника. То, что в „предке” подлежало осмеянию, „потомок” воспринимает как ценность» [Казарина, 2005, с. 284].

Методы и материалы исследования

Главным художественным средством, которым пользуется Николай Олейников, становится ирония. Однако она для автора, по оценке современников, не только художественный прием, но и способ существования. Перенесение иронии как приема на собственное творческое поведение приводило автора-творца к некоей потере «лица» в поэтическом высказывании о мире. Читатель оставался в замешательстве: насколько серьезно можно воспринимать то, что воссоздает и о чем говорит Олейников-поэт? Можно ли этому доверять? «Это стихи, за которыми можно скрыться», — говорил сам Олейников (цит. по: [Гинзбург, 2002, с. 471]). Л. Я. Гинзбург называет такой способ существования автора в текста «масочным» и выделяет два типа языковых масок поэта: высокопарный обыватель и резонер и «мудрец-наблюдатель», «служитель науки» [Гинзбург, 2002, с. 495]. Главный вопрос, что скрывается под этой необходимостью обращения поэта к «ролевой» лирике?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снять все смысловые слои, то есть направиться «внутрь» предмета. Инверсивное движение свойственно мировоззрению обэриутов, для которых мир представляется хаосом, где условный знак и означаемое расщепились и отделились друг от друга, а каждая новая попытка осмыслить сущее придает ему лишь новое значение, еще больше расщепляя бытие, увеличивая энтропию. «Эмпирия отпала от своих онтологических истоков, стала миром условностей», — как верно замечает Т. Казарина [Казарина, 2005, с. 290]. В контексте такого мировоззрения единственный верный способ движения — это инверсивное движение к первоосновам, к восстановлению целостности бытия. «И мир, замусоренный языками множества глупцов, запутанный в тину „переживаний” и „эмоций”, — ныне возрождается во всей чистоте своих конкретных мужественных форм» — провозгласил в манифесте ОБЭРИУ Николай Заболоцкий [Заболоцкий, 1972, с. 150].

Понимание «конкретной вещи» у обэриутов было разным, в частности: преодоление разумом внешнего несовершенства вещи у Заболоцкого; предмет как вещьность самого знака, преображенного активностью художника, у Хармса; предмет как мнимость, некая проекция первозданных вещей разрушенной человеком целостности бытия у Введенского и Олейникова [Казарина, 2005]. Соответственно, «предмет» у последних — недоступная непосредственному восприятию онтологическая ре-

альность, то есть мы имеем дело скорее с конструктом, понятием о предмете, к которому поэт приближается в процессе творчества.

Лидия Гинзбург обращает внимание, что маски Олейникова — реализация борьбы с системой бутафорских значений эпохи, и эта борьба не исчерпывается буффонадой и комизмом, за этим стоит глубокое личное переживание. Языковая игра, «галантерейное растрепывание слова» предназначены для предохранения непрочной эмоции современного поэта от подложных ценностей в «красивой обложке». Осмеяние и ирония становятся для поэта инструментами в демонтаже опустевших форм и значений, слабо связанных с истинным предметом или авторским переживанием. Обратим внимание: деконструкция языковой реальности становится необходимостью, чтобы произнести «свое» слово, наполнить его личным смыслом: «Я только для того и пишу, чтобы оно (слово) зазвучало» (цит. по: [Гинзбург, 2002, с. 490]).

По мнению исследователя Т. Казариной, художественный метод Олейникова заключается в деконструкции мира, после которой не наступает ничего, — это и отличает его от предшественников-футуристов, для которых деконструкция рассматривалась как освобождение пространства для создания чего-то нового. Это происходит потому, что у олейниковского знака изначально нет содержания, «действительность, стоящая за строками, не деформирована, а фиктивна» [Герасимова, 1988, с. 13]. В связи с этим множество каламбуров, абсурдизм, словесные ляпы в системе Олейникова — это не только знак хаотичной новой эпохи, но и осознание сути этой эпохи и сути себя самого.

На первый взгляд оценки творчества Н. Олейникова исследователями выглядят противоречиво. Л. Я. Гинзбург рассматривает «ролевое» поведение поэта как маску, но маску, прикрывающую очень личное, болезненное, травматичное. Современный исследователь Т. В. Казарина, указывая на деконструкцию действительности в художественном мире Н. Олейникова, характеризует ее исключительно как прием, за которым ничего не стоит, — снятие одной маски приводит к появлению другой, «лица» же поэта читатель так и не видит. Думается, что истина находится где-то между этими полюсами и сам метод «спрятывания» лица в художественном методе Олейникова не означает отсутствия этого лица.

Олейников, несомненно, сам понимал основной «недостаток» своей поэзии, понимал, что частично разрушает онтологическую сущность лирики как рода литературы — сущность, которая вырастает из острого переживания мира. Часто наблюдаем в стихах Олейникова призывы к обнажению, стремление увидеть настоящее, скрытое за некими покровами. Одежда воспринимается им как фальшивые, искажающие материаль-

ные оболочки, однако материальное здесь не противопоставлено духу — под оболочками обнаруживается сфера чувственного, «страсть» «вожделенья алмаз», «горение» героя: «Я поднимаюсь / И говорю: / — Я изви-няюсь, / Но я горю!» (стихотворение «Короткое объяснение в любви») (Николай Олейников. Пучина страстей. 1991. С. 51)¹. Страсть и вожделе-ние связаны с полетом и освобождением сущности, сокрытой под фаль-шивыми ограничивающими оболочками в виде одежды.

В стихотворении «Послание, одобряющее стрижку волос» читаем следующее: «Если птичке хвост отрезать / Она только запоет / <...> Ты не птичка, но твой локон / — Это тот же птичий хвост», «И дро-жит Матвей прекрасный, / Укротитель шевелюры, / Обнажив твой лоб атласный и ушей архитектуру» (с. 57). Герой стихотворения трепещет от созерцания открывшейся архитектуры черепа, который до этого был сокрыт под шевелюрой. «Макар прекрасный» — одно из alterego Ни-колая Олейникова, Макар Свирепый — его прозвище в кругу близких к нему поэтов, под именем Свирепова он часто публиковался на стра-ницах детского журнала «ЁЖ». В стихотворении «Послание, бичующее ношение длинных платьев и юбок» автор призывает героиню отринуть внешнюю материальную оболочку, потому что само ее наличие подра-зумевает смерть и тлен:

*За то, чтобы в чулках
Икра, а не гангрена
Сияла бы в веках! (с. 60).*

Интересна здесь и орфоэпическая вариативность слова «икра», с по-мощью которого автор достигает двусмысленности и комического эф-фекта. Под икрОй, из которой «соткан» герой, скорее, имеется в виду продукт питания, тогда как Икра героини «гнездится в хорошеньких но-гах», то есть имеется в виду мышца голени. Однако слово «гнездится» снова отсылает к икрЕ как инварианту яйца, то есть зарождающейся жиз-ни. Таким образом, нога героини как вместилище икры может расцени-ваться и как источник чувственности, и как стремление к витальности, продолжению рода. Подтверждение последнему видим в следующем ряде образов: «чтоб ножка не увяла», «да здравствует нога, / вспорхнувшая из плена / на вешние луга!» (с. 60). Длинное платье или юбка, упомяну-тые в названии, становятся пленом, несут смерть, тогда как обнажение знаменует свободу и жизнь. В финале стихотворения автор акцентирова-

¹ Здесь и далее цитаты из стихов Н. Олейникова приводятся по источнику: Олейни-ков Н. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1991. 273 с.

ет внимание на значимости жеста обнажения, отрицая эротическую составляющую и умалчивая истинную ценность: *«Теперь тебе понятно / Значение икры: / Она — не для разврата, / Она — не для игры»* (Там же).

Обращает на себя внимание сама конструкция художественного образа, где мы не можем выделить, что первично, а что вторично. «Икра» Олейникова обладает метаболичной слитностью, демонстрируя тот самый мир преодоления метафоры, «где правда мифа трезво и почти научно обоснована фантастичностью самой действительности» [Эпштейн, 1988, с. 88]. В мире метабола нет первоосновы, достичь которой стремились обэриуты, а значит, двоящаяся реальность продолжает порождать энтропию.

Рассмотрим стихотворение «Послание, бичующее ношение одежды». Герой обращается к возлюбленной Лизе: *«Мешают нам наши покровы, / Сорвем их на страх подлецам!»* (с. 57), в одежде нет смысла, она ложь, придуманная человеком, а правда есть в природном мире, у которого и нужно учиться:

*Тому, кто живет как мудрец-наблюдатель,
Намеки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,
Летит соловей — без штанов (с. 57).*

Культурные слои, «осевшие» на человеке, воспринимаются как некое препятствие, избыток, нечто искажающее или скрывающее истину (чувства, страсть, сущность). Возвращение к природному началу: *«Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой, / Хочу над тобою летать, / Отбросивши брюки, штаны и рубашку — / Всё то, что мешает пылать»* — оценивается как возможность создать (испытать) нечто настоящее: *«Из наших объятий цветок вырастает / По имени Наша Любовь»* (Там же). Это стихотворение — один из редких примеров, где возникает попытка создания чего-то нового: объятия героев символизируют двух существ, слившихся в одно, и вырастающий из их объятий «цветок любовь». Само слово «вырастает» настолько необычно для поэтики Олейникова, что финал можно интерпретировать как сферу неслучившегося, как надежду на счастливое будущее, возможность продолжения жизни, что опять же для поэта нехарактерно. Намного чаще, как и у других обэриутов, в поэтике Олейникова встречаются мотивы телесных повреждений, смерти, бессмысленности плоти (от нее нужно отказаться любыми возможными путями, чтобы добраться до истины).

«Случайный» хеппи-энд разрушен самим Олейниковым: в стихотворении «Любовь» после долгожданного обнажения («я ваши юбки / пересчитал») герой не получает искомого: «Их оказалось / всего одна». Он обнаруживает, что искал любви, а получил «лишь только кровь» — на месте должного ядра, той самой онтологической основы, вновь обнаруживается еще одна оболочка: «Любовь такая / Не для меня / Она святая / Должна быть, да!» (с. 50).

Подобная же ситуация складывается в стихотворении «Быль, случившаяся с автором ЦЧО», где из эротической сцена превращается в экзистенциальную: «от страсти тяжело дыша / Я раздеваю шурша / Вступив в опасную игру, / Подумал я: «А вдруг помру?». Опасения героя подтверждаются: «Действительно, минуты не прошло, / Как что-то из меня ушло. / Душою было это что-то» (с. 58). Отметим, однако, что в данном случае хоть и происходит намеренная деконструкция, развоплощение (обнажение) героя, но все же под слоями материи обнаруживается некая летучая сущность (душа), то самое настоящее, к чему стремится приблизиться автор.

Результаты исследования

Освобождая сущее от оболочек, автор обнаруживает, что у означаемого нет денотата, что путь «отшелушивания» смысловых слоев обесценивается, так как смысловой центр отсутствует как таковой. В этом плане интересно стихотворение «Бублик». Созданное наподобие оды, оно как будто воспевает и тем самым же высмеивает ничто: «О бублик, созданный руками хлебопека! / Ты сделан для еды, но назначение твое высоко!». Тесто, хлеб ассоциируются с плотью, обрамляющей зияющее «ничто», оказавшееся на месте души. «Пошляк», пытаясь постичь тайну сущего, разламывает бублик, уничтожая тем самым его «существо», — дырка не может существовать без плоти вокруг нее, которую она прорывает. Такой «нетерпеливый» и разрушительный способ познания мира не приносит плодов: «И дырка знаменитая / Его томит, как тайна нераскрытая», — равно как и все остальные: «мы глядим», «мы силимся понять», «мы вспоминаем: что же, что же» (с. 56). Результат один — значение бублика непонятно: то ли в плоти (хлебе) важно зияние, то ли без зияния (дырки) бублика не будет. Постичь рациональным путем, что бытие равно нулю, как будто становится невозможным.

То же самое происходит и с героем: снимая фальшивые слои облачения, он не обнаруживает ничего, само существование героя становится сомнительно и бессмысленно. «Поэт — это такое человеческое существо (не знаю, насколько разумное), которое желает „соприкоснуться”

с миром без посредников, и это желание, в сущности, безумно и опасно для самого поэта, так как последним из устраняемых посредников будет он сам», — пишет о таком феномене самоликвидации В. Подорога [Подорога, 1993, с. 142]. Об этом «экзистенциальные» тексты Олейникова «Перемена фамилии», «Таракан», «Карась», «Смерть героя» и др.

«Перемена фамилии», пожалуй, самая яркая иллюстрация самоликвидации и «смерти автора». Герой меняет имя Козлов Александр на новое — Орлов Никандр, делает он это по причине того, что более не хочет быть прежним, он явно хочет быть другим. Уже на этом моменте можем заметить неравенство знака и означаемого. После смены фамилии герой внутренне ликует: *«Свершилось! Уже не Козлов я»*, — и предвкушает начало новой счастливой жизни. Однако когда у субъекта меняется имя, вместе с этим меняется и его внешняя оболочка — герой больше не узнает себя: *«я в зеркало глянул стенное, / И в нем отразилось чужое лицо»*. Он ощущает ужас, так как оказывается в плену тела и имени, которые более уже не соответствуют его «я». Выходом из такой ситуации становится только смерть, причем умерщвление происходит в обратном порядке: герой принимает яд, чтобы убить тело Орлова, ранее принадлежавшее Козлову: *«Орлова не стало. Козлова не стало. / Друзья, помолитесь за нас!»* (с. 64). Это стихотворение показывает, как сильно взаимосвязаны слово, название предмета и его внешняя оболочка, наименование в силах видоизменить тело предмета, тогда как суть остается неизменной и все больше отдаляется от внешнего с каждой попыткой переименования и переосмысления. В этом тексте снова применен прием метаболы: при явной потенциальной антитетичности Орлова и Козлова, оба они оказываются в одном теле, и уже невозможно определить, кто есть кто и где. Единственное возможное освобождение от бессмыслицы — умерщвление всех, один за одним, материальных слоев: если нет тела предмета — нет и самого предмета, нет фальши и энтропии. Таким образом, автор как будто обращает время вспять, в тот момент, где есть единственное, не вызывающее сомнений и вопросов состояние мира, — мир перед его сотворением. Достигнуть этого возможно только с помощью деконструкции.

Заключение

Таким образом, при анализе стихов Николая Олейникова обнаруживается не только набор пародийных приемов, создающих клоунату, буффонаду и иронию. Эти приемы обнажают экзистенциальную тоску и пустоту души героя. Прием метаболы, скорее, функционирует как способ показа «потерянных» звеньев в каузальной картине мира, которая дав-

но уже развивается не по законам причинно-следственных связей, а таксономично. Поэт, желая добраться до первоосновы сущего, демонтирует один за одним наросшие словесные слои означаемого и обнаруживает либо ничто, пустоту, либо некий неделимый, небинарный художественный образ, отсутствие первоосновы которого продолжает множить энтропию. Оба результата эксперимента расцениваются как негативные: мир, в котором нет сущего, возможно только устранить, разрушить, вернуть наизнанку и поиздеваться над его пустотой.

Библиографический список

Гинзбург А. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. 768 с.

Герасимова А. Проблема смешного в творчестве обэриутов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1988. 26 с.

Заболоцкий Н. А. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1972. 720 с.

Казарина Т. В. Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов): дис. ... докт. филол. наук. Самара, 2004. 620 с.

Лекманов О. А., Свердлов М. И. «Кто я такой? Вопрос нелепый»: Жизнь и стихи Николая Олейникова. М.: Литфакт, 2018. 322 с.

Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Избранное. М.: Правда, 1991. 624 с.

Назаров В., Чубукин С. Последний из ОБЭРИУ // Родник. 1987. № 12. С. 39–54.

Подорога В. К вопросу о мерцании мира. Беседа с В. А. Подорогой // Логос. 1993. № 4. С. 139–150.

Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 418 с.

Источник

Олейников Н. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1991. 273 с.

References

Ginzburg L. Ya. Notebooks. Memories. Essays, St. Petersburg, 2002, 768 p. (In Russian).

Gerasimova A. G. The problem of the funny in the works of the OBERIUTs. Abstract of Doct. Philol. Diss., Moscow, 1988, 26 p. (In Russian).

Zabolotskiy N. A. Selected Works, in 2 vol., vol. 1. Columns and Poems, Moscow, 1972, 720 p. (In Russian).

Kazarina T. V. Three eras of the Russian literary avantgarde (evolution of aesthetic principles). Thesis of Doct. Philol. Diss., Samara, 2005, 455 p. (In Russian).

Lekmanov O. A., Sverdlov M. I. "Who Am I? The Question Is Ridiculous": The Life and Poems of Nikolai Oleynikov, Moscow, 2018, 322 p. (In Russian).

Losskiy N. O. The World as an Organic Whole. Lossky N. O. Selected, Moscow, 1991, 624 p. (In Russian).

Nazarov V., Chubukin S. The last of OBERIU. *Rodnik* = Spring, 1987, no. 12, p. 39–54. (In Russian).

Podoroga V. On the Question of the Flickering of the World. Conversation with V. A. Podoroga. *Logos* = Logos, 1993, no. 4, p. 139–150. (In Russian).

Epshteyn M. N. Paradoxes of Novelty: On Literary Development in the 19th and 20th Centuries, Moscow, 1988, 418 p. (In Russian).

Source

Oleynikov N. The abyss of passions: Poems and poems, Leningrad, 1991, 273 p. (In Russian).

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

«ОГНЕЙ ТАК МНОГО ЗОЛОТЫХ НА УЛИЦАХ САРАТОВА...»: ОБЗОР XXII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

Н. В. Бубнова

Ключевые слова: имя собственное (оним), ономастика, «Ономастика Поволжья»

Keywords: proper name (onym), onomastics, “Onomastics of Volga Region”

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1–17](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1–17)

Популярная песня «Огней так много золотых...» композитора К. Молчанова на стихи Н. Доризо из кинофильма «Дело было в Пенькове» связывает город Саратов с множеством уличных огней и холостых парней, однако не только этим богата и известна данная поволжская территория. После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к Русскому государству вдоль Волги начали строиться города-крепости, к числу которых относится и Саратов, основанный в 1590 г. по царскому указу воеводой Г. О. Засекиным на левом берегу Волги [Студенцов, 1989, с. 7]. Затем из-за опустошительных пожаров город был перенесен на правый берег, в котловину, окруженную горами. Уже в начале XVII в. население Саратова состояло не только из стрельцов, но и из посадских людей, переселенцев из разных областей России, а также бежавших из Среднего Поволжья татар, мордвы, чувашей [История..., 1983, с. 5]. Саратов всегда был не только торговым, промышленным, но и крупным культурным и научным центром. Саратовский университет — десятый из существовавших в Российской империи. Он был основан по приказу Николая II в 1909 г. в составе единственного факультета — медицинского. В 1931 г. этот факультет стал самостоятельным институтом, затем университетом, которому в 2009 г. присвоили имя первого ректора Николаевского университета профессора В. И. Разумовского [Данилина, Супрун, 2024, с. 11].

26-29 сентября 2024 г. Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского принял традиционную научную профильную конференцию «Ономастика Поволжья». География участников снова оказалась обширной: от Калининграда до Улан-Удэ и Якутска, от Нальчика и Ялты до Вологды. В различных формах работы в конференции приняли участие 111 исследователей, представляющих:

7 академических институтов: Институт лингвистических исследований РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Институт географии РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт языкознания РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН;

35 городов России: Арзамас, Астрахань, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Горловка, Донецк, Елабуга, Казань, Калининград, Кострома, Липецк, Москва, Нальчик, Новосибирск, Оренбург, Пенза, Петрозаводск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тамбов, Тверь, Торжок, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Элиста, Якутск, Ялта, Ярославль;

4 зарубежных города: Минск, Витебск (Республика Беларусь), Петропавловск (Республика Казахстан), Тирасполь (Приднестровская Молдавская Республика).

*Открытие XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»
(СГМУ им. В. И. Разумовского, 27 сентября 2024 г.)*

На торжественном открытии конференции с приветственными словами выступили: начальник научного отдела Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского А. А. Дубго-рин, председатель постоянно действующего оргкомитета конференции «Ономастика Поволжья» В. И. Супрун, директор Института русского

языка и литературы Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева Е. В. Сабиева, заведующая кафедрой русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского Л. П. Прокофьева.

В рамках конференции были проведены пленарные и секционные заседания. Первое пленарное заседание открыли два мемориальных доклада: «Академик А. А. Шахматов как ономатолог» (д. филол. н., проф. О. В. Никитин, Государственный университет просвещения) и «Саратовский ономатолог Людмила Григорьевна Хижняк» (И. В. Соловьева, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского). Затем были заслушаны доклады, рассматривающие актуальные аспекты ономастических исследований:

«Новые направления ономастики информационной эпохи» (д. филол. н. Ю. Ю. Гордова, Институт языкознания РАН);

«Корпусная ономастика: имена собственные в Национальном корпусе русского языка» (д. филол. н., проф. В. И. Супрун, Волгоградский государственный социально-педагогический университет);

«Социальная коннотация рекламного имени» (д. филол. н., проф. И. В. Крюкова, Волгоградский государственный социально-педагогический университет);

«Цвет как топооснова в зонах этноязыковых контактов» (д. филол. н., член-корреспондент РАН С. А. Мызников, Институт славяноведения РАН);

«Генезис и эволюция имени (из цикла „Филолософемы дилетанта“)» (д. филол. н., проф. В. М. Калинин, Донецкий государственный педагогический университет).

На секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады, позволившие показать все разнообразие ономастических исследований: рассматривались как общие теоретические и методологические аспекты ономастики, так и актуальные проблемы изучения имен собственных отдельных разрядов (антропонимов, топонимов и микротопонимов, литературных имен, урбанонимов, эргонимов и др.).

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады, ориентированные на популяризацию ономастических знаний и их использование в образовательной сфере:

«О структуре ономастического пространства школьных образовательных программ» (д. филол. н., проф. Н. А. Максимчук, Смоленский государственный университет);

«Топоним *Караул* на территории тамбовского края и лексема *караул* в литературном русском языке» (д. филол. н., проф. А. С. Щербак, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина);

«„Чужое” и „свое” в городском пространстве: инокультурные номинации астраханских улиц» (д. филол. н., проф. М. А. Лаптева, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева);

«Формирование патриотизма через концепт РОДИНА в образовательном процессе» (к. филол. н. Е. В. Сабиева, к. филол. н. М. Е. Какимова, Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева).

В завершение работы конференции были подведены итоги, принята резолюция и объявлены место и время проведения XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»: Астрахань, сентябрь 2025 г.

Культурная программа конференции традиционно отличалась разнообразием: помимо прогулки по центру Саратова, участникам были предложены экскурсии в Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева и в Исторический музей Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского. Кроме того, настоящим подарком для заинтересованных участников конференции стала автобусная экскурсия в Губаревку (деревня в Татищевском районе Саратовской области), где провел свои детские годы академик А. А. Шахматов. «Имя академика А. А. Шахматова тесно связано с Саратовским краем, где он провел детство, где зародился его интерес к истории.

Участники XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»
на экскурсии в д. Губаревка

В письмах А. А. Шахматова разных лет, в воспоминаниях его сестры Е. А. Масальской часто упоминаются топонимы *Саратов*, *Губаревка*, *Вязовка*, *Аткарск*, а также и другие названия населенных пунктов, в которых жили его родственники, где останавливалось семейство Шахматовых, откуда он черпал родовые истории» [Никитин, 2024, с. 57]. В на-

стоящее время имение Шахматовых, к сожалению, не сохранилось — память о великом ученом хранят вековые деревья и сердца благодарных потомков-языковедов.

Участники XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» отметили высокий уровень ее подготовки и проведения. Оргкомитет традиционно рекомендовал всем участникам способствовать распространению ономастических знаний: публиковать научные и научно-популярные работы, проводить спецкурсы по проблемам ономастики, выступать в средствах массовой информации. Имена собственные — уникальные единицы языка: для специалистов-ономастологов они всегда раскрывают новые возможности и направления исследований, а для увлеченных любителей предоставляют заключенную в их содержании интереснейшую информацию о жизни народа — носителя языка; это вновь подтверждает тезис о том, что ономастика — наука о человеке и для человека.

Библиографический список

Данилина Н. И., Супрун В. И. Предисловие // Ономастика Поволжья: материалы XXII Международной научной конференции. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет, 2024. С. 8–14.

История Саратовского края. 1590–1917: Хрестоматия / под ред. В. А. Осипова, З. Е. Гусаковой, В. М. Гохлернер. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. 340 с.

Никитин О. В. Академик А. А. Шахматов как ономастолог // Ономастика Поволжья: материалы XXII Международной научной конференции. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет, 2024. С. 56–62.

Студенцов Н. Н. Две загадки Саратова. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. 77 с.

References

Danilina N. I., Suprun V. I. Foreword. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* = Onomastics of the Volga region: materials of the XXII international scientific conference. Saratov, 2024. p. 8–14. (In Russian).

History of the Saratov region. 1590–1917. Ed. V. A. Osipova, Z. E. Gusakova, V. M. Gochlerner. Saratov, 1983, 340 p. (In Russian).

Nikitin O. V. Academic A. A. Shahmatov as onomatologist. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* = Onomastics of the Volga region: materials of the XXII international scientific conference, Saratov, 2024, p. 56–62. (In Russian).

Studentsov N. N. Two mysteries of Saratov, Saratov, 1989, 77 p. (In Russian).

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Т. Г. Рабенко, А. О. Терентьева. Модель распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве (на материале социальной сети «ВКонтакте»). В статье предлагается интерактивная модель распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве. Имея в своей основе представление об общении как коммуникативном взаимодействии двух субъектов, данная модель включает речевые действия субъектов виртуального диалога, определяемые как коммуникативные поступки или коммуникативные ходы. Коммуникативный ход представляет собой вербальное и/или невербальное действие участников коммуникации, которое либо развивает обмен информацией участников диалога и продвигает их общение к достижению общей коммуникативной цели, либо блокирует развитие темы. Выявляется 13 коммуникативных ходов, интегрируемых в четыре коммуникативных блока (введение сюжета, развитие сюжета, блокирование сюжета, выход из сюжета), которые выделяются на разных этапах развития виртуального диалога. Оценивается лингвопрагматический потенциал коммуникативных ходов каждого блока относительно их возможности / невозможности распространения неавторизованной информации.

T. G. Rabenko, A. O. Terentyeva. The Dissemination Model of Unauthorized Information in the Virtual Communication Space (Based on the Material of the VKontakte Social Network). The article presents an interactive model for the dissemination of unauthorized information in a virtual communication space. Based on the interrelated dialogue of communication participants, this model is structured by the speech actions of the subjects of the virtual dialogue, defined as communicative actions or communicative moves. A communicative move is a verbal and/or non-verbal action of communication participants, a minimal significant element that either develops the interaction of dialogue participants and promotes their communication towards achieving a common communicative goal, or blocks the development of the topic. 13 communicative moves are identified, integrated into four communicative blocks: the plot introduction, the plot development, the plot blocking, the plot exit, highlighted at different development stages of the virtual dialogue. The linguistic and pragmatic potential of the communicative moves of each

block is evaluated regarding their dissemination possibility / impossibility of unauthorized information.

Е. П. Каргаполов, Т. В. Федосова, М. И. Абдыжапарова. Образ леса в метафорических моделях авторской картины мира Владимира Волковца. Цель данного исследования — выявить и проанализировать метафорические модели, функционирующие в поэтических текстах Владимира Волковца, репрезентирующие базовый концепт ЛЕС. Авторы рассматривают теорию метафор в поэтическом тексте, выделяя оппозиционную модель репрезентации метафорических образов, модель последовательной аналогии, концентрическую модель, ступенчатую модель, кольцевую и пересекающуюся модели репрезентации метафорических образов. В статье представлен семантический анализ стихотворений Волковца о лесе, а также выявляются метафорические модели в поэтических текстах. Образ леса в произведениях автора неразрывно связан с такими понятиями, как огонь, снег, дерево, ветер, тропа, трава, старик, кедр, сосны. В итоге авторы выявляют следующие метафорические модели, характеризующие авторскую картину мира: лес — это спаситель, лес — это седовласый старик, лес — это губка, лес — это судьба, лес — это источник жизни. Практическое применение материалов статьи возможно в рамках исследований, посвященных изучению языковой картины мира писателей малых народов в целом и авторской картины мира Владимира Волковца в частности.

Ye. P. Kargapolov, T. V. Fedosova, M. I. Abdyzhaparova. The Image of the Forest in Metaphoric Models of the Author's Worldview of Vladimir Volkovets. The purpose of this study is to identify and analyze the metaphorical models functioning in the poetic texts of Vladimir Volkovets, representing the basic concept forest. The authors consider the theory of metaphors in a poetic text highlighting the oppositional model of representing metaphorical images, the model of sequential analogy, the concentric model, the step model and the circular and intersecting models of representation of metaphorical images. The article presents the semantic analysis of Volkovets's poems about the forest, and also identifies metaphorical models of the poetic text. The image of forest in the author's works is presented together with such concepts as fire, snow, wood, wind, trail, grass, old man, cedar, pines. As a result, the authors identify the following metaphorical models characterizing the author's worldview: the forest is a savior, the forest is a gray-haired old man, the forest is a sponge, the forest is fate, the forest is a source of life. The practical application of the materials of the article is possible within the framework of research devoted to the

study of the linguistic worldview of the writers of small-numbered peoples in general and the author's worldview of Vladimir Volkovets, in particular.

Лю Сыди, Н. Г. Нестерова. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой репрезентации (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия»). Статья посвящена исследованию языковой репрезентации медийного образа Сибири в аспекте научных достижений ее регионов. Источником эмпирической базы исследования стали тексты, реализующие самопрезентацию сибирских регионов на официальном сайте Международной выставки-форума «Россия», которая проходила на ВДНХ с 4 ноября 2023 г. по 8 июля 2024 г. К лингвистическому анализу привлечены текстовые высказывания, демонстрирующие достижения регионов в области науки и инновационных технологий. Ключевыми средствами языковой репрезентации научно-технологических достижений выступают специальная лексика и устойчивые словосочетания из научно-технической сферы; конкретизирующую функцию выполняют имена собственные, называющие научные учреждения, инновационные проекты, производственные объекты. Самопрезентацией регионов создается медиаобраз современной Сибири как региона с мощной научной и технологической базой, обеспечивающей эффективное внедрение науки в производство, как макрорегиона России, значимого в научно-образовательном, научно-технологическом и научно-промышленном плане.

Liu Sidi, N. G. Nesterova. Media Image of Siberia through the Prism of Scientific Achievements of Its Regions: Means of Linguistic Representation (Based on the Texts of the Website of the International Exhibition-Forum "Russia"). The article is devoted to the study of linguistic representation of the media image of Siberia in the aspect of scientific achievements of its regions. The source of the empirical base of the study are the texts implementing the self-presentation of Siberian regions on the official website of the International exhibition-forum "Russia", which was held at Exhibition of Achievements of National Economy from 4 November 2023 to 8 July 2024. The linguistic analysis involved text statements demonstrating the achievements of regions in the field of science and innovative technologies. The key means of linguistic representation of scientific-technological achievements are specialized vocabulary and set phrases from the scientific-technical sphere; the concretizing function is performed by proper names that name scientific institutions, innovative projects, production facilities. The self-presentation of the regions creates a media image of modern Siberia as a region with a powerful scientific and technological base, ensuring the

effective implementation of science in production, as a macroregion of Russia, significant in scientific-educational, scientific-technological and scientific-industrial terms.

С. В. Беликов. Эргонимы в городском ономастическом пространстве Харбина и перспективы их использования при обучении русскому языку как иностранному. Статья посвящена изучению эргонимов городского ономастического пространства Харбина. Цель работы — исследование эргонимов в аспекте особенностей их функционирования в ономастическом пространстве Харбина и возможности их использования в обучении РКИ. Источники исследования — фрагменты «Словаря харбинской лексики», воспоминания русских харбинцев, работы по истории Харбина и языку восточного русского зарубежья. В статье использован комплексный подход к изучению материала, в русле которого применены мотивационный и словообразовательный анализ имен собственных. Основным принципом номинации объектов является его соотносительность с деятельностью человека. Семантические модели эргонимов сформированы частными мотивированными признаками: фамилия человека, этническая принадлежность, социальная и производственная деятельность. Словообразовательные модели созданы по русским ономастическим моделям. С опорой на результаты проведенного анализа предложены примеры задания для студентов при изучении таких разделов РКИ, как лексикология и словообразование.

S. V. Belikov. Ergonyms in the Urban Onomastic Space of Harbin and the Pprospects for Their Use in Teaching Russian as a Foreign Language. The article is devoted to the study of ergonyms of the urban onomastic space of Harbin. The purpose of the work is to study ergonyms in the aspect of the peculiarities of their functioning in the onomastic space of Harbin and the possibility of their use in teaching Russian as a foreign language. The sources of the study are fragments of the “Dictionary of Harbin Lexicon”, memoirs of Russian Harbin residents, works on the history of Harbin and the language of the eastern Russian diaspora. The article uses a comprehensive approach to the study of the material, in line with which motivational and word-formation analysis of proper names are used. The main principle of the nomination of objects is its correlation with human activity. Semantic models of ergonyms are formed by private motivated features: person's surname, ethnicity, social and industrial activity. Word-formation models are created based on Russian onomastic models. Based on the results of the analysis, examples of assignments for students are proposed when studying such sections of Russian as a foreign language as lexicology and word-formation.

Е. А. Чистюхина. Лингвокультурный типаж «ленивый человек» как составляющая ценностной картины мира российских немцев (на материале шванков). Цель работы состоит в изучении лингвокультурного типажа «ленивый человек», отраженного в шванках российских немцев, и определении некоторых ценностных ориентиров русско-немецкого этноса. Методом целенаправленной выборки из текстов шванков были извлечены фрагменты, репрезентирующие лингвокультурный типаж «ленивый человек». Посредством контекстуального анализа, анализа толковых и этимологических словарей, а также сравнительного анализа автором были описаны структура и содержание исследуемого лингвокультурного типажа. Выявлено, что шванки способны отражать ценностную картину мира этноса и являться средством сохранения национальной идентичности. Одной из составляющих ценностной картины мира является понятие лингвокультурного типажа. Анализ ключевых слов — репрезентантов типажа и примеров, вербализующих исследуемый типаж в шванках, позволил автору смоделировать типичный образ ленивого российского немца, который является универсальным, поскольку сочетает в себе черты как русской, так и немецкой картин мира. Положительная оценка этого порока, в некоторой степени характерная для русской лингвокультуры, не была обнаружена в шванках российских немцев.

E. A. Chistiukhina. Linguocultural type “A Lazy Person” as a Part of the Axiological World Picture of Russian-Germans (Based on the Shvanks). The purpose of the research is to study the linguocultural type “A lazy person”, that is represented in the shvanks and to define some Russian-German values. Using a purposive sampling method fragments representing the linguocultural type “A lazy person” were extracted from the shvanks. In the course of the contextual analysis, the analysis of explanatory and etymological dictionaries and the comparative analysis the author managed to reveal the structure and the content of the investigated linguocultural type. It was revealed that shvanks are capable of reflecting the value picture of the world of an ethnic group and are a means of preserving national identity. One of the components of the value picture of the world is the concept of a linguocultural type. An analysis of key words representing the type and examples verbalizing the type under study in schwanks allowed the author to model a typical image of a lazy Russian German, which is universal, since it combines features of both Russian and German worldviews. A positive assessment of a “lazy person”, to some extent characteristic of Russian linguistic culture, was not found in the schwanks of Russian Germans.

Э. В. Маремукова. Этностереотипизация утверждения и отрицания в разноструктурных языках. Статья представляет собой компаративный анализ лингвистической объективации этностереотипных представлений носителей разноструктурных языков, связанных с утверждением и отрицанием. На материале неблизкородственных кабардино-черкесского, русского и английского языков проанализирована работа национального ментально-лингвального аппарата в процессе концептуализации окружающей действительности. Использование как общенаучных, так и собственно лингвистических методов, включающих в себя методы интерпретативного, этимологического, компонентного, контекстуального анализа, а также сопоставления и обобщения позволило выявить универсальные и лингвоспецифические особенности лексико-грамматической экспликации этнокультурной информации, сопряженной с утверждением и отрицанием. Сопоставительное исследование разноструктурных языков раскрывает альтернативную концептуализацию внешнего мира, а также выявляет особенности каждого языка, которые могут остаться нераскрытыми при автономном изучении отдельных языков.

E. V. Maremukova. Ethnostereotyping of Affirmation and Negation in Languages with Different Structures. The article is a comparative analysis of linguistic objectification of ethnostereotypical representations of speakers of languages with different structures associated with affirmation and negation. Based on the material of non-closely related Kabardino-Circassian, Russian and English languages, the work of the national mental-lingual apparatus in the process of conceptualization of the surrounding reality is analyzed. The use of both general scientific and linguistic methods, including methods of interpretative, etymological, componential, contextual analysis, as well as comparison and generalization, made it possible to identify universal and linguistic-specific features of the lexical and grammatical explication of ethnocultural information associated with affirmation and negation. A comparative study of languages with different structures allows to reveal an alternative conceptualization of the external world, as well as to identify the features of each language that may remain undisclosed during an autonomous study of individual languages.

Д. В. Сердюк. Интертекстуальность святочно-рождественских рассказов М. Горького. Статья посвящена исследованию интертекстуальных связей в святочно-рождественских рассказах Максима Горького («О мальчике и девочке, которые не замерзли», «Извозчик», «В сочельник»), раскрывающих авторскую стратегию профанации канонов святочной литературы. Цель работы — анализ трансформации жанровых

особенностей и интертекстуальных взаимодействий в указанных произведениях. В статье применяется комплексный метод литературоведческого анализа, включающий элементы сравнительно-исторического, жанрового и интертекстуального подходов. Установлено, что Горький намеренно деформирует традиционную структуру святочного рассказа, создавая пародийные версии известных классических сюжетов. Рассказы писателя построены на основе интертекстуальных взаимодействий с произведениями Н. В. Гоголя («Шинель») и Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»). Выявлены параллели, искажения и трансформации, вносимые Горьким в чужие тексты и канонические сюжеты. Особое внимание уделяется анализу семантических и нарративных сдвигов, а также роли образов нечистой силы в святочных рассказах Горького.

D. V. Serdyuk. Intertextuality of M. Gorky's Christmas (Yuletide) Short Stories. The article considers intertextual relations in the Christmas stories by Maxim Gorky ("About a Boy and a Girl Who Did Not Freeze", "The Cabman", "On Christmas Eve"), revealing the author's strategy of profaning the canons of Christmas literature. The aim of the work is to analyze the transformation of genre features and intertextual interactions in these works. The article uses a comprehensive method of literary analysis, including elements of comparative-historical, genre and intertextual approaches. It has been established that Gorky deliberately deforms the traditional structure of the Yuletide short story, creating parody versions of well-known classical plots. The writer's stories are built on the basis of intertextual interactions with the works of N. V. Gogol ("The Overcoat") and F. M. Dostoevsky ("The Beggar Boy at Christ's Christmas Tree", "Crime and Punishment", "The Brothers Karamazov"). Parallels, distortions and transformations introduced by Gorky into the author's texts and canonical plots are revealed. Particular attention is paid to the analysis of semantic and narrative shifts, as well as to the role of images of evil spirits in Gorky's Christmas stories.

И. П. Черкасова. Феномен концептуализации образа Николая Чудотворца и понятия чуда в поэтическом дискурсе. Статья посвящена изучению специфики концептуализации ценностных доминант культуры в рамках поэтического дискурса. Цель — исследование процессов концептуализации аксиологической доминанты *чудо* и образа *Николая Чудотворца* в поэтическом дискурсе. В качестве материала избраны тексты русских поэтов XIX–XX веков. Методы исследования: контекстуальный и лингвогерменевтический анализ. Поэтический дискурс рассматривается как система, обладающая следующими характеристиками:

сгущение, синергия, концептуализация и кристаллизация смысла аксиологических доминант (концептов) культуры. Автор приходит к выводу о том, что *чудо* — это не только многозначная лексическая единица, но и феномен, обретаемый в культуре. Неповторимую репрезентацию концепт ЧУДА получает посредством образа святого Николая Чудотворца, который предстает как абсолютная реализация чуда, объединяющая добродетель, милосердие, любовь, сопереживание, кротость. Выявлены смыслы, репрезентирующие данный концепт в поэтическом дискурсе.

I. P. Cherkasova. The Phenomenon of Conceptualization of St. Nicholas Image and the Concept of Miracle in Poetic Discourse. The article is devoted to the study of the conceptualization specifics of cultural value dominants within the framework of poetic discourse. The paper aims to examine the conceptualization of the axiological dominant of the miracle and the image of Saint Nicholas in poetic discourse. The material for the study was the poetic works of Russian poets of the XIX–XX centuries. Research methods: contextual analysis, linguistic and hermeneutic analysis. Poetic discourse is considered as a system having the following features: density of meaning, synergy, conceptualization and crystallization of the meaning of axiological dominants (concepts). The author comes to the conclusion that *a miracle* is not only a multi-valued word, but also a phenomenon found in culture. The concept of a miracle receives a unique representation through the image of St. Nicholas, who appears as the absolute realization of a miracle that unites virtue, mercy, love, empathy, and meekness. The author defines the meanings representing the concept in poetic discourse.

В. Н. Карпухина, А. А. Мансков. Художественный метод Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова: к постановке проблемы. Статья посвящена рассмотрению художественных установок и становлению художественного метода С. Д. Кржижановского и М. А. Булгакова в 1920–1930-е гг. Они формировались в общем для двух писателей контексте — историческом и культурном. Художественный метод Кржижановского и Булгакова может быть определен как фантастический реализм, граничащий с модернистским экспериментализмом в области жанров и мифопоэтики. Художественный мир текстов Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова, в котором пространство глубочайших философских прозрений граничит с театральным пространством буффонады, является миром творения новых мифов — мифов нового социального пространства и времени. В качестве материала исследования выступают публицистические и художественные тексты С. Д. Кржижановского и М. А. Булгакова, а также дневниковые

записи и воспоминания о них, написанные их современниками. Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления специфики художественного метода двух писателей-модернистов начала XX века с точки зрения наиболее активно используемой на сегодняшний день литературоведческой методологии в рамках семиотики, мифопоэтики и лингвокультурологии.

V. N. Karpukhina, A. A. Manskov. The Artistic Method of Sigizmund Krzhizhanovsky and Mikhail Bulgakov: The Statement of a Problem. The paper considers key dominants and the formation of the artistic method of S. D. Krzhizhanovsky and M. A. Bulgakov in the 1920–1930s. They were formed in a common historical and cultural context for the two writers. The artistic method of Krzhizhanovsky and Bulgakov can be defined as fantastic realism bordering on modernist experimentalism in the field of genres and mythopoetics. The fiction world of texts by Sigizmund Krzhizhanovsky and Mikhail Bulgakov, in which the space of the deepest philosophical insights borders on the theatrical space of buffoonery, is the world of creation of the new myths, the myths of a new social chronotope. The research material includes publicistic and fiction works by S. D. Krzhizhanovsky and M. A. Bulgakov, as well as the diary entries and memoirs about them written by their contemporaries. The relevance of the research lies in the need to understand the specifics of the analyzed modernist writers' methodology in the framework of nowadays semiotics, mythopoetics, and linguoculturology.

А. А. Иванова, О. Ю. Муштанова. Сюжетообразующие мотивы легенд острова Сицилия. Цель данной статьи — выявить устойчивые сюжетные мотивы в сицилийских легендах. Материалом исследования послужили легенды острова Сицилия, особенность которого состоит в культурном, историческом и языковом многообразии. В исследовании использованы следующие методы: описательно-аналитический, структурно-семантический, функционально-семантический, историко-типологический, а также метод перевода источников. Выделены основные сюжетообразующие мотивы легенд острова Сицилия и наиболее устойчивые их комбинации. Определено, что наиболее частотным мотивом является мотив любви, сочетающийся с мотивом превращения, реализуемый в повествовании как трансформация человека в объект природы или как наделение неодушевленного предмета жизнью, или с мотивом мести, что особенно характерно для древних легенд с мифологическим элементом. Выделен мотив победы добра над злом, выраженный в оппозициях христианство — язычество или христианство — колдовство; мотив сговора человека с дьяволом; мотив хитрости; мотив справедли-

ности и мотив поиска кладов. Описана специфика комбинаций указанных мотивов и особенностей их реализации в повествовании в зависимости от типа легенды и периода ее появления.

A. A. Ivanova, O. Yu. Mushtanova. Narrative Motifs of the Legends of the Island of Sicily. The purpose of this article is to identify stable plot motifs in Sicilian legends. The material of the study is the legends of the island of Sicily, the specificity of which consists in cultural, historical and linguistic diversity. The following methods were used in the study: descriptive-analytical, structural-semantic, functional-semantic, historical-typological, and the method of translation of sources. The main plot-forming motifs of the legends of the island of Sicily and their most stable combinations are identified. The most frequent motif is the motif of love, combined with the motif of transformation, realized in the narrative as the transformation of a person into an object of nature or as endowment of an inanimate object with life, or with the motif of revenge, which is especially characteristic of ancient legends. The motif of the victory of good over evil, expressed in the oppositions Christianity-paganism or Christianity-witchcraft; the motif of a man's conspiracy with the devil; the motif of cunning; the motif of justice and the motif of treasure hunting. The specificity of combinations of the mentioned motives and the peculiarities of their realisation in the narrative depending on the type of the legend and the period of its appearance is revealed.

С. М. Пронченко. Имена собственные в охотничьей прозе А. К. Толстого. Цель публикации — раскрыть специфику референтивного значения имен собственных (представленность классов и подклассов), их семантических особенностей и выполняемых стилистических функций. Материал исследования — охотничьи очерки А. К. Толстого «Два дня в Киргизской степи» и «Волчий приемыш». В исследовании использованы историко-литературный метод, сплошная выборка, классификационный, контекстный и семантико-стилистический анализы, описательный метод. Установлено, что типология имен (поэтонимов) в очерках не отличается разнообразием, среди ономастических классов количественно преобладают топопоэтонимы, значительно меньше антро-, зоо- и хронопоэтонимов. Семантика имен формируется контекстами; употребленные в очерках онимы являются реальными, однако их значение преобразовано в соответствии с авторским замыслом. Поэтонимы участвуют в моделировании хронотопа и в развитии действия. Имена выполняют такие стилистические функции, как эстетическая, текстообразующая, номинативно-изобразительная, культурно-историческая, локально-темпоральная, характеристическая и апеллативная.

S. M. Pronchenko. Proper Names in the Prose of Hunting by A. K. Tolstoy. The article discloses the results of the analysis of proper names at the angle of the specifics of their referential meaning (representation of classes and subclasses), semantic features and stylistic functions. Research material — essays on hunting by A. K. Tolstoy “Two days in the Kyrgyz steppe” and “Wolf fosterling”. When studying proper names, the following methods were used: historical and literary, sampling, classification, contextual and semantic-stylistic analyzes, descriptive. The result was that the typology of poetonyms in essays is not diverse, among the onomastic classes topopoetonyms prevail in volume; there are much fewer anthro-, zoo- and chronopoetonyms. The semantics of names is formed by contexts, its specificity determined by the onyms in essays being real; however, due to function in fiction, their meaning is transformed in accordance with the author's conception. Poetonyms in essays enable modeling of the chronotope and the development of action. Names perform such stylistic functions as aesthetic, text-forming, nominative-pictorial, cultural-historical, local-temporal, characteristic and appellative.

Чжан Цзин. Слова *новый* и *новенький* в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: семантика и функции. Цель статьи — проанализировать семантику слова *новый* и диминутива *новенький* и описать их функционирование в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи». Объект исследования — семантика указанных слов, а предмет — семантические изменения, связанные с их функционированием в художественном тексте. Материалом исследования послужила картотека объемом более шестидесяти словоупотреблений, полученная в результате сплошной выборки. Языковой материал изучен с помощью традиционных методов описательного, семантического, контекстуального и лексикографического анализа. Выявлены и описаны значения слов *новый* и *новенький*, которые характерны для исследуемого цикла. Показано, что антропоцентричность семантики этих слов обусловлена объективными факторами (реальным временем существования) и субъективным опытом личности персонажа (рассказчика). Исследуемые слова И.А. Бунин чаще всего употребляет при описании мира повседневности, характеризуя предметы быта. Самые большие тематические группы слов, сочетающиеся со словами *новый*, *новенький*, — «Одежда», «Культурные объекты», «Человеческие взаимоотношения».

Zhang Jing. Russian Words *новый* (*novyj*) and *новенький* (*noven'kij*) in the Cycle of Ivan Bunin's Stories “Dark Alleys”: Semantics and Functions. The purpose of the article is to analyze the semantics of the word new and the diminutive new and describe their functioning in the cycle of short

stories by I. A. Bunin «Dark Alleys». The object of the study is the semantics of these words, and the subject is the semantic changes associated with their functioning in a literary text. The research material was a card file with a volume of 61 word usage. The linguistic material was studied using traditional methods of descriptive, semantic, contextual and lexicographic analysis. The meanings of the words *novyj* (new) and *noven'kij* (diminutive new) new, which are characteristic of the studied cycle, are identified and described. It is shown that the anthropocentricity of the semantics of these is due to objective factors (time of origin, manufacture) and the subjective experience of a person who is faced with “other, different” or “not what it was before.” The studied words are most often used by I. A. Bunin when describing the world of everyday life, characterizing everyday objects. The largest thematic groups of words, combined with the words new, new, are “Clothes”, “Cultural objects”, “Human relationships”.

Д. Д. Старикова, Л. А. Селина. Психолингвистические особенности восприятия концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ абитуриентами поколения Z. Данная статья посвящена изучению особенностей восприятия абитуриентами поколения Z понятия ЛЕКЦИЯ, цель исследования — улучшить качество преподавания научных дисциплин. Задача исследования состоит в выделении наиболее ярких когнитивных классификаторов концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ через обработку ассоциаций, предоставленных абитуриентами современного поколения в ходе ассоциативного эксперимента. Описана методика ассоциативного эксперимента, а также использован прием когнитивной интерпретации его результатов: выделены когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, являющиеся индикаторами концептуализации конкретного понятия в сознании испытуемых. В ходе обработки данных эксперимента были выделены следующие когнитивные классификаторы концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ: увлекательность лекции, информативность лекции, общение преподавателя со студентами, структура лекции, комфортная атмосфера, подача лекции, образность лекции, личность преподавателя, отношения с одногруппниками. Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Уфимского университета науки и технологий (ПРИОРИТЕТ-2030).

D. D. Starikova, L. A. Psycholinguistic Features of Perception of the IDEAL LECTURE Concept by University Applicants of Generation Z. This article studies the peculiarities of the perception of the concept of LECTURE by applicants of generation Z, in order to improve the quality of teaching scientific disciplines. The objective of the

study is to identify the most prominent cognitive classifiers of the concept of IDEAL LECTURE by processing the associations presented by applicants of the modern generation during the associative experiment. This article describes in detail the methodology of the associative experiment, as well as the method of cognitive interpretation of its results — the identification of cognitive features and cognitive classifiers that are indicators of the conceptualization of a particular concept in the minds of the subjects. As a result of processing the data of the experiment, the following cognitive classifiers of the concept of IDEAL LECTURE were identified: lecture appeal, lecture informativeness, teacher communication with students, lecture structure, comfortable atmosphere, lecture delivery, lecture imagery, teacher personality, relationships with classmates. The work was carried out using funds from the Strategic Academic Leadership Program of Ufa University of Science and Technology (PRIORITY-2030).

Чжан Хуэйчжэнь. Антон Чехов в творчестве Лу Синя. Цель настоящей работы заключается в выявлении генетических и типологических связей творчества Лу Синя с прозой Антона Павловича Чехова на основе положений учения о сравнительном литературоведении А. Веселовского, В. Жирмунского и их последователей. В ходе изучающего чтения большого корпуса текстов обоих писателей обнаружены и проанализированы сочинения китайского классика, рассказы, повести, которые написаны под влиянием чеховской тематики, проблематики, поэтики, такие, например, как «Записки сумасшедшего», «Кун Ицзи», «Подлинная история А-кью», «Родина», «Кролики и кошка», «Моление о счастье», «Скорбь по ушедшей». «Переключки» с творчеством Чехова не вызывают сомнений. При этом типологические связи, по сравнению с генетическими, носят, естественно, более предположительный характер. В статье определены факторы исторического, социального, культурного, биографического планов, обусловившие образование этих переключек-параллелей, художественных заимствований из прозы в прозу. Означенная рецепция не была еще предметом специального изучения, ее освещение позволяет лучше понять связи двух больших литератур.

Zhang Huizhen. Reception of Anton Chekhov's Work in the Prose of Lu Xun. The aim of this paper is to reveal the genetic and typological links between Lu Xun's work and Anton Pavlovich Chekhov's prose, using the main provisions of the doctrine of comparative literary studies of A. Veselovsky, V. Zhirmunsky and their followers. In the course of the reading of a large corpus of texts by both writers, we discovered and analyzed works by the

Chinese classicist, short stories, novels, which were written under the influence of Chekhov's themes, problems, and poetics, such as, for example, "Notes of a Madman", "Kun Yiqi", "The True Story of A-Q", "Homeland", "Rabbits and a cat", "Praying for happiness", and "Mourning for the gone". "Overlap" with Chekhov's work is unmistakable. At the same time, typological links, as compared to genetic ones, are, of course, more presumptive. The article identifies the historical, social, cultural and biographical factors that led to the formation of these parallels and artistic adoption from prose to prose. This adoption has not yet been the subject of a special study; its coverage allows us to better understand the links between the two great literatures.

Е. В. Тырышкина. Динамический герой в повести Ю. Н. Тынянова «Восковая персона» (заметки к теме). В статье исследуется явление «динамического героя», когда одни и те же детали описания тела, внешности, поведения встречаются при характеристике героев, живых и мертвых, исторических деятелей и вымышленных персонажей, а также картины мира в целом в последние дни правления Петра I. Рассматриваются «цепочки» известных и второстепенных лиц, связанных между собой сюжетными ситуациями и языковой игрой. Использование приема комбинаторного повтора мотивов и метафор при неопределенной «плавающей» референции обеспечивает проблематизацию не только идентификации персонажа, лишённого привычной «определённости», но возникает «эффект неполноты владения смыслом» всего текста, где не только герой, но и все уровни текста представляют собой динамическую конструкцию, что и порождает эффект «остранения» (модернистская версия приема). Историческое прошлое конструируется и в авторском акте создания повести, и в акте читательской рецепции как фикция, что объясняется теорией памяти А. Бергсона, под влиянием которой находилась Ю. Н. Тынянов.

E. V. Tyryshkina. The dynamic Character in the Y. N. Tynyanov's Story "The Wax Person" (Notes on the Topic). The article examines the phenomenon of the "dynamic character", when the same details of the description of the body, appearance, behavior are found in the characterization of heroes, living and dead, historical figures and fictional characters, as well as picture of the world as a whole during the last days of the reign of Peter I. The "chains" of famous and common persons interconnected by plot situations and language games are considered. The use of the technique of combinatorial repetition of motives and metaphors with an indefinite "floating" reference provides problematization of not only the identification of a character deprived of the usual "certainty", but

there is an “effect of incomplete mastery of the meaning” of the entire text, where not only the character, but all levels of the story represent a dynamic construction, which gives rise to the effect of “defamiliarization” (the modernist version of the technique). The historical past is constructed as a fiction both in the author's act of creating a story and in the act of reader's reception, which is explained by A. Bergson's theory of memory that had influenced the aesthetic views of Yu. N. Tynyanov.

Е. Е. Волкова. Художественные приемы в творчестве Николая Олейникова: метабола и деконструкция. В статье описываются особенности художественных приемов в творчестве Николая Олейникова, выявленные на основе анализа поэтических текстов 1928–1937 гг. Поэзия Олейникова вызывает большой интерес своей недостаточной изученностью при известности имени автора. Этому способствует, с одной стороны, нарочитая несерьезность и пародийность стихов, которая будто и не подразумевает тщательного рассмотрения механизмов создания текста, с другой, само отношение автора к своему объекту творения, который он использует как утилитарный повседневный инструмент, «издеваясь» над сакральностью самого акта творчества. Детальный структурно-семиотический анализ стихотворений Н. Олейникова обнаруживает следующее: поэт, желая добраться до первоосновы сущего, демонтирует один за одним наросшие словесные слои означаемого и обнаруживает либо ничто, пустоту, либо некий неделимый, небинарный художественный образ. В статье рассматривается возникновение в поэзии Олейникова метабола и деконструкции.

E. E. Volkova. Artistic Techniques in the Works of Nikolai Oleynikov: Metabola and Deconstruction. The article describes the features of artistic techniques in the works of Oleynikov, identified on the basis of the analysis of poetic texts of 1928–1937. Oleynikov's poetry is of great interest due to its insufficient study despite the fame of the author's name. This is explained, on the one hand, by the deliberate frivolity and parody of the poems, which seems unlikely to instigate a thorough consideration of the mechanisms of text creation, on the other hand, by the very attitude of the author to his object of creation, which he uses as a utilitarian everyday tool, «mocking» the sacredness of the act of creativity itself. A detailed structural and semiotic analysis of Oleynikov's poems reveals the following: the poet, wishing to get to the root cause of existence, dismantles one by one the accrued verbal layers of the signified and discovers either nothing, emptiness, or some indivisible, non-binary artistic image. The article examines the emergence of metabola and deconstruction in Oleynikov's poetry.

Н. В. Бубнова. «Огней так много золотых на улицах Саратова...»: обзор XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». В статье описан круг ономастических исследований, рассмотренных на XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», которая состоялась 26–29 сентября 2024 г. на базе Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского. Первое пленарное заседание было открыто мемориальным докладом О. В. Никитина «Академик А. А. Шахматов как ономатолог»: детские годы выдающийся языковед и этнограф провел в д. Губаревка Саратовской губернии. Также на первом пленарном заседании прозвучал доклад И. В. Соловьевой о саратовском ономатологе Людмиле Григорьевне Хижняк, ушедшей из жизни в прошлом году. В целом на пленарных и секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады, посвященные рассмотрению теоретических и методологических аспектов ономастики, современных проблем антропонимики, топонимики, урбаноники и эргоники, особенностей функционирования имен собственных в художественном тексте. В ходе работы конференции были актуализированы приоритетные направления ономастики XXI века, обозначены дискуссионные вопросы и перспективы исследований.

N. V. Bubnova “There are so Many Golden Lights on the Streets of Saratov...”: Review of the XXII International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”. The article describes the range of onomastic studies outlined at the XXII International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”, which took place on September 26–29, 2024 at Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. The first plenary session was opened with a memorial report by O. V. Nikitin “Academician A. A. Shakhmatov as an onomatologist”: the outstanding linguist and ethnographer spent his childhood years in the village of Gubarevka, Saratov province. Also at the first plenary session, a report was made by I. V. Solovyova about Saratov onomatologist Lyudmila Grigorievna Khizhnyak, who passed away last year. In general, at the plenary and sectional sessions, reports were heard and discussed on the theoretical and methodological aspects of onomastics, modern problems of anthroponymy, toponymy, urbanonymy and ergonymy, and the peculiarities of the functioning of proper names in a literary text. During the conference, priority areas of onomastics of the 21st century were updated, controversial issues and research prospects were identified.

НАШИ АВТОРЫ

- АБДЫЖАПАРОВА, Марина Илларионовна** — кандидат филологических наук, доцент Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск)
E-mail: mabdyzhaparova@mail.ru
- БЕЛИКОВ, Сергей Владимирович** — преподаватель русского языка Нанькайского университета (г. Тяньцзинь, КНР)
E-mail: serafimb@mail.ru
- БУБНОВА, Нина Викторовна** — кандидат филологических наук, доцент Военной академии ВПВО ВС РФ (г. Смоленск)
E-mail: 85ninochka67@mail.ru
- ВОЛКОВА, Елена Евгеньевна** — аспирантка Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул)
E-mail: zibukazibaka@mail.ru
- ИВАНОВА, Агния Алексеевна** — кандидат культурологии, старший преподаватель Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (г. Москва)
E-mail: ag.ivanova@my.mgimo.ru
- КАРГАПОВ, Евгений Павлович** — доктор педагогических наук, профессор Ханты-Мансийской государственной медицинской академии (г. Ханты-Мансийск)
E-mail: ep.kargaplov@hmgma.ru
- КАРПУХИНА, Виктория Николаевна** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
E-mail: vkarpuhina@yandex.ru
- ЛЮ, Сыди** — аспирантка Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: 857980247@qq.com
- МАНСКОВ, Алексей Анатольевич** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
E-mail: a-manskov@yandex.ru
- МАРЕМУКОВА, Элеонора Владимировна** — кандидат филологических наук Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, главный специалист-эксперт Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик)
E-mail: elleonora16@mail.ru
- МУШТАНОВА, Оксана Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (г. Москва)
E-mail: oksanadeer@gmail.com

- НЕСТЕРОВА, Наталья Георгиевна** — доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета
E-mail: nesterovatoms@mail.ru
- ПРОНЧЕНКО, Сергей Михайлович** — кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (г. Новозыбково)
E-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru
- РАБЕНКО, Татьяна Геннадьевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор Кемеровского государственного университета
E-mail: tat.rabenko@yandex.ru
- СЕЛИНА, Лада Алексеевна** — ассистент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии высшей школы психологии и педагогики Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lada.selina@mail.ru
- СЕРДЮК, Данил Витальевич** — аспирант Иркутского государственного университета
E-mail: serdyuk.danil89@mail.ru
- СТАРИКОВА, Дарья Дмитриевна** — кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Уфимского университета науки и технологий
E-mail: StarikovaDa@yandex.ru
- ТЕРЕНТЬЕВА, Анастасия Олеговна** — аспирант, преподаватель кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина (г. Бийск)
E-mail: lilitff@yandex.ru
- ТЫРЫШКИНА, Елена Викторовна** — доктор филологических наук, профессор, доцент Новосибирского государственного педагогического университета
E-mail: elena.tyrshkina@gmail.com
- ФЕДОСОВА, Татьяна Викторовна** — кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета
E-mail: Tatyana.fedosova@gmail.com
- ЦЗИН, Чжан** — аспирант Ивановского государственного университета
E-mail: 18339401682@163.com
- ЧЕРКАСОВА, Инна Петровна** — доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
E-mail: inna_cherkasova@mail.ru
- ЧЖАН, Хуэйчжэнь** — аспирант Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва)
E-mail: 1042225077@pfur.ru
- ЧИСТЮХИНА, Евгения Александровна** — кандидат филологических наук, доцент Новосибирского военного ордена Жукова института им. генерала армии И. К. Яковлева ВНГ РФ
E-mail: etschistjuchina@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объемом не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется с указанием издательства, индекса DOI (при наличии), страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.), количества страниц и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных при-

мечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (1000 знаков с пробелами каждая); в аннотации указываются тема, цель, материал, методы, краткие результаты исследования). Далее следует **основной текст статьи**: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственный текст, Библиографический список литературы (не менее 15 единиц) и References.

К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуально-

сти темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 1 ■ 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета: О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 14.03.2025.
Дата выхода издания в свет 21.03.2025.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 164.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66